

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ

№ 10 2024 (ОКТАБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

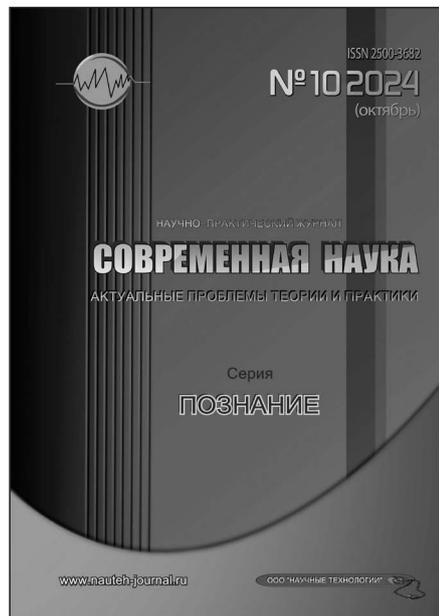
Подписано в печать 14.10.2024 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №10 (октябрь) 2024 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н, доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н, профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Глотова Ж.В., Садовская Т.А., Мондраева Е.З. – Смена культур: от В.Я. Брюсова до Ю.Н. Харари
Glotova Zh., Sadovskaya T., Mondraeva E. – Change of cultures: from V.Ya. Brusov to J.N. Harari. 5

Ковальчук О.Г. – Цифровизация культурного наследия: перспективы и возможности
Kovalchuk O. – Digitalization of cultural heritage: prospects and opportunities 9

Петрухина А.С., Шангуа И.Э. – Российская культура и традиции как часть национального кода
Petrukhina A., Shangua I. – Russian culture and traditions as part of the national code 14

Сун Чуньчжу – Жизнь в женском монастыре: история и реальность
Song Chunzhu – Life in a women's monastery: history and reality 18

Чжао Юнхэн – Исследование каллиграфии стелы для создания статуй первого года правления династии Северная Вэй «Цзяньи»
Zhao Yunheng – The study of the calligraphy of the stele for the creation of statues of the first year of the reign of the Northern Wei dynasty "Jianyì" 22

Психология

Амосов А.В. – Особенности совладающего поведения при злоупотреблении алкоголем и в ремиссии: специфические стрессоры, коррекционные мишени, рекомендуемые стратегии работы
Amosov A. – Features of coping behavior with alcohol abuse and in remission: specific stressors, corrective measures, recommended work strategies 26

Гафарова О.Н. – «Депрессивная цепь» и ее разрушение по уровням процесса осознания
Gafarova O. – The "depressive chain" and its destruction by levels of the awareness process. 31

Дорошенко В.Ю. – Психологические особенности работников секс-индустрии
Doroshenko V. – Psychological characteristics of employees in sex industry in Russia. 43

Земцева Н.В. – Психолого-педагогический аспект комплексной реабилитации пациентов после острых нарушений мозгового кровообращения
Zemtseva N. – Psychological and pedagogical aspect of complex rehabilitation of patients after acute cerebral circulation disorders 48

Зиннатуллина Г.М. – Роль ритмического воспитания в формировании навыков самоорганизации у школьников
Zinnatullina G. – The role of rhythmic education in developing self-organization skills in schoolchildren 54

Калягин В.А., Овчинникова Т.С. – Коммуникативное поведение заикающихся как основа психокоррекции
Kalyagin V., Ovchinnikova T. – Analysis of the behavior of stutterers as the basis of psychocorrection 58

Калягин В.А., Овчинникова Т.С. – Индивидуальный стиль поведения заикающихся школьников и взрослых как фактор успешности их коммуникации
Kalyagin V., Ovchinnikova T. – Individual behavior style of stuttering schoolchildren and adults as a factor in the success of their communication 63

Лабезная Л.П. – Анализ копинг-стратегий у студентов Луганской Народной Республики в условиях затяжного стресса
Labeznaya L. – Analysis of coping strategies among students of the Luhansk People's Republic under prolonged stress 68

Литвиненко И.Г. – Инициативное бюджетирование как институт формирования гражданской активности личности в транзитивном обществе
Litvinenko I. – Proactive budgeting as an institution for the formation of personal civic engagement in a transitive society 73

**Молчанов А.Ю., Молчанова Е.А.,
Мартьянова Л.М.** – Исследование взаимосвязи
личностной тревожности и склонности ко лжи
Molchanov A., Molchanova E., Martianova L. –
The study of the relationship between personal
anxiety and the tendency to lie..... 78

Нечаева Э.А. – Современные методики
диагностики и развития эмоционального
интеллекта у дошкольников
Nechaeva E. – Modern methods of diagnosis
and development of emotional intelligence in
preschoolers..... 83

Славутская А.Е. – Специфика рабочей памяти
подростков в условиях углублённой подготовки
Slavutskaia A. – The specifics of adolescent working
memory in the context of advanced training..... 88

Суворова О.В., Ягудин Д.Р. – Влияние
нейродинамического восстановления родителя на
эффективную коррекцию детей с ОВЗ, РАС, СДВГ
Suvorova O., Yagudin D. – The influence of
neurodynamic recovery of a parent on the effective
correction of children with disabilities, ASD,
ADHD 92

Фещенко Е.К. – Развитие профессионально
значимых личностных качеств молодых
специалистов в процессе карьерного
конструирования
Feshenko E. – Development of professionally
significant personal qualities of young specialists in
the process of career design..... 99

Философия

Абельбейсов В.А. – Философские основания
социальной работы в России
Abelbeisov V. – The philosophical foundations of social
work in Russia 104

Звонова Е.Е. – Представления А.Л. Чижевского
об эволюции человека в контексте полемики
эволюционизма и креационизма
Zvonova E. – A.L. Chizhevsky's ideas about human
evolution in the context of polemic between
evolutionism and creationism 110

Зеткин С.Н. – Чаяния о «мышинном рае»:
противоречия философских основ утопии
трансгуманизма
Zetkin S. – Desires for a "mouse paradise":
contradictions in the philosophical foundations of
the utopia of transhumanism..... 115

Зианшина М.Т. – Значение деконструкции
священного текста в философии Мохаммеда
Аркуна
Zianshina M. – The significance of deconstruction
of the sacred text in the philosophy of Mohammed
Arkun..... 120

Иванова И.С. – Проблема факта и иллюзии
незаменимости объекта любви в литературе и
философии
Ivanova I. – The problem of the fact and illusion of
the irreplaceability of the object of love in literature
and philosophy 123

Лаврентьева А.Ю., Логинова А.К. – Современное
русское мировоззрение: экзистенциальный
компонент
Lavrentieva A., Loginova A. – The modern Russian
worldview: existential component..... 128

Ма Ян – Начальный период развития джазового
саксофона в Китае
MaYang – The early period of jazz saxophone
development in China 133

Скопа В.А., Ан С.А. – Человек в дуальном мире
эпохи русского просвещения: культурфилософский
анализ
Skopa V., An S. – Man in the dual world of the Russian
enlightenment: a cultural-philosophical
analysis..... 137

Торубарова Т.В., Осипова В.А. – Осмысление
сущности как манифестации человеческого
измерения бытия
Torubarova T., Osipova V. – Understanding
the essence as a manifestation of the human
dimension of being 142

Информация

Наши авторы. Our Authors..... 147

Требования к оформлению рукописей и статей для
публикации в журнале..... 148

СМЕНА КУЛЬТУР: ОТ В.Я. БРЮСОВА ДО Ю.Н. ХАРАРИ

CHANGE OF CULTURES: FROM
V.YA. BRUSOV TO J.N. HARARI

*Zh. Glotova
T. Sadovskaya
E. Mondraeva*

Summary: The article analyzes the problem of culture change at the present stage of society development. The unfinished work by V.Y. Brusov "Culture Change" is reviewed and the theses of the Israeli historian and futurologist Y.N. Harari concerning the problem of humanity and civilization development are contrasted. The main trends in the development of modern and future civilization in the context of global changes in the cultural and information field are highlighted. The idea that the development of modern technologies may result in the oppression of human intellectual function is put forward. Introduction of digitalization, aggressive competition between manufacturers of gadgets and content affects the quality of information consumed. Transformation of culture, history, and ideology is observed. The authors conclude that individual national culture is being replaced by a global digital culture, in which individual features of different national cultures will be blurred.

Keywords: culture, cultural diffusion, intercultural communication, revolution, society, post-industrial world, self-identification, civilization, digitalization.

Глотова Жанна Владимировна
кандидат педагогических наук, доцент,
Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта, Калининград
glotova_hanna@mail.ru

Садовская Татьяна Анатольевна
кандидат педагогических наук, доцент,
Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта, Калининград
tanya-sad@mail.ru

Мондраева Елена Захаровна
кандидат педагогических наук, доцент,
Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта, Калининград
len.mondraeva@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу проблемы смены культуры на современном этапе развития общества. Анализируется неоконченное произведение В.Я. Брюсова «Смена культур» и противопоставляются тезисы израильского историка и футуролога Ю.Н. Харари относительно проблемы развития человечества и цивилизации. Рассматриваются основные тенденции развития современной и будущей цивилизации в свете глобальных изменений в культурно-информационном поле. Выдвигается идея о том, что результатом развития современных технологий может стать угнетение интеллектуальной функции человека. Внедрение цифровизации, агрессивная конкуренция между производителями гаджетов и контента влияет на качество потребляемой информации. Наблюдается перерождение культуры, истории, идеологии. Авторами делается вывод о том, что на смену отдельной национальной культуре приходит глобальная цифровая культура, в которой отдельные черты разных национальных культур будут размыты.

Ключевые слова: культура, культурная диффузия, межкультурная коммуникация, революция, общество, постиндустриальный мир, самоидентификация, цивилизация, цифровизация.

Наступившая эра внезапно была детерминирована как постиндустриальная, которая, очевидно, не отвечает оптимистическим прогнозам великих пророков. Сегодня принципиально то, что даже в европейском эпицентре культурной цивилизации мы испытываем яркие ощущения от того, что данная эпоха явно несет некий диссонанс с внешними атрибутами победившей постиндустриализации. Что мы наблюдаем сегодня, если сравним наше недавнее прошлое, т.е. индустриальный мир? Сегодня мы имеем тот мир, в котором больше несправедливости, болезней, бедности, искажений культурных кодов. Если еще недавно люди 1960-х годов видели окружающий мир оптимистичным, то люди 1980-х – 1990-х уже прагматичным. А сегодня этот мир оказывается абсолютно неизвестным и чужим, и мы приходим к ряду тезисов о важности нового понимания жизненных устоев и ориентиров, культуры и массовой психологии, ценностей и свобод.

В рамках заявленного сообщения попробуем проследить динамику культурного процесса, смены культур от В.Я. Брюсова и его понимания подвижности такого феномена, как культура до современного израильского историка, футуролога Юваля Ноя Харари. Обоих авторов объединяет то, что и тот, и другой осознавали и осознают, что человечество стоит на точке культурного перепутья, только один размышлял об этом в 20-е годы XX века, а другой в 20-е годы XXI века.

Некоторые негативные события, близкие по своей значимости, происходили в 20-е годы прошлого века и сейчас, с разницей в сто лет, с небольшой погрешностью. В 1918-1919 гг. человечество уже переживало серьезную эпидемию гриппа, которая унесла много жизней людей, кстати намного больше, чем COVID-19 в 20-е годы нашего столетия. 20-е годы XX века были временем переживания Россией и западным миром последствий Первой

мировой войны. Сегодня, спустя практически сто лет, мы наблюдаем близкую к военной картину, причем уже в мировом масштабе.

Перейдем к анализу произведения В.Я. Брюсова «Смена культур» (1920 год), которое не является законченным авторским трудом [1, С.14]. В самом начале автор пытается дать понятие культуры и утверждает, что оно, данное слово «весьма неопределенно». Далее, В.Я. Брюсов рассуждает о том, что данный феномен следует понимать в двух ипостасях. Во-первых, «под «культурой» разумеется известная степень цивилизации, развития». Во-вторых, «наука трактует также о культуре первобытных народов, то есть считает культуру любую, даже самую низкую степень развития».

Понятие «культура» и сегодня остается одним из самых сложно определяемых в связи с многоаспектностью данного феномена. Многие исследователи видят основное предназначение культуры в формировании единого понимания смысла жизни людьми [1, С. 21].

Культура как явление представляет собой все же некую абстракцию, и здесь очень важно определить ее отличие от общества, быта, уклада, этноса. В.Я. Брюсов также утверждает, что культура шире понятия быта, внешнего уклада жизни общества, верований, познаний, искусства. Он делает акцент на том, что несмотря на то, что быт, например, у разных слоев общества отличался друг от друга (скажем, быт русского купца и быт русского крестьянина), но в целом русская культура оставалась неизменной, даже в эпоху сильных потрясений и преобразований Петра I. Культура впитывала в себя много нового, но вряд ли изменилась.

Мы можем констатировать с позиции современного человека, что культура определенного народа на протяжении столетий, в частности, если говорить о русской культуре, не то что не менялась, она менялась (если мы возьмем эпоху от Рюрика до Николая II), но эти изменения касались только содержания – трансформировались какие-то представления людей об окружающем мире, эволюционировали культурные паттерны и т.д. Сейчас меняется сама структура культурной среды. В своей работе В.Я. Брюсов упоминает также о пяти-семи тысячелетней истории существования древнеегипетской культуры, о двенадцати тысячелетней истории существования римской культуры, и тем не менее, несмотря на внушительный срок господства этих культур, согласно автору, основы их существенно не меняются. Даже экономические и политические события, будучи очень важными для народа, не в силах были изменить эти культуры в глобальном смысле. Безусловно, в рамках названных культур были ответвления, например, от халдо-вавилонской культуры отделились еврейская и финикийская, или новоевропейская культура делилась

на французскую, немецкую, английскую и т.д. Но здесь можно наблюдать только вторичные видоизменения культур в разные этапы или периоды существования единой культуры. Автор с уверенностью утверждает: «... основы различных культур имеют силы устоять против всех экономических переворотов. Чтобы сломить или изменить самые эти основы, необходим еще какой-то другой фактор. В своей глубине он может также опираться на причины экономические ..., но на смену культур эти причины влияют уже не непосредственно, а отраженным образом...» [2, С. 17].

Во второй главе своего произведения В.Я. Брюсов критично относится к самоидентификации европейской культуры самими европейцами. По его словам, они очень нескромно мнят себя «культуртрегерами» (*от немецкого «Kulturträger» – носитель культуры*) чуть ли не всего человечества, хотя есть более древние культуры. В отношении религии европейцы признают свою религию как единственно истинную, забывая, что существуют другие веры. «Наверное, европейцы посмотрели бы с удивлением на буддийских миссионеров, явившихся проповедовать свое учение французам, немцам, англичанам, и тем более на китайских «культуртрегеров», задавшихся целью внести китайскую культуру в Европу». Многие исторические события в Европе, действительно, позволили, а местами, может, и заставили поверить европейцев в исключительность и превосходство своей культуры. Но самое страшное, что проповедовали европейцы, так это их посыл о том, что их культура является «завершительной формой культуры» [1, С. 29].

Европа на самом деле была кузницей многих идей – и экономических, и политических, и культурных. Данный факт нельзя списывать со счетов. Между XV и XVIII веками Западная Европа завладела внешним миром. Большую часть заслуг следует приписать европейским ученым, изобретались оружие, лекарства, машины, делались открытия в различных областях знания. Но опять же нельзя забывать, что европейская наука процветала благодаря древним научным традициям античной Греции, Китая, Индии, исламского мира. В конце своего неоконченного произведения В.Я. Брюсов задается вопросом, может ли новоевропейская культура быть более жизнеспособной, чем другие предшествующие культуры и какие основания у нее для этого есть. По словам автора, все культуры смертны: «Они рождаются, растут, развиваются, дряхлеют и умирают». Смены культур, по мнению автора, проходят различными путями. Такими путями обязательно должны стать уничтожение, повиновение, завоевание. Это может быть простая ассимиляция, усвоение культуры поработанной или поработаемой страной озарение и восхищение, а затем принятие чужой культуры в силу понимания того, что чужая культура превосходит свою собственную; возрождение новой культуры, с основ, проходя заново все пути от варварства до вос-

крещения; или это может быть простая эволюция, как например, безболезненно произошла смена средневековой культуры на новоевропейскую.

К сожалению, произведение обрывается в самом интересном месте – вопросом о том, кто может заменить новоевропейскую культуру, а также какие опасности и риски грозят человечеству.

На наш взгляд, произведение В.Я. Брюсова «Смена культур» вполне мог бы продолжить современный израильский историк Юваль Ной Харари, который занимается в настоящее время транснациональной историей и макроисторическими процессами. Его книги «21 урок для XXI века», «Homo Deus: краткая история будущего», «Sapiens: краткая история человечества» начали издаваться в России с 2019 года и несут в себе футурологические пророческие высказывания о развитии человечества в ближайшем будущем. В его книгах прослеживается связь между событиями прошлого и проблемами настоящего и будущего. Ю.Н. Харари поднимает важные вопросы человечества и цивилизации в целом, начиная от вопросов «Как человеку удалось покорить мир?», «Почему появились государства и деньги?» до вопросов «Что будет, если Google будет сам определять наши вкусы и предпочтения в чем бы то ни было?», «Какие последствия перехода от полномочий и компетенций человека к искусственному интеллекту мы будем наблюдать?».

В своих работах Ю.Н. Харари делает важное заключение о том, что еще никогда за всю историю человечества изменения в культурно-информационном поле не были столь грандиозными и значительными, как сейчас. IT-идеи, роботизация, урбанизация, искусственный интеллект превращаются в своеобразный экзоскелет нашего мозга. А все это должно привести к неизбежной атрофии интеллектуальной функции. В силу цифровой зависимости, агрессивной конкуренции между производителями гаджетов и контентов, эффектов подключенности изменилось не только количество, но и качество потребляемой нами информации. Такая фундаментальная трансформация культурно-информационной среды и ее когнитивное искажение ведут к тому, что мы, люди, снижаем значение происходящего: к переменам мы стали привыкать очень быстро, не реагируем на смену картинок и не замечаем, таким образом, собственных изменений, потому что не с чем сравнить – культуры размыты, нет существенных отличий одной культуры от другой. В мире существует на данный момент мало изолированных культур, практически все культуры взаимодействуют друг с дружкой. Мир стал глобальным, становится многополярным, мы все меньше испытываем культурных шоков. Антропологи назвали бы данный феномен «культурной диффузией».

В рамках межкультурной коммуникации мы постоянно

наблюдаем языковые и культурные заимствования. Культурную диффузию можно рассматривать как процесс принятия или отторжения новшеств одной культуры со стороны другой культуры. Еще одним доказательством того, что культура, человечество, мир, стирает границы между собой, является, по мнению Ю.Н. Харари, процесс нахождения общих паттернов, общих свойств в культуре. Он заметил, что особенно люди науки и искусства склонны обнаруживать общности, кластеры. Важным признаком новейшей культуры все же становится, как бы парадоксально это не звучало в эпоху глобализации, когда происходит крушение культурной изоляции, в какой-то степени индивидуализация культуры, ее самости, ее избирательности. Самые специфические нужды людей могут удовлетворяться разнообразными способами, но культура выбирает из них один или очень мало. Первоначальный выбор совершается каким-то одним человеком, а затем к нему присоединяются остальные. Для последующих поколений этот выбор всегда считался нормой поведения, исторически апробированной предыдущими поколениями в качестве наиболее оптимального способа решения проблемы [3, С. 496].

На взгляд Ю.Н. Харари, рисуя футурологическую картину дальнейшего культурно-исторического развития человеческого общества, он убежден, что движущими силами станут деньги и научные знания, образуя узкий взаимосвязанный симбиоз. Происходит так называемое перерождение культуры, истории, идеологии. Будущее поколение скорее всего будет поклоняться, если можно так сказать, всемогуществу науки, развитие которой будет способствовать тому, чтобы объединить человечество всей планеты [4. 512]. По сути, люди перейдут из реальной окружающей среды в новую – условную, в которой скорее всего практически не останется материальных объектов, а будет некая модифицированная среда, не придется говорить о какой-то отдельной национальной культуре, о европейской, об американской или о какой-либо еще. На смену приходит глобальная цифровая культура, в которой отдельные черты разных национальных культур будут размыты, последующие поколения еще долго будут пребывать в рамках наукоёмкой цифровой культуры [5, С.29]. Собственно, не особенно важным будет тот факт, как назвать новую культуру, которая придет на смену существующей, главное, чтобы этот скачок был фундаментально качественным, чтобы общество не стало полностью информационно-цифровым, а человеческий ресурс не свелся только к потреблению. Безусловно, изменится тип мышления, что можно уже наблюдать сегодня [6, С. 416]. Одна из предыдущих культурных революций заключалась в появлении письменности, которая позволяла кодировать в текстах большие пласты информации. Сегодняшние, цифровые, способы кодирования смыслов строятся абсолютно на других принципах. Если раньше человек писал на пишущей машинке текст, то фиксировался тот смысл, который был

заложен человеком, то сегодня компьютеры, нейросети становятся полноценными членами коммуникативного акта, а исход этой коммуникации может стать непредсказуемым. Не окажемся ли мы все в Зазеркалье, имитирующем реальную действительность? Сохранит ли культура свои родовые черты?

Как было заявлено выше, не происходит смены культуры, если затрагивается только ее содержательная составляющая. Как только появляется необходимость изменения на структурном уровне, то здесь уже можно говорить о подвижности культуры. Устанавливается некий дисбаланс между профессиональным и повседневным уровнями в структуре культуры, между элитарной и массовой составляющими культуры. Современный человек, погружаясь в информационно-цифровую среду, должен на высоком уровне владеть IT-технологиями, но как бы парадоксально это не звучало, это погружение приводит к снижению индивидуального начала и сужению культурного диапазона [7, С. 302].

К чему приведет смена культур на уровне человеческого общения? Уже сегодня мы замечаем, что наше общение постепенно теряет свои естественные черты, обезличивается, обрастает новыми культурными кодами. Эта тенденция скорее всего будет усиливаться. Вопрос, опасно ли это или полезно, остается пока открытым.

Авторы заявленного сообщения разделяют мнение Ю.Н. Харари в этом вопросе, но хотелось бы все же отметить, что все выводы, касающиеся будущего развития общества и человечества в целом, не априорны, а являются лишь поводом для дискуссии. Проблема смены культуры требует осмысления ряда положений, таких как, например, будет ли формирование многополярного мира позитивным или негативным явлением для всего человечества? Будет ли человечество принимать или отторгать завоевания прошлого? Хочется верить, что все изменения, которые мы будем наблюдать, будут происходить по воле и сознанию людей, а не машин и искусственного интеллекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брюсов В. Смена культур. URL: <http://www.litmir.me> (дата обращения: 28.10.2022).
2. Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже XX века // Психологический журнал. – 2000. – Т.21. - №3.
3. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. – М.: Синдбад, 2019. – 496 с.
4. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. – М.: Синдбад, 2019. – 512 с.
5. Freytas-Tamura, K. (2018). What's next for humanity: Automation, new morality and a 'Global useless class'. New York Times. March. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ny-times.com/2018/03/19/world/europe/yuval-noah-harari-future-tech.html> (дата обращения: 05 января 2024).
6. Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века. – М.: Синдбад, 2020. – 416 с.
7. Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. - 1999. - С.302.

© Глотова Жанна Владимировна (glotova_hanna@mail.ru), Садовская Татьяна Анатольевна (tanya-sad@mail.ru),
Мондраева Елена Захаровна (len.mondraeva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Ковальчук Олег Геннадьевич

соискатель, Краснодарский
государственный институт культуры
kovo103@rambler.ru

DIGITALIZATION OF CULTURAL HERITAGE: PROSPECTS AND OPPORTUNITIES

O. Kovalchuk

Summary: As part of the research, the results of which are reflected in the article, a theoretical understanding of the current situation in the preservation of cultural heritage was carried out. The context of understanding the problem field, the issues of which still cause discussions and disputes, and the research results do not bring the desired achievements, was formulated within the framework of the digitalization of modern society. Research interest, which has not faded away in the scientific community to this day, ultimately does not lead to cherished results, the reason for which, in our opinion, is the fragmentation of data and the decentralization of management of the phenomenon under study. Based on the results of the study, the main possibilities of digitalization of cultural heritage were formulated and the prospects for their application were established, while eliminating the existing risks of the predominantly technological environment.

Keywords: digitalization, cultural heritage, preservation and reflection, possibilities of digital tools, prospects of digitalization.

Аннотация: В рамках исследования, результаты которого отражены в статье, был осуществлено теоретическое осмысление сложившейся ситуации в деятельности по сохранению культурного наследия. Контекст осмысления проблемного поля, вопросы которого до сих пор вызывают дискуссии и споры, а результаты исследований не приносят желаемых достижений, был сформулирован в рамках деятельности по цифровизации современного общества. Исследовательский интерес, не угасающий до сегодняшнего дня в научном сообществе, в конечном итоге не приводит к заветным результатам, причиной чему, на наш взгляд, является фрагментация данных и децентрализация управления исследуемым явлением. По результату исследования были сформулированы основные возможности цифровизации культурного наследия и установлены перспективы их применения с одновременным устранением существующих рисков преимущественно технологической среды.

Ключевые слова: цифровизация, культурное наследие, сохранение и отражение, возможности цифрового инструментария, перспективы цифровизации.

Введение

Неотвратимость технических и, соответственно, технологических преобразований, вторгающихся во все сферы жизнедеятельности и жизнотворчества человека, кроме создания, модификации и трансляции цифровых ресурсов, выступают причиной появления новых культурных форм, отличных от результатов простых переводов различных объектов культурного наследия в цифровой объект [7, с. 129].

Преимущества развития цифровых форм культурного наследия, в совокупности выступающих в качестве новых культурных феноменов, утрачивают свои приоритетные позиции в виду недостаточной сформированности теоретико-методологического аппарата. Указанная недостаточность выявляется уже на стадии формулирования новых культурных дефиниций, не позволяющая грамотно оперировать новым инструментарием возможностей, что становится критичным в сложившихся условиях цифровизации общества [2; 8].

Цель настоящего исследования заключается в выявлении перспектив и возможностей цифровизации культурного наследия в контексте сложившегося про-

блемного поля.

Теоретическое осмысление проблемы исследования. Первоначально, отражая обобщенную точку зрения большинства ученых в исследовательской области [1, с. 16; 4, с. 15], сформулируем новое понятие, вошедшее в научный оборот – цифровое наследие. Под данным словосочетанием принято понимать вид наследия, как совокупность культурных, образовательных и научных ресурсов, существующих в цифровой форме. Подобная формулировка предусматривает признание в качестве цифрового наследия оцифрованные версии культурных объектов и объекты, представленные только в цифровом формате, т. е. «рожденные цифровыми» [1, с. 17].

Однако, несмотря на изначальную разницу в «рождении» цифрового наследия, до настоящего времени проблемное поле их практического применения сохраняется в виду отсутствия ответов на вопросы о социальной значимости, нормативно-правовом регулировании ответственности и безопасности многообразия уже существующих форм [3, с. 19].

Цифровизация культурного наследия способна обеспечить хранение и представление конкретных объек-

тов в ряде предметных областей, однако в этом случае возникают вопросы технологического и организационного характера, на которые до сих пор отсутствует аргументированный и однозначный ответ со стороны научного сообщества [2; 6; 8]. В частности, при найденном решении проблемного вопроса архивирования цифровых данных, возникает задача смены технологических решений в виду «старения» форматов данных, в результате чего мы вынуждены констатировать фрагментарность осуществляемых исследований в отсутствии комплексного подхода, учитывающего различные плоскости проблемы: организационную, правовую, технологическую.

Таким образом, несмотря на актуализацию исследовательской деятельности в рамках затронутой нами темы, до настоящего времени разработаны только организационные механизмы создания и сохранения цифровых научных ресурсов, представленных в виде «оболочек» информации – «вершин информационного айсберга» [2, с. 124] с рядом ограничивающих их функционал недостатков, одним из которых является жестко заданная структура метаданных.

В этом случае достаточно спорным следует считать утверждение о цифровизации культурного наследия, так как в отсутствие комплексности решений невозможно реализовать на практике всю совокупность возможностей, предоставляемых «инструментарием цифр» (см. рисунок 1).

Указанная комплексность в деятельности по сохранению культурного наследия цифровым инструментарием может быть достигнута путем выработки механизмов репликации всего ресурса одновременно, что возможно только при оптимальном разрешении технологического аспекта, учитывающего постоянное развитие и функционирование технологической среды.

Трансформации названной среды, обусловленные развитием информационных технологий, определяют значимость подготовки IT-специалистов [2, с. 125].

Анализ существующих на текущем этапе развития технологической среды в деятельности по цифровизации культурного наследия позволяет выявить ведущие направления по его сохранению, среди которых нами были выделены два основных – организационно-методологическое и технологическое. Устойчивость функционирования механизма сохранения культурного наследия в этом случае может быть представлено в виду двух комплексно реализуемых видов мероприятий:

- по обеспечению долговременного хранения объектов цифрового культурного наследия [5, с. 366];
- модернизацией сопровождающей деятельности, своевременно корректирующей влияние факто-

ров технологической среды [8, с. 177].

Благодаря планированию и непосредственной организации вышеуказанных мероприятий, носящих комплексный характер, может быть достигнута соответствующая влиянию внешних факторов поддержка платформы хранения и трансляции цифровых объектов. Совокупность предпринятых мер способно разрешить ряд актуальных задач:

- обеспечить сохранность информации об объектах цифрового культурного наследия;
- нивелировать различия в ценности объектов;
- сохранение в ценностном с точки зрения восприятия информации контексте [2, с. 126].

В свете представленной информации, полученной в ходе анализа результатов исследовательских трудов, на наш взгляд универсальной организационной структурой для сохранения и отображения большого объема данных, может стать онлайн журнал. В данной форме при грамотном использовании технологических возможностей инструментария возможна реализация – множественности мультимедийных форматов, способных вместить в себя и сохранить большое число цифровых или оцифрованных культурных объектов.

Анализ научных работ по результату интерпретации и обобщения позволил выделить отличительные особенности онлайн журнала, обладающие способностью расширить имеющийся диапазон возможностей цифровизации культурного наследия [6, с. 14]. Кроме того, предлагаемый онлайн журналом инструментарий обладает регулирующим (корректирующим) функционалом, что позволяет своевременно реализовывать управляющие действия в условиях неопределенности влияния внешних факторов (см. рисунок 2).

В рамках сформулированной цели, посредством оптимальных ей методов, были получены результаты, консолидация которых позволяет обобщить риски утраты культурного наследия. Для предотвращения развития негативного сценария, изначально следует наметить ведущее направление, в пространстве которого при установлении соответствующим задачам условиям возможно противодействие выявленным рискам.

В нашем случае, в качестве подобного ведущего направления мы видим централизацию деятельности, что позволит создать единого организационно-функционального поля, в котором каждый из сценариев будет развиваться по заранее заданным параметрам, установленным нами. В подтверждение высказанной нами гипотезы можно привести результаты исследования, авторы которых указывают на возможность преодоления препятствий на пути сохранения культурного наследия в условиях цифровизации путем централизации управления

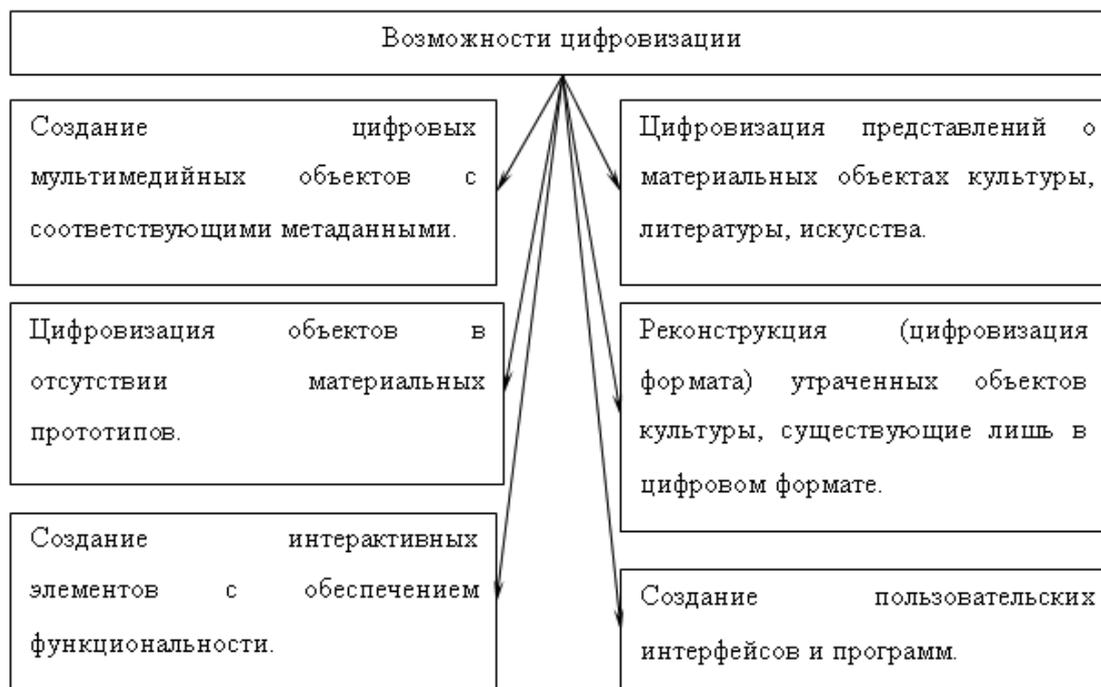

Рис. 1. Возможности цифровизации культурного наследия (составлено автором)

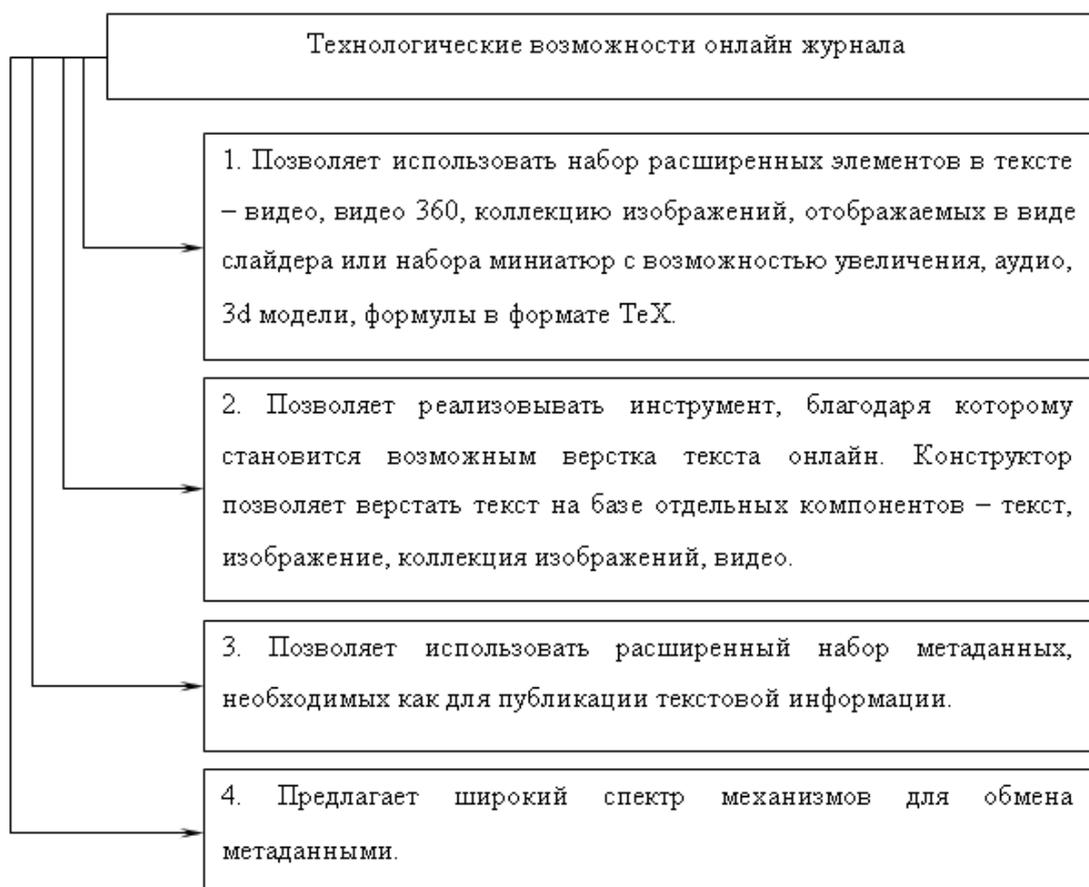

Рис. 2. Возможности инструментария онлайн журнала (составлено автором)

деятельностью [3; 8].

В рамках централизации, образуется «коридор» возможностей, в котором нами выделены следующие направления:

1. каталогизация ресурсов, с централизацией всех объемов информации об объектах вне контекста;
2. централизация всей технологической составляющей культурного наследия для архивации и отражения данных на множественности существующих платформ, со снятием ограничений по их трансформации в контексте происходящих внешних изменений;
3. сохранение культурных ресурсов в режиме «как есть» создание копии, что способно противостоять активной технологической трансформации или технологическому «старению» языков программирования.

Заключение

В рамках сформулированной исследовательской цели нами поэтапно были разрешены две задачи:

1. систематизирован материал, обобщающий информацию о возможностях преодоления некоторых, наиболее серьезных рисков утраты культурного наследия в результате его цифровизации;
2. выявлены ведущие направления модернизации в перспективе развития цифрового инструментария, предназначенного для сохранения и трансляции (отражения) накопленного или только что созданного культурного наследия.

В качестве основного направления деятельности

по сохранению культурного наследия нами выделена деятельность по централизации действий, в которых обязательно учтены положения комплексного подхода, охватывающего социальное и нормативно-правовое регулирование ответственности и безопасности многообразия существующих форм.

Подобная централизация может быть подкреплена созданием регулирующего осуществляемую деятельность центра, в обязанности которого могут быть включены:

1. создание и научное обоснование теоретико-методологического базиса деятельности по сохранению культурного наследия;
2. организация консультационного центра для специалистов, сопровождающих исследуемую нами деятельность;
3. организация экспертного мониторинга цифровых ресурсов;
4. анализ рисков и выработка методических рекомендаций по их преодолению;
5. разработка проектов реставрации цифровых ресурсов;
6. организация контролируемого доступа к архиву цифрового культурного наследия.

Обобщение результатов обеспечивает теоретическую основу для последующего более детального осмысления проблемных аспектов затронутой в исследовании темы. Конкретизация результатов позволит выработать конкретные механизмы управления и организации деятельности по цифровизации культурного наследия с одновременным устранением рисков его утраты на практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурда, Е.В. Базовые цифровые компетенции субъектов, организующих цифровизацию культурного наследия / Е.В. Бурда // Управление персоналом, социальными и бизнес-коммуникациями: методы, модели, технологии 2023: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 22 марта 2023 года. – М: Государственный университет управления, 2023. – С. 15-18. – EDN ENPKHQ.
2. Бурда, Е.В. Использование NFT-технологий при цифровизации культурного наследия / Е.В. Бурда // Трансформация механизмов устойчивого развития социально-экономической среды Российской Федерации: Материалы Всероссийской научной конференции, Москва, 20 апреля 2023 года. – М: Государственный университет управления, 2023. – С. 123-126. – EDN CXECJC.
3. Дуда, В.В. Библиотека в пространстве социальных трансформаций: сохранение культурного наследия и вызовы цифровизации / В.В. Дуда, Е.В. Никонорова, Е.А. Шибалева // Библиотекосведение. – 2024. – Т. 73, № 1. – С. 7-22. – DOI 10.25281/0869-608X-2024-73-1-7-22. – EDN MGJHLP.
4. Лопатина, Н.В. Принципы цифровизации сохранения культурного наследия / Н.В. Лопатина // Вестник РГУ. Серия: Информатика. Информационная безопасность. Математика. – 2020. – № 4. – С. 8-18. – DOI 10.28995/2686-679X-2020-4-8-18. – EDN GZFYAJ.
5. Межевикин, И.В. Цифровизация культурного наследия омскими научными и культурными центрами / И.В. Межевикин // Аношинские чтения: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Большережье, Омская область, 12–14 октября 2022 года. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2022. – С. 367-370. – EDN JMWVOP.
6. Пивненко, Д.Л. Правовой режим защитных зон объектов культурного наследия в условиях цифровизации / Д.Л. Пивненко // Цивилист. – 2023. – № 4(44). – С. 10-16. – EDN AWPSWO.
7. Трухачева, М.А. Цифровизация объектов культурного наследия / М.А. Трухачева // Современное искусство в контексте глобализации: наука, образование, художественный рынок: Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 10

- февраля 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2023. – С. 128-130. – EDN FXDQXF.
8. Хилько, Н.Ф. Цифровизация как медийная репрезентация культурного наследия Сибири / Н.Ф. Хилько // Культура в фокусе научных парадигм. – 2022. – № 14-15. – С. 173-181. – EDN XWOMDA.
-

© Ковальчук Олег Геннадьевич (kovo103@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА И ТРАДИЦИИ КАК ЧАСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО КОДА

Петрухина Альфия Сарваровна

председатель Союза промышленников

и предпринимателей «ИВОЛГА»

info@sppivolga.ru

Шангуа Изольда Эдуардовна

Бренд-директор ООО «ТОРГОВЫЙ ДОМ КУЛЬТУРА ДОМА»

FR@td-kd.ru

RUSSIAN CULTURE AND TRADITIONS AS PART OF THE NATIONAL CODE

A. Petrukhina

I. Shangua

Summary: The article defines the importance of folk traditions in the formation of the national code and the preservation of Russian culture. The national code is presented as an important component of understanding the essence of man, both as part of the national consciousness and as an individual. It has been established that the culture of our country and its traditions most fully characterize the national code of the people, being an effective mechanism for its preservation and transmission. It has been determined that cultural traditions contribute to the transmission of basic values, the preservation of the meaning-forming foundations of human existence, as well as motivation and formation of the direction of the younger generation.

Keywords: Russian culture, folk traditions, national code, basic values, behavior patterns, way of thinking.

Аннотация: В статье определено значение народных традиций в формировании национального кода и сохранении российской культуры. Национальный код представлен как важный компонент понимания сущности человека, как части национального сознания, так и отдельной личности. Установлено, что культура нашей страны и ее традиции наиболее полно характеризуют национальный код народа, являясь действенным механизмом его сохранения и трансляции. Определено, что культурные традиции способствуют передаче базовых ценностей, сохранению смыслообразующих оснований человеческого бытия, а также мотивированию и формированию направленности подрастающего поколения.

Ключевые слова: российская культура, народные традиции, национальный код, базовые ценности, модели поведения, образ мыслей.

Россия в ходе своего исторического развития формировалась как культурная держава. В основе ее лежат культурные традиции, опыт народа, поиск жизненных смыслов самого существования. При этом в последние десятилетия наблюдаются непростые переходные процессы в различных сферах экономики, политики и культуры. В ходе возникающих изменений трансформируются взгляды общественного сознания.

Таким образом, происходит становление новой культурной идентичности, где создается взаимодействие традиционных и современных ценностей. Одновременно с этим, рассматриваемый процесс характеризуется своей непредсказуемостью и беспорядочностью. Все это способствует падению нравственных устоев и культурному кризису. Ослабление культурно – нравственных факторов приводит к различным проблемам, в том числе, в национальной и религиозной области.

В этих условиях важным компонентом понимания сущности человека, как части национального сознания, так и отдельной личности является изучение культурного кода. Он представляет собой отточенную в течении столетий развития народа систему ценностей, символов, мотивов, образов, которые определяют его идентичность, мироощущение и мировосприятие, а также духовно-нравственные установки. Именно культурный код

характеризует особенности национального мышления, проявляемого в деятельности и жизненных позициях людей [1, с.48-49].

Методы и методология

В основе работы лежит теоретический обзор исследований, касающихся сущности и особенностей национального кода и культурных традиций российского народа.

Результаты изучения национального кода отражены в работах:

- Е.М. Бабосова В.Д. Нарожной о сущности и особенностях культурного кода [7, с.45-51];
- Л.Г. Дуктовой, касаемые репрезентации культурных смыслов при использовании национальных культурных кодов в художественной литературе [5, с.361-365];
- И.М. Горбачевой, О.В. Шангиной, С.И. Пудиной о национальных культурных кодах в эпоху цифровизации [3, с.165-176];
- Н.В. Худoley, рассматривающей национальный код культуры и его актуализацию в пословицах, классических литературных текстах и др. [22, с. 643-651].

Исследованием российской культуры и традиций занимались исследователи:

- Л.С. Демяшева, А.В. Рязанов, исследовавших социально-онтологические характеристики народных традиций [4, с.760-765];
- Т.Н. Бояк, описывающего народные традиции и нравственные ценности личности [2, с.11-17];
- А.А. Сабурова, работы которой направлены на исследование народных традиций заботливого отношения к людям [8, с. 22-25];
- С.Н. Шадрина, изучавшей народные традиции с позиции индигенного подхода [11, с. 378-380] и др.

В настоящее время существует необходимость более детального исследования российской культуры и традиций как части национального кода. Это будет способствовать более глубокому пониманию нации через культурное наследие предшествующих поколений и формированию нравственных ориентиров общественного сознания.

Цель исследования: определить значение народных традиций в формировании национального кода и сохранении российской культуры.

Результаты исследования

Культурный код является отличительной характеристикой определенного народа. Он является отражением того, как народ воспринимает окружающую действительность, как отождествляет себя каждый член общества с определенной культурной средой [9, с.90].

Национальный код взаимосвязан, прежде всего, со сферой культуры. Он отражает то, что уже было сделано, увидено, прочитано и отражено в великом многообразии культурного кода. Любой автор литературного произведения, анализирующий личный субъективный мир, неосознанно включает в действие функции культурного кода, которая является императивной и определенным образом структурирующей способ мышления [12].

Культурные коды задают определенный предел восприятия событий и их оценки, катализируют прогнозируемую реакцию. Основанные на знаково-ориентированных символах, они образуют семантическую матрицу, которая передает базовую ориентацию в физическом и социокультурном пространстве подсознанию индивида. Эта невидимая структура, определяемая знаково-ориентированной формой, обеспечивает передачу социально значимого смысла, необходимого для взаимопонимания людей, социального контроля их действий и мышления. Однако даже в условиях трансформируемости кода его необходимость для социального порядка не исчезает [13].

В работах исследователя С.В. Лебедева культурный код представлен как часть многопланной системы, именуемой культурой, отраженной в определенном культурном пространстве. При данном коде является определителем возможности действовать в соответствии с этим пространством. Также культурный код не равнозначен определенному знаку или символу, включает в себя все семиотические выражения, имеющие конкретное отношение к действию культурного кода [6].

Автор М.А. Тихомиров акцентирует внимание на том, что происходит непрерывное изменение культурного кода. В более ранних периодах его формирование происходило спонтанно, а на современном этапе существует государственное регулирование сохранения и развития культурной целостности [9, с.92].

Каждый народ имеет свое уникальное культурное коды, который берет свое начало еще с древних времен. Большая роль в его формировании принадлежит религии. В эпоху индустриализации и урбанизации культурный код приобретает общенациональные черты. Во многих государствах проводилась политика создания нового культурного кода, соответствующего индустриальным традициям того времени.

В это же время в России формировались новые принципы развития культурного кода, с использованием национальных героев, порицания врагов и недругов, воспевания побед, достижений в области искусства и литературы. В результате был сформирован идентичный культурный язык, который позволил взаимодействовать даже незнакомым людям на общие темы. У людей одной страны на подсознательном уровне сформирован образ своего народа. Он может выглядеть как березовый лес у русского народа, сакура и гора Фудзи символ у японцев, виноградники у итальянцев, дракон у китайцев, колосья и солнце у казахов, орхидея у бразильцев, майское солнце у аргентинцев и т.д. Символом может быть не только природный пейзаж, но и изображения, отражающие государственную политику, а также государственные символы. Например, в Республике Корея официальным государственным символом является государственный флаг, на котором изображена эмблема. Она отражает философию даосизма с двумя противоположными энергиями «инь» и «ян», которые объединены в единое целое, в виде красно – синего шара. По краям изображены триграммы, которые также с помощью разорванных полосок показывают энергию «инь» и сплошных полосок энергию «ян». Черный цвет триграммы является отражением бдительности, стойкости, справедливости и целомудрия [7, с.45-51].

Необходимо отметить, что разные национальности, проживающие на территории одной страны, усваивают единый культурный код. Окружающая среда, с опреде-

ленным установками воспитания, признанными в обществе ценностями, формирует модели поведения и образ мыслей людей.

Примером могут служить переселенцы из других государств середины прошлого века, которые вынуждены были приехать в Россию из-за войн, гонений, или просто в поисках лучших условий жизни. Это китайцы, корейцы, финны, казахи и др. Образовав сплоченные и устойчивые этнические группы, они поддерживают свою идентичность и общность. Обладая этническим сознанием, связанным с родиной, они, при этом, перенимают традиции, присущие той культурной среде, где они проживают. Это, в том числе, празднование традиционных праздников: Новый год, Масленица, Пасха, День Победы и др. Также кулинарные традиции: чаепитие, использование посуды мастеров народного промысла, приготовление блюд русской кухни.

Национальный код формируется в любой социальной или духовной сфере народа. Яркое воплощение он получил в российской культуре и традициях. Опыт многих поколений, превращается в устойчивые образы, закреплённые в коллективной памяти. Примером могут служить русские народные пословицы и поговорки, в которых выражено отношение к добру и злу, мужеству и смелости, призывается к терпению и выносливости, воспеваются щедрость и гостеприимство, рассказывается об открытости, доверчивости и простоте русского человека.

Национальный код имеет два функционально различных плана: он способствует стереотипному восприятию культурных традиций и открывает новые возможности для их интерпретации. Код предписывает правила или форму, которые не исключают неопределённых, непредсказуемых случаев. Все это будет способствовать выявлению стереотипов, и в условиях возрастающей неоднозначности, многозначности сообщений, посредством более детального изучения механизма культурного кода, можно будет установить возможные границы творчества, воспринимаемого как акт свободного, нерегулируемого действия.

Также в полной мере национальный код отражен в художественных произведениях. Через национальную классику происходит усвоение базовых культурных ценностей. Многими отечественными классиками литературы описываются социальные и духовные ценности, характерные для русского народа. Это, в том числе, сострадание, смелость, добродушие, сострадание, щедрость, любовь к родине и т.д. А также порицание пороков и бездуховности, таких как лень, трусость, лицемерие, гордыня, предательство и т.д. Общие ценности

и антиценности были впервые упомянуты в древнерусской литературе, получили развитие в работах XIX—XX вв., став национальным кодом современного гражданина нашей страны [11, с. 643-651].

Наиболее полно особенности национального характера раскрываются в работах таких общепризнанных русских писателей, как Л.Н. Толстой, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, М.А. Булгаков, А.С. Пушкин, Н.А. Некрасов, С.А. Есенин, В.П. Астафьев, А.М. Горький, А.П. Чехов и др.

Так в работах Л.Н. Толстого русский характер раскрывается через искренность, духовность главных героев, их способность сострадать, жертвовать своими интересами, обладающих выраженным чувством долга и патриотизма. Описываемые образы русского человека отличаются честностью и порядочностью, любовью к родной природе, национальным традициям, ориентированными на духовные ценности.

Ф.М. Достоевский связывает национальный характер с глубокой религиозностью, желанием творить добро и нести свет. Образ русского человека в произведениях писателя связан с состраданием, идеализацией событий и фактов, желанием добиться правды и справедливости. Русская душа у Достоевского очень патриотична, мужественна, обладает большой силовой воли в противостоянии врагам. При этом главные герои романов писателя часто простодушны, честны и правдивы. Они обладают способностью сочувствия более слабому, милосердны и сострадательны чужой беде. При этом русский человек терпим к другой культуре и вероисповеданию. Также писатель описывает отрицательные стороны национального характера, такие как склонность к злоупотреблению спиртными напитками, саморазрушение и самоотрицание.

Вывод

Национальный код лежит в основе культурных особенностей определенной нации, которая унаследовала их от своих предков. Российская культура и ее традиции наиболее полно передают национальный код народа, оставаясь действенными механизмами его сохранения и трансляции в современных условиях. Таким образом, развитие и сохранение народных традиций с помощью различных технологий является эффективным средством формирования национального кода и сохранения культуры. Именно они передают базовые социальные и духовные ценности, способствующие ее целостности в условиях множества мнений и дающие возможность нации сохранять смыслообразующие основания человеческого бытия, а также мотивировать и задавать направленность следующим поколениям нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабосов Евгений Культурный код нации: сущность и особенности // Наука и инновации. 2016. №157. С.48-49.
2. Бояк Т.Н. Народные традиции и нравственные ценности личности // Вестник БГУ. 2018. №3. С.11-17.
3. Горбачева И.М., Шангина О.В, Пудина С.И. Национальные культурные коды в эпоху цифровизации // ЭСГИ. 2023. №4 (40). С.165-176.
4. Демяшева Л.С., Рязанов А.В. Социально-онтологические характеристики народных традиций // Манускрипт. 2021. №4. С.760-765.
5. Дуктова Л.Г. Репрезентация культурных смыслов при использовании национальных культурных кодов в художественной литературе // Litera. 2023. №12. С.361-365.
6. Лебедев С.В. Философия народного искусства// Высшая школа народных искусств: ВШНИ, 2019.159с.
7. Нарожная В.Д. Национальные коды в межкультурной коммуникации // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. №3. С.45-51.
8. Сабурова А.А. Народные традиции заботливого отношения к людям // Ученый XXI века. 2016. №10 (23). С.22-25.
9. Тихомиров С.А. Традиционные художественные промыслы России как неотъемлемая часть национального кода культуры // Традиционное прикладное искусство и образование. 2021.№2. С.90-93.
10. Худолей Н.В. Национальный код культуры и его актуализация в пословицах, поговорках и классических литературных текстах // Полилингвильность и транскультурные практики. 2017. №4. С.643-651.
11. Шадрин С.Н. Изучение народных традиций с позиции индигенного подхода // Евразия. Диалог культур. 2023. №1. С.378-380.
12. Bart R. 2003. Fashion System. Articles on semiotics of culture. Translated from French. Moscow, Sabashnikovs' Publishing house.
13. Eco U. 2004. The Absent Structure. Introduction to Semiotics. Translated from Italian. St. Petersburg, Symposium

© Петрухина Альфия Сарваровна (info@sppivolga.ru), Шангуа Изольда Эдуардовна (FR@td-kd.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЖИЗНЬ В ЖЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ: ИСТОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Сун Чуньчжу

Постдокторант, Пекинский университет
songchunzhu@yandex.ruLIFE IN A WOMEN'S MONASTERY:
HISTORY AND REALITY

Song Chunzhu

Summary: The article presents historical information about life in a women's monastery in the 20th and 21st centuries. The relevance of the study is due to the insufficient study of the aspects and activities of women's monasteries in the 19th and 20th centuries, since the nuns did not leave a large literary heritage during this period. *Objective:* to analyze the literary heritage of nuns of the 20th century and to summarize the history and modern period of life in a women's monastery. *Objectives:* 1) to substantiate the relevance of the topic under study; 2) to analyze historical materials, descriptions of biographical information of nuns and literary historians for the possibility of describing life in a women's monastery, observance of the Charter, customary rules; 3) to highlight the common and distinctive features of life in a women's monastery in the 20th and 21st centuries. *Hypothesis:* in our work, we assumed that life in a women's monastery is distinguished by constancy, customs and the need to comply with the Charter. *Methods:* descriptive, comparative and analytical methods were used. Results: identification of the features of living in a women's monastery. The author comes to the *conclusion* that Orthodox women's monasteries in the 20th century and now transmit the Orthodox worldview, instill spiritual and moral values in all parishioners, observe centuries-old Statutes and traditions. In an earlier period, monasteries flourished, had a school and a hospital at the temple, now monasteries help those in need. They have ceased to be a shelter for orphans, since there are specialized institutions. Modern monasteries are focused on the younger generation, work is carried out with women and children from different social strata.

Keywords: women's monastery, charter, women, Orthodoxy, monasticism.

Аннотация: В статье представлены исторические сведения о жизни в женском монастыре в XX и в XXI веке. Актуальность исследования связана с недостаточной изученностью аспектов и деятельности женских монастырей в XIX и XX веке, поскольку монахини не оставили большого литературного наследия в этот период. *Цель:* анализ литературного наследия монахинь XX века и обобщение истории и современного периода жизни в женском монастыре. *Задачи:* 1) обосновать актуальность исследуемой темы; 2) проанализировать исторические материалы, описания биографических сведений монахинь и историков литературы для возможности описания жизни в женском монастыре, соблюдение Устава, привычных правил; 3) выделить общие и отличительные черты жизнеописания в женском монастыре в XX и XXI веке. *Гипотеза:* в нашей работе мы предполагали, что жизнь в женском монастыре отличается постоянством, обычаями и необходимостью выполнения Устава. *Методы:* использованы описательный, сравнительно-сопоставительный и аналитический методы. *Результаты:* выявление особенностей проживания в женском монастыре. Автор приходит к выводу, что православные женские монастыри в XX вв. и сейчас транслируют православное мировоззрение, прививают духовно-нравственные ценности всем прихожанам, соблюдают многовековые Уставы и традиции. В более ранний период монастыри процветали, имели школу и больницу при храме, сейчас монастыри помогают нуждающимся. Они перестали быть приютом для сирот, поскольку существуют специализированные заведения. Современные монастыри ориентируются на молодое поколение, ведется работа с женщинами и детьми из разных социальных слоев.

Ключевые слова: женский монастырь, Устав, женщины, православие, монашество.

Русское монашество представляет собой исключительный историко-культурный феномен, который в настоящее время изучается фрагментарно. Концепт русского монашества является направляющим, созидающим и жизненным ориентиром для современной молодежи. В конце XIX – нач. XX века в русском монашестве стали преобладать женские монастыри. Так историк П.Н. Зырянов определил феномен «феминизации» монашества [5, с. 140]. Одной из причин феминизации монастырей исследователи называют стремление женщин к самостоятельному проживанию и получению образования, а также поиски цели в жизни, себя в этом мире [8, с. 14].

Актуальность исследования связана с недостаточной изученностью аспектов и деятельности женских монастырей в XIX и XX веке, поскольку монахини не оставили

большого литературного наследия в этот период.

Женское общинное движение в XIX, XX вв. и сейчас является ярким и значительным церковным и общественным движением в России. Монастырь как церковная обитель всегда был центром духовности и примером добродетели, он был ключевым в развитии благотворительности. Целью данной статьи является сравнительный анализ социокультурного пространства русского женского монастыря в XX веке и в настоящее время.

По мнению П.Н. Зырянова, женские монастыри конца XIX-нач. XX века отличались следующими общими чертами:

1. Формированием монастырей «хозяйственного» или «рабочего» типа
2. Усиление роли монастырей благотворительного

- типа и создание при монастырях больниц, приютов, церковно-приходских школ для девочек
3. Активное посещение и приток в монастыри крестьян
 4. Низкий уровень образования у женщин, проживающих в монастыре (чаще всего – начальное образование в церковно-приходской школе) [5, с. 142].

Женщины по разным причинам поступали в монастырь, но чаще всего это было пристанище для бедных и обездоленных женщин, что стало наилучшим решением их жизненных проблем. Но лишь поступившие по глубокому и искреннему убеждению смогли принять правила и жить в согласии с остальными женщинами. Кроме этого, причиной поступления в монастырь было стремление решить религиозные вопросы в духовной жизни русской женщины, поэтому женщины обращались к духовному наставнику, старцу. К таким вопросам относились психологические и мировоззренческие нерешенные проблемы образованных женщин. Могли быть и священная религиозность, желание стойко переносить все тяготы и лишения в качестве послушницы, пренебрегать удобствами, ходить в суконной одежде, а также стремление повышать образовательный и духовный уровень.

Аносинский женский Борисоглебский монастырь в XIX веке стал первым монастырем с общежитием в Московской епархии, основанным княгиней Евдокией Мещерской. Именно она обратилась в Синод с прошением об официальном признании общины. В этом общежитии были утверждены правила, подписанные Святителем Филаретом, согласно которым в эту общину могли принимать 12 женщин из бедных семей, которые жили бы от восхода солнца и до заката в молитве и в работе. Сестры подчинялись старшей смотрительнице, в их обязанности входило безусловное уважение и подчинение. Было строго запрещено исполнение мирских советских песен и чтение современных книг. Одним из правил было непрерывное чтение молитв в течение всего дня, а также не заниматься «суетными мыслями», помнить только о Боге [7, с. 35]. В обязательные элементы распорядка дня входили: утренняя молитва, выполнение домашних дел, рукоделие, общая молитва, работа, вечерняя молитва. Важное место в режиме дня занимали ежедневные чтения Евангелия и богослужебной литературы.

Следует отметить, что в конце XIX-нач. XX века при игумении Иоанне начало богослужений было перенесено на ночное время. В 15.00 и в 18.00 служили малое повечерие с тремя канонами и двумя акафистами, на малое вечерие приходили не все, а лишь больные монахини или сестры по желанию [4, с. 31]. У каждой сестры в монастыре было свое место, при этом во время богослужений и чтения молитв должна была стоять полнейшая

тишина, не разрешалось разговаривать, ставить свечи и передвигаться по храму. В начале по распорядку дня в монастыре была полуношница, затем утренняя и Литургия. Молебны не служились, панихиды и молебны могли служить только по заказу прихожан. Уклад жизни в монастыре напоминал натуральное хозяйство: насельницы сами выставляли сенокос, заготавливали дрова, шили одежду, клали печи, а также выполняли небольшой ремонт [3, с. 499]. Спустя 100 лет правила в «Женской Оптине» не изменились, они сохранялись до полного закрытия до 1928 г. За 100 лет «Женская Оптина» стала местом притяжения православных женщин, поскольку количество проживающих возросло с 12 до 120 человек.

В Тверском монастыре при храме проживали девочки-воспитанницы (обычно сироты, дети погибших на войне родителей), которые назывались послушницами и обучались в церковно-приходской школе [8, с. 22].

В Симбирском женском монастыре XX века велась просветительская, благотворительная и воспитательная деятельность [6, с. 419]. В этом монастыре могли проживать люди, которые сами пришли к Богу, а также социально незащищенные категории, к которым относились люди с низким достатком, вдовы и дети, оставшиеся без попечения родителей. На территории монастыря воспитывали девочек, которых обучали грамоте, рукоделию и основам православной культуры. Кроме этого, в монастырях могли проживать одинокие пенсионеры и убогие лица женского пола [1].

На основании анализа социальной деятельности женских монастырей можно отметить их просветительскую и благотворительную деятельность, которая выражалась в медицинской помощи населению, воспитанию сирот, призрением за одинокими и пожилыми женщинами. В военное время сестры служили на фронте сестрами милосердия в стенах госпиталя для раненых.

Благотворительная деятельность монастырей того периода могла отличаться в зависимости от расположения и достатка. Так, в Казанском Вышневолоцком монастыре занимались презрением престарелых и убогих, но при монастыре не было приюта и школы. Особенностью жизни в монастыре было прохождение испытания, подчинение монастырскому укладу, выполнение бесплатной работы в монастыре. Женщины могли петь в хоре, быть учителями при школе в монастыре, иметь послушание при кухне. В Сурском монастыре женщины могли иметь постоянную прописку в монастыре, но только те, кто имел образцовое поведение, соответствовал монашескому идеалу, а также был смиренным и послушным. Только таких монахинь рекомендовали к постригу и оставляли служить в монастыре. Так, в Сурском монастыре преимущественно жили женщины до 40 лет, боль-

шинство из них были неграмотными. Согласно правилам монастыре, все послушницы должны были подчиняться игумении, а в случае неповиновения их могли уволить из монастыря навсегда без возможности вновь вернуться.

В случае заболеваний монахини очень редко могли обращаться в больницы и специализированные учреждения. Так, в Судском монастыре игуменья собирала и сушила травы, а отварами лечила сестер. Чаще всего монахини болели простудными заболеваниями и заболеваниями дыхательных путей в августе и сентябре. В монастырях случались смерти от онкологических, сердечно-сосудистых болезней, туберкулеза легких, иногда от неустановленных заболеваний, причина которых была неясной. По воскресным и праздничным дням могли проводиться духовные и нравственные чтения, которые могли продолжаться от двух до трех часов. В школе при монастырях преподавали русское чтение, диктовки, письменное изложение мыслей, чистописание и рукоделие, арифметика, церковно-славянская грамота, Закон Божий, церковнославянское пение по нотам [8, с. 87]. Использовались учебники по христианскому учению, изучению церковного пения, церковнославянскому Евангелию, священной истории, учебному обиходу и др. предметов. Целью обучения в монастырской церковно-приходской школе было не получение знаний, а воспитание благочестивых христианок, поскольку самым главным предметом в школе был «Закон Божий» (58 часов).

В современном женском монастыре также большое значение играет наличие Устава, в котором определяется его внутренний строй, упорядочена внутренняя жизнь обители, распорядок дня, крестный ход. Самое важное удовлетворение потребностей в монастыре – это чтение молитв, возрастающая роль духовной жизни, связи с Богом. Женщина, поступившая в монастырь в XXI веке, должна дать обет послушания, а также усвоить нормы и стандарты обители. Каждая женщина, проживающая в монастыре, должна трудиться, либо духовно, либо физически. Сейчас женщины обслуживают скотный двор,

работают в швейной мастерской, изготавливают свечи. В Забайкальском Казанском кафедральном соборе сестры трудятся в иконописной мастерской, этому мастерству они обучались в Великом Новгороде. Самым главным правилом в монастыре является «Не напрашивайся и не отказывайся», когда речь идет о дополнительной работе и послушании. Широко известными являются таинства Исповеди и Причастия, свои мысли и переживания сестры рассказывают один раз в неделю настоятельнице. Вхождение в монастырь всегда сопровождается постригом в монахини, в котором отрезается несколько прядей с четырех сторон головы Владыкой Евстафием, а женщине присваивается новое имя. Кладбище при монастыре находится здесь же, на нем похоронена одна монахиня. Сейчас сестры Всехсвятского монастыря не дают приют сиротам, не устраивают школы и больницы при обители, но никогда не отказывают в ночлеге и помощи нуждающимся [2, с. 32].

Важно отметить, что современные монастыри также существуют за счет самоокупаемости, имеют свое хозяйство, зарплату выдают только одной женщине «сантехнику», поскольку нельзя приводить мужчин в покои к сестрам.

Таким образом, православные женские монастыри в XX вв. и сейчас транслируют православное мировоззрение, прививают духовно-нравственные ценности всем прихожанам, соблюдают многовековые Уставы и традиции. В более ранний период монастыри процветали, имели школу и больницу при храме, сейчас монастыри помогают нуждающимся. Они перестали быть приютом для сирот, поскольку существуют специализированные заведения. Современные монастыри ориентируются на молодое поколение, ведется работа с женщинами и детьми из разных социальных слоев. В монастырях XX века и в современных создавались и создаются условия для воспитания и обучения молодых женщин, а в глобальном смысле – к духовному оздоровлению социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный Архив Ульяновской области (ГАУО) Ф. 185, Оп. 1, 12.
2. Ермолович В.С. Повседневная жизнь современного монастыря (по материалам исследования повседневной культуры Всехсвятского монастыря Забайкальского края) // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. № 5. С. 30-32.
3. Женская Оптина. Материалы к летописи Борисоглебского женского Аносина монастыря / сост. Сергей и Тамара Фомины. М., 1997. 718 с.
4. Захарова И. «Женская Оптина»: Аносинский женский Борисоглебский монастырь в контексте истории русского православия 19-20 веков // Православная традиция в социокультурной парадигме России: прошлое и настоящее: материалы научно-практической конференции. Москва, 2023. С. 31-45.
5. Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX вв. М.: Наука, 2002. 331 с.
6. Мирончева Е.А., Кабытова Н.Н. Женские монастыри Симбирской губернии в социокультурном пространстве начала XX века // XIV Королёвские чтения: сборник трудов международной молодежной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения академика С.П. Королёва и 60-летию со дня запуска первого искусственного спутника Земли: в 2 тт. Т. 2. 2017. С. 419-420.
7. Монашество и монастыри в России. XI-XX века: Ист. очерки / Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории; [Отв. ред. Н.В. Сеницына]. М.: Наука, 2002. 344 с. ISBN

5-02-008779-3

8. Пащенко Е.В. Особенности структуры и социальной деятельности Сурского женского монастыря в Архангельской губернии конца 19-начала 20 вв. Архангельск: СГМУ, 2003. 124 с.

© Сун Чуньчжу (songchunzhu@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ КАЛЛИГРАФИИ СТЕЛЫ ДЛЯ СОЗДАНИЯ СТАТУЙ ПЕРВОГО ГОДА ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ СЕВЕРНАЯ ВЭЙ «ЦЗЯНЬИ»

Чжао Юнхэн

Преподаватель, Шаньсийский институт прикладных
наук и технологий
9124363212@qq.com

THE STUDY OF THE CALLIGRAPHY OF THE STELE FOR THE CREATION OF STATUES OF THE FIRST YEAR OF THE REIGN OF THE NORTHERN WEI DYNASTY "JIANYI"

Zhao Yunheng

Summary: In this article, a study was conducted on the calligraphy of the stele to create statues of the first year of the reign of the Northern Wei Dynasty "Jianyi". The object of the study: inscriptions of statues from the Northern Wei period in Changzhi district in Shanxi, an analysis of their writing was carried out, calligraphic styles were classified, and a comparison with other sources was carried out. Shanxi, as the main area of ethnic and cultural integration during the reign of the Northern Wei Dynasty, played an important role in the formation and development of the Wei style. In particular, the Northern Wei regime moved its capital from Pingcheng to Luoyang, where it gained a deep understanding of the culture and customs of the Han people.

Keywords: calligraphy, style, formation, statues, dynasty, hieroglyphs, arch, grotto.

Аннотация: В настоящей статье было проведено исследование каллиграфии стелы для создания статуй первого года правления династии Северная Вэй «Цзяньи». Объект исследования: надписи статуй периода Северная Вэй в районе Чанчжи в Шаньси, был проведен анализ их написания, классифицированы каллиграфические стили, а также проведено сравнение с другими источниками. Шаньси, как основная область этнической и культурной интеграции в период правления династии Северная Вэй, сыграла важную роль в формировании и развитии стиля Вэй. В частности, режим Северной Вэй перенес свою столицу из Пинчэна в Лоян, где он получил глубокое понимание культуры и обычаев ханьского народа.

Ключевые слова: каллиграфия, стиль, формирование, статуи, династия, иероглифы, арка, грот.

Рассмотрим общие сведения о состоянии сохранности записей стелы для создания статуй первого года правления династии Северная Вэй «Цзяньи».

Стела для создания статуй первого года правления династии Северная Вэй «Цзяньи» была возведена в первый год правления династии Северная Вэй (528 г.) из песчаника. Ее высота составляла 80 см, ширина 52 см, толщина 19 см. Она имела округлый верх и открытые буддийские ниши на передней и верхней сторонах, слева.

Передняя ниша имела форму округлой арки с рельефным изображением Будды и двух бодхисаттв, боковые ниши - форму округлой арки, на перемычке ниши выгравировано пламя и рельефное изображение Будды, сидящего со скрещенными ногами и держащего печать медитации. На передней части стелы и на левой стороне нижней части выгравированы пожелания и имена учеников Будды. Если характеризовать каллиграфию стелы, то можно говорить, что в данный период времени она была древней и простой. На лицевой стороне 17 рядов с

11 иероглифами: на правой стороне 6 рядов и 2 ряда с 12 именами буддийских учеников. В настоящее время она хранится в музее округа Личэн.

Рассматривая художественный стиль записи стелы первого года правления династии Северная Вэй «Цзяньи», отметим следующее. В данном периоде времени на технику и эстетические тенденции мастеров большее влияние оказывали обычаи и народное искусство резьбы народа Хань. Поэтому статуи первого года династии Северная Вэй Цзяньи из стел обладают как своей спецификой, так и демонстрируют красоту, отличную от национального шоу Сяньбэй.

В ранних работах Будда и бодхисаттв представлены широкоплечими и сильными, их одеяния просты и в основном правосторонни. В первые года правления династии Северная Вэй «Цзяньи» статуи преобразились, их образ был таким: сидя, скрестив ноги на постаменте, в одеждах, имеющих пояс и плотные складки, одежда плотно прилегала к телу. Фигура изображалась такой: тело плоское, плечи немного узкие, отличается от ши-

роких плеч, которые повсеместно изображались в ранних работах. Сама одежда полностью покрывала сиденье Будды [2]. Лицо олицетворяло собой спокойствие, хотя, вследствие нечеткой резьбы, это можно было понять, только если внимательно присмотреться. Уголки рта слегка изогнуты, улыбка спокойна. Тело облачено в шелк.

Таким образом, общий стиль записи стелы первого года правления династии Северная Вэй «Цзяньи», будь то использование штрихов, иероглифов или глав - выглядят величественно и изыскано. Нами она анализируется с трех сторон, а именно: использование штрихов, иероглифов и глав.

Характеристики кисти

Так, сосредотачиваясь на верхних и нижних штрихах, например, в слове «心», мы можем выделить три точки написания, имеющие разные формы, особенно между двумя верхними точками «八». В горизонтальных картинах больше внимания уделяется различным позициям. В частности это: длина горизонтальных картин, которые пишутся в одиночку или написание конца слова с более квадратным разрезом, важно также, чтобы он не выглядел «тяжелым». Во многих вертикальных штрихах присутствуют следы крючков, например, в «佛» и других иероглифах, что им, по нашему мнению, добавляет изящества.

Апостроф, как ключевой штрих Вэй Бэя, призван открывать левую и правую стороны иероглифов Вэй Бэя и, вместе со штрихом вниз, отвечает за уравнивание силы импульса иероглифов. Апостроф чаще всего направлен вправо. Однако, в отличие от других вэйских надписей, особенно надписей у статуй, его стилистика оформления складки отличается. В других вэйских надписях больше косых линий, в то время как в этой надписи больше штрихов по центру [3].

Живописи иероглифов также присущи свои особенности. В частности, мазок среднего штриха может иметь более уплотненную текстуру. И, в то же время, волнистые мазки кажутся более гибкими, более внешне открытыми, что им добавляет эмоциональности выражения.

Структурная характеристика

Структурно применение потенциала каждой части иероглифа является важным. Для этого следует соблюдать лево-правое раскрытие штрихов, для правильности передачи смысла и для удовлетворения потребности в эстетическом идеале широты и толщины иероглифа.

Так, например, в слове «宮» потенциал верхней и

нижней частей неравномерен, верхняя часть покрыва сокровищницы указана слева низко и высоко справа, можно говорить об определенном растяжении вверх. Два нижних иероглифа «口» вытянуты вправо настолько, насколько это возможно, верхний «口», чтобы не показаться противоречащим общему посылу, продолжает восходящий импульс, но чуть более мягко, а нижний «口» вытянут вправо настолько, насколько это возможно и расширен, чтобы достичь баланс. Нижняя часть вытянута настолько, насколько это возможно, чтобы сбалансировать весь иероглиф.

Или же, возьмем иероглиф «張». Его левая и правая части прислонены друг к другу в более широком -верху и более узком -внизу положении. Полагаем, что данное прислонение является хорошим способом смягчить рыхлость левого и правого штрихов иероглифа «張» [1. С. 280-289].

Далее, иероглиф «像» характеризуется тем, что, с одной стороны, штрих сам по себе небольшой, и его нелегко сделать длинным, здесь он будет ослаблен. Но вместо того, чтобы подчеркнуть его правую часть, производится увеличение, удлинение таким образом, что левая и правая стороны, кажется, не имеют смысла [4].

Характеристика композиции

В основе структуры лежит расширение потенциала в слове и строке, они опираются друг на друга, являясь единым целым. Это показано на рисунке 1.

“屯留令张” четыре иероглифа повторяются дважды, чтобы укрепить две линии, внести в каллиграфию в слове «Линь» коррективы, указав противоположные по смыслу слова: большой и маленький, положительный и отрицательный, высокий и низкий, тяжелый и легкий.

Иероглифы “佛弟子张文” повторяются три раза, и поскольку эта часть текста высечена на правой стороне статуи, общая форма поверхности камня неравномерна. Имеется общий наклон влево, размер левой и правой строк слов сознательно увеличивается, особенно с левой стороны. Увеличение левой строки более выражено и ощущение наклона влево исправляется визуально.

На последней картинке видно, что каждое слово имеет свою позу, правая линия сверху вниз от центра тяжести наклонена в сторону «лево, лево, право, лево, право, право», каждое слово наклонено под разным углом. Левая линия также повторяет правую линию волнообразных изменений, соответственно, сверху вниз «право, лево, лево, право, право, право», что делает линии более полными и едиными [5].

Сравнение с другими произведениями того же периода

Как представитель статуй храма-гроты Янтоушань, он обладает уникальными особенностями стиля. Благодаря приведенному выше сравнению мы получили более полное представление о штрихах, узлах, главах и других характеристиках.

Сравнивая эти особенности, нам не составит труда найти резные камни с похожим стилем. Надписи в основном написаны средним фронтальным штрихом, а штрихи уплотнены и растянуты, что подчеркивает красоту стиля.

Эта характеристика схожа со стилем каменных надписей в Гуаньчжуне, Шэньси в середине и конце правления династии Северная Вэй. Постепенно выходя из под влияния канцелярского письма использование кисти для написания иероглифов, особенно в точке и углу горизонтальной складки поворота, оба показывают тенденцию к округлости, демонстрируя трансформацию вэйбэя, его стремление к квадратам и округлостям.

Можно выделить много общих черт «Надписи на статуе первого года Северной Вэй Цзяньи» и «Стелой Чжэн Вэньгун Северной Вэй», как показано на рисунке 2.

В конкретных штрихах письма и изображения очень близки. Например, стол в «порядке» иероглифа скиминг, «зи» вертикальные крючки и крючки и т.д. очень похожи. Только «стела Чжэн Вэньгуна» по сравнению с «северной надписью Вэй Цзяньи Юань года статуи» кажется более нейтральной и мирной, более теплой и щедрой. А «ЧжэнВэньГунБэй», как надписи северной династии в немногих известных произведениях периода северных литераторов каллиграфически написаны мастером, с использованием пера.

Особенно в тексте упоминается, что «Чжан Фачжан, правитель Синьсина, Чжан Фагуан, правитель Тунлю, Чжан Фахуэй, правитель Тунлю, Чжан Хуйгуан и Чжан Гуан, правитель Цинхэ» - все они были чиновниками с реальной властью в Шандане [6. С. 12]. Поэтому они также могут быть одними из представителей каллиграфии литераторов северной части страны. В то же время это также объясняет, почему «Северная Вэй Цзяньи первого года надписи статуи» и в то же время стиль ее надписи статуи отличается.

В завершение сделаем выводы.

1. Шаньси, как основная область этнической и культурной интеграции в период правления династии Северная Вэй, сыграла важную роль в формировании и

Рис. 1.

	令	于	子	太	光
《北魏建义元年造像题记》					
《北魏郑文公碑》					

Рис. 2.

развитии стиля Вэй. В частности, режим Северной Вэй перенес свою столицу из Пинчэна в Лоян, где он получил глубокое понимание культуры и обычаев ханьского народа.

2. Художественные особенности каллиграфии памятника Вэй, которым мы уделили внимание в настоящей статье, также являются важным доказательством необходимости продолжения изучения данной тематики.

Взяв в качестве примера «Надпись на статуе первого года Северной Вэй Цзяньи», мы можем увидеть интеграцию сяньбэй, цян в ханьскую культуру в этот период; интеграцию народной каллиграфии, представленной ремесленниками и каллиграфии литераторов. Эстетический подход к памятнику Вэй наполнило его новым содержанием, для нас же изучение памятника Вэй открывает новые возможности в части продолжения исследования данной тематики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белозёрова В.Г. Традиции знаточества (цзянь) и эксцентрики (се) в каллиграфии Фу Шаня (1607–1684). Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение 9, no. 2 (2019): 280 - 299.
2. Научно-исследовательский институт гротов Лонгмен, изд. Избранные труды Научно-исследовательского института гротов Лунмэнь [М]. Чжунчжоуское издательство древних книг, 2004.
3. Хуа Жэнь Дэ. Каллиграфия шести династий [М]. Шанхай, Шанхайское издательство каллиграфии и живописи, 2003.
4. Цао Баолинь. История китайской каллиграфии - том «Вэйцзинь - эпохи Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий». Нанкин, Издательство Образования Цзянсу, 2009.
5. Чэнь Сюэлян. Чжан Дэвэнь. История династий Вэй, Цзинь и Север-Юг. Шанхай, Шанхайское народное издательство, 2015. 1.
6. Чжан Хунъин. Исследование языка визуальной формы узоров травы в династиях Вэй, Цзинь, периода Северных и Южных династий. Хунань гунье дасюэ. 2008. 31 с.

© Чжао Юнхэн (9124363212@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ПРИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ АЛКОГОЛЕМ И В РЕМИССИИ: СПЕЦИФИЧЕСКИЕ СТРЕССОРЫ, КОРРЕКЦИОННЫЕ МИШЕНИ, РЕКОМЕНДУЕМЫЕ СТРАТЕГИИ РАБОТЫ

FEATURES OF COPING BEHAVIOR WITH ALCOHOL ABUSE AND IN REMISSION: SPECIFIC STRESSORS, CORRECTIVE MEASURES, RECOMMENDED WORK STRATEGIES

A. Amosov

Summary: In the system of interaction with others the people who suffer alcohol use disorder the leading role is played by the strategy of avoidance and orientation to the opinions of others. In remission, respondents tend to avoid less, but build rigid boundaries with the environment, which is accompanied by an increase in schizoid. It can be assumed that low meaningfulness and lack of communication skills are the reason that society for those prone to alcohol abuse seems to be a source of much more stress than for healthy people. To correct these aspects, we have developed training programs.

Keywords: coping behavior, alcohol abuse, remission, family relationships, avoidance, cooperation, correctional work.

Амосов Андрей Витальевич

старший преподаватель, РХГА им. Достоевского;
клинический психолог, Ленинградский областной центр
психического здоровья, Санкт Петербург
Amosov_andrey@mail.ru

Аннотация: В системе взаимодействия с окружающими при злоупотреблении алкоголем ведущую роль занимает стратегия избегания и ориентация на мнение окружающих. В ремиссии респонденты склонны меньше избегать, но выстраивать жесткие границы с окружением, что сопровождается усилением шизоидной. Можно предположить, низкая осмысленность: и недостаток коммуникативных навыков являются причиной того, что социум для склонных к злоупотреблению алкоголем представляется источником гораздо большим источником стресса, чем для здоровых. Для коррекции данных аспектов нами были разработаны тренинговые программы.

Ключевые слова: совладающее поведение, злоупотребление алкоголем, ремиссия, семейные отношения, избегание, сотрудничество, коррекционная работа.

Злоупотребление алкоголем по-прежнему является одной из ведущих проблем в мире. Одной из причин является тот факт, что злоупотребление алкоголем часто приводит к поведенческим нарушениям, связанным преступлениями. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) не располагает статистическими данными по количеству данных преступлений в России с 1994 г. Но, если предположить, что в соседствующих с Россией странах, Белорусии и Украине, ситуация схожа или близка к Российской, то картина не выглядит оптимистичной. В Украине, в 2005 году, было зарегистрировано 25,6% преступлений, связанных с употреблением алкоголя, а в 2015 15,7%. Для сравнения, в 1994 году в Украине наблюдалось 66,8% преступлений, связанных с алкоголем, от общего количества, а в России 34,9%. В Белоруссии за 2005 г. Зарегистрировано 16,7%, а в 2015 году 18,2% процента от общего количества преступлений. [8]. Доля дорожно-транспортных происшествий, связанных с употреблением алкоголя, на 100000 человек на 2015 год 10,6. Это 8,3 % от общего количества дорожно-транспортных происшествий [7]. Кроме того, вождение в нетрезвом виде, представляющее собой одну из самых распространённых причин смертности на до-

рогах [14].

Одна из теорий, объясняющих феномен злоупотребления, связывает начало злоупотребления с особенностями совладающего поведения [3, 15], доказано, что лица, злоупотребляющие алкоголем, склонны избегать контактов [3, 15] При достижении ремиссии степень избегания снижается, но перед окружением выстраиваются жесткие и непроницаемые границы. Другими словами, такой человек уже идет на сближение с окружением, от контактов не убегает, но близко к себе не подпускает [3,15]. Общим для злоупотребляющих алкоголем и находящихся в ремиссии является низкий уровень ориентации на сотрудничество и низкий, по сравнению с условно здоровыми, уровень осмысленности [1]. Высокий уровень избегания свидетельствует о наличии коммуникативных трудностей, а низкая осмысленность о наличии алекситимии. Алекситимия — «сниженная способность или затрудненность в вербализации эмоциональных состояний: трудность идентификации чувств, трудность описания чувств, общий уровень алекситимии» [13, с. 54] Объяснением коммуникативных трудностей может стать неконтактность [9], из этого следует предположе-

ние, что социум, для данной категории респондентов, является серьезным источником стресса. В противоположность данному предположению, наше исследование свидетельствует о том, что респонденты в ремиссии и злоупотребляющие алкоголем оценивают свои отношения выше, чем здоровые [2]. Данные результаты могут говорить о действии защиты по типу идеализация, которая, с точки зрения психоанализа, имеет примитивный характер и говорит об отсутствии целостного образа другого [10,11]. Другой характерной чертой респондентов в ремиссии является оценка своих отношений с партнером, как ориентированных на избегание и менее конфликтных [2]. Это подтверждает склонность к избеганию и говорит о положительных изменениях, связанных со снижении анозогнозии и алексетимии, и отрицательных, связанных с отсутствием навыков выражения злости и избегании. Последнее подтверждается фактом наличия у здоровых респондентов более низких показателей по шкале избегание и более высоких по шкале конфликтный стиль [2].

Для уточнения представленных выше данных, нами было проведено исследование респондентов, злоупотребляющих алкоголем, находящихся в ремиссии и условно здоровых. Исследование проводилось при помощи методик Мини мульт и AUDIT. Общее число респондентов $n=114$.

Анализ данных проходил с использованием методов статистической обработки: в частности, для сравнительного анализа совокупности непараметрических показателей применялся критерий Манна Уитни. Кроме того, параметрические данные были подвергнуты дисперсионному анализу по методу Р. Фишера. А для изучения взаимосвязей признаков использовался корреляционный (r -Спирина) и факторный анализ. Выявление связи между эмпирическими частотами встречаемости и теоретическими путем сравнения распределений с использованием критерия χ^2 - Пирсона. Подробный обзор процедуры обследования и разделения выборки описан в других работах [3, 15].

В результате значимые данные были получены по шкалам Шизоидность и Достоверность ответов:

1. Шизоидность: респонденты в ремиссии 14,5000, условно здоровые 13,0769. Результат свидетельствует о наличии более высокого уровня шизоидности у респондентов в ремиссии, чем у условно здоровых.
2. Достоверность ответов 1 группа 4,1852 4 группа 2,9615. У респондентов, злоупотребляющих алкоголем, можно наблюдать достоверно более высокий уровень социально-желательных ответов, чем у условно здоровых.

Так же нами была предпринята попытка исследова-

ния ценностных ориентаций при злоупотреблении алкоголем. В исследовании приняли участие респонденты, которые в промежуток 2019-2022 годов, обращались на телефон доверия. По длительности консультации были от 20 минут до двух часов, по количеству обращений до нескольких в неделю. Общая длительность работы с каждым абонентом до трех лет. Вывод о злоупотреблении происходил на основании беседы: респонденты либо сами признавали факт злоупотребления алкоголем, либо такой вывод можно было сделать после длительного интервью. В данном исследовании приняли участие 16 человек: 11 мужчин и 5 женщин, в возрасте от 24 до 57 лет. Данная цифра не является точной. Это объясняется форматом телефона доверия, который предполагает анонимность. Это, в свою очередь, препятствует идентификации абсолютно всех абонентов, как ранее обращавшихся или первичных. Основанием для фиксации высказывания было предъявление характерного запроса или неоднократное повторение высказывания респондентом. Для перевода качественных данных в количественные высказывания респондентов сводились простому категорическому силлогизму. Категорический силлогизм – форма умозаключения, состоящая из двух посылок (суждений P1 и P2) и заключения. Под суждением понимается процесс сравнения двух или более понятий и формулирование и формулирование на их основе какой-либо мысли, умозаключения – вывода; утверждение или отрицание какого-либо явления. Умозаключение- заключительный процесс мышления, приводящий к новому знанию [12, 16]. Например, респондент, мужчина, безработный, холост, на протяжении многих лет употребляет алкоголь. Несколько лет назад потерял родителей. Алкоголь употреблять не прекращает длительное время. Пример высказывания и анализа - «P1. Хочу делать что хочу. Хочу, не испытывать бытовых неудобств, ходить, как хочу, пер...ть, где хочу и т.п. это на бытовом уровне. Звонить кому хочу «охотиться» на потенциальных секс-партнёров (клубы, сауны), достигать чего хочу, на осматриваясь и не оценивая. P2. С партнером мне это не сделать». Выводом является нежелание вступить в отношения с партнером.

Исследование проходило в 3 этапа: 1. Фиксация высказываний; 2 выделение посылок (суждений) P1 и P2 из высказываний; 3 логический вывод.

После анализа все высказывания оценивались с точки зрения ориентации или направленности. После чего все высказывания группировались. Основанием для отнесения к той или иной группе служил характер или оценка высказывания с точки зрения направленности.

В результате было выделено 12 групп:

1.Стремление представить себя в лучшем цвете, быть хорошим 11 высказываний; 2.убежденность в собствен-

ной непогрешимости- 14 высказываний; 3. эгоцентризм 11 высказываний; 4. стыд или вина 9 высказываний; 5. авторитарность 8 высказываний; 6. стремление представить себя жертвой 5 высказываний;

7. гедонизм 4 высказывания; 8. инфантильность 4 высказывания;

9. депрессивные мысли (обесценивание окружающего мира) 4 высказывания; 10. низкая самооценка 3 высказывания; 11. агрессия 3 высказывания; 12. негативное отношение к противоположному полу 2 высказывания. По нашему мнению, стремление представить себя в лучшем цвете или быть хорошим (1 группа) имеет общие механизмы с гедонизмом: в первом случае состояние комфорта возникает в результате одобрения, в случае стремления к гедонизму стремление к удовольствию является более общим и включает большую группу способов достижения комфорта [5].

Таким образом, по нашему мнению, высокая оценка своих отношений с партнером при злоупотреблении алкоголем и в ремиссии, имеет под собой разные механизмы. Данные о высокой оценке своих отношений при злоупотреблении алкоголем скорее всего имеют характер социально желательного поведения. Это подтверждается с высоким количеством социально желательных ответов в методике «Мини мульт» и результатами исследования ценностных ориентаций. В ремиссии такое поведение, по нашему мнению, является следствием идеализации характерной для интровертов. Это подтверждает достоверно высокие показатели по шкале Шизоидность и характерный стиль социального взаимодействия, где в отношениях с окружением поддерживаются жесткие границы [3,15].

Все представленные выше данные были использованы в качестве клинических рекомендаций для работы на телефоне доверия с абонентами, злоупотребляющими алкоголем. В частности, для проведения поддерживающей терапии [5]. Например, абонентам рекомендовалось больше говорить о своих чувствах, а не проявлять их. По- нашему мнению, способствует выстраиванию более близких отношений с близкими и повышению осмысленности. Другие рекомендации были связаны с выбором более безопасного для здоровья способа преодоления стресса. Консультации велась в направлении поиска способов подходящих для конкретного абонента (занятие спортом, чтение книг).

Абонентам, обращавшимся на линию, оказывалась поддержка путем объяснения связи их потребности в алкоголе с низким арсеналом способов преодоления. Таким образом в консультации намечаются пути восстановления для абонентов. Это оказывало позитивный, поддерживающий, эффект.

Для коррекционной работы, направленной на преодоление трудностей адаптации при злоупотреблении алкоголем и в ремиссии нами были разработаны «Телесно ориентированный тренинг» [4] и программа коммуникативного тренинга «Мореплаватели и поселенцы»

Апробация тренингов проводилась на военных, проходящих срочную службу. С каждым респондентом из группы (N=59) проводилось от 1 до 10 занятий «Телесно ориентированного» тренинга [4]. Исследование велось при помощи методик: «Прогноз 2», «Торонтская алекситимическая шкала TAS-20-R», «ИТО+-2», «Спилбергер ЛТ», «Экспресс – диагностика социальных ценностей личности».

Подсчет результатов проходил при помощи использования t критерия Стюдента для параметрических выборок, анализ данных проводился при помощи программы STATISTICA [4].

Полное описание «Телесно ориентированного тренинга», процесса разработки и апробации описано в статье [4].

Параллельно с проведением «Телесно-ориентированного» тренинга проводился тренинг, направленный на развитие коммуникативных навыков «Мореплаватели и аборигены».

Процедура проведения тренинга

После прибытия в часть, призывники были распределены по отдельным ротам, где помимо основных респондентов были и другие служащие, не участвовавшие в исследовании и не проходившие предварительное тестирование. Таким образом, кроме основной выборки, N=59, в тренинге принимали участие и другие служащие. По нашему мнению, это является положительным фактором, которые помогает проверить степень адаптации к новой ситуации срочных служащих. Тренинг проводился в каждой роте отдельно.

Структура тренинга «Мореплаватели и аборигены» включала группу упражнений, направленных на взаимодействие 2 команд. В процессе выполнения упражнений командам давались задания. Задания были направлены на коммуникацию, группообразование, взаимодействие между группами, решение коммуникативных задач, связанных с отказом от стереотипов в мышлении и решении конфликтных ситуаций.

Тренинг включает 3 упражнения, каждое из которых состоит из своей истории, общих и отдельных инструкций для команд.

Описание тренинга

Перед началом участники разделялись на 2 группы.

1. Упражнение «Знакомство». История такова: мореплаватели приплыли на остров и увидели аборигенов. Задание мореплавателям: выяснить, что за племя обитает на острове? Например, степень агрессии, гостеприимность, рацион. Задачи поселенцев предварительно придумав себе историю: степень агрессии, гостеприимность, рацион и т.д., начать взаимодействие с мореплавателями. Команда аборигенов инструктируется отдельно. Секретное условие для аборигенов состоит в том, что они ни не разговаривают, а на все вопросы «мореплавателей» отвечают кивком или мотанием головы «нет» или «да», при этом отрицательным ответом является кивок головы, а положительным мотание головой. После упражнения идет обсуждение того, что удалось узнать мореплавателям, со сравнением того, что хотели им сказать аборигены.
2. Упражнение «Города». История такова: прошло много времени, и «Мореплаватели» построили на острове свой город, а «аборигены» свой. Задания. Жителям каждого города необходимо придумать особенности города, который они основали: нужно придумать религию и т.д. После этого каждый город выбирал посла и отправлял в другой город. Посол узнавал всю информацию о соседях и рассказывал у себя в городе. После этого каждый город рассказывал ту информацию о соседях, которую получил от посла (срабатывал эффект «испорченного телефона»). После этого информация сверялась, сравнивалась с истинной. В конце обсуждались механизмы социального взаимодействия, стоящие за этим эффектом.
3. Упражнение «Катастрофа» История: на остров надвигается цунами. 2 городам необходимо скооперироваться и построить дамбу. Условия для ко-

манды «Мореплавателей»: у них есть технология строительства, но дамбу нужно строить в городе «аборигенов». Условие для «аборигенов»: дамбу, которая всех спасет можно строить только у них в городе, но на этом месте стоит их очень ценная святыня. Цель упражнения – поиск совместного решения. После окончания идет обсуждение с подробным разбором и информированием о различных способах решения конфликтов.

После этапа проведения тренингов на основной выборке N=59 было проведено повторное тестирование.

Анализа результатов показал статистически значимые изменения по следующим шкалам: Трудность в идентификации чувств с 13,2586 до 9,7288; Общественные ценности с 103,1034 до 119,9322; Личностная тревожность с 4,0172 до 2,6356; Лабильность с 4,9310 до 6,2712; Лидерство 22,3793 до 24,8644; Социальность с 20,8966 до 23; Конформизм с 19,8190 до 16,3305.

Данные результаты свидетельствуют о произошедших положительных изменениях после проведения тренингов. Это можно считать основанием для того, чтобы рекомендовать данные комплексы упражнений к работе. В контексте злоупотребления алкоголем, можно заметить, что произошло снижение таких черт, как уровень алекситимии, личностной тревожности, и повышение социальности. Это позволяет говорить о потенциальных возможностях использования данных разработок в комплексе с другими методами для профилактической и коррекционной психологической работы, связанной с употреблением алкоголя. Более социальный человек стремится к общению и завязыванию социальных контактов и связей с людьми [6]. Подобное стремление можно считать процессом обратным избеганию. Кроме того, сближение с социумом открывает новые возможности по привлечению ресурса социальной поддержки для преодоления стресса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосов, А.В. Структура и роль жизнеспособности в жизни личности, особенности при злоупотреблении алкоголем в ремиссии и норме / А.В. Амосов // Наркология. – 2023. – Т. 22, № 5. – С. 55-62. – DOI 10.25557/1682-8313.2023.05.55-62. – EDN JPTRAA.
2. Амосов, А.В. Стиль диадического копинга при злоупотреблении алкоголем, в ремиссии и норме / А.В. Амосов // Acta Eruditorum. – 2024. – № 45. – С. 56-59. – DOI 10.25991/AE.2024.1.1.012. – EDN DDVITC.
3. Амосов, А.В. Психологическая дистанция в системе межличностных отношений / А.В. Амосов // Acta Eruditorum. – 2023. – № 43. – С. 63-67. – DOI 10.25991/AE.2023.1.1.011. – EDN VKUQPG.
4. Амосов, А.В. Влияние практики телесно ориентированной терапии на особенности личности / А.В. Амосов // Психея и Пневма: XII Сретенская научно-практическая конференция. Сборник докладов, Санкт-Петербург, 15–16 февраля 2018 года / Отв. редактор Д.В. Шмонин. – Санкт-Петербург: Русская христианская гуманитарная академия, 2018. – С. 31-38. – EDN PCECVR.
5. Амосов, А.В. Возможности краткосрочных методов психотерапии и психокоррекции в экстренных ситуациях / А.В. Амосов // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Психологические и педагогические науки. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 57-62. – EDN OBNFXW.
6. Багадирова С.К., Юрина А.А. Материалы к курсу психология личности. В 2 ч., 2014 г.

7. Всемирная организация здравоохранения: сайт.данные по ДТП. URL: <https://apps.who.int/gho/data/node.main-euro.A1108?lang=en&showonly=GISAH> (дата обращения: 10.09.2024).
8. Всемирная организация здравоохранения: сайт.данные по преступлениям на почве алкоголя. URL: <https://apps.who.int/gho/data/node.main-euro.A1102?lang=en&showonly=GISAH> (дата обращения: 10.09.2024).
9. Каган В.Е. Преодоление: неконтактный ребенок в семье / В.Е. Каган. — СПб.: Фолиант, 1996. — 159 с. ил.; 20. — ISBN 5-86581-007-3.
10. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе / Пер. сангл. В. Снигура. — М.: Независимая фирма «Класс», 2015. — 592 с. — (Библиотека психологии и психотерапии).
11. МакВильямс Н. Психоаналитическая психотерапия. Руководство практика / Нэнси МакВильямс; пер. с англ. — Ижевск; ERGO 2016. — XXIV, 392 с. — (Серия «Линии психоанализа»).
12. Менделевич В.Д. Медицинская психология: учебник/ В.Д. Менделевич Ростов н/Д: Феникс,2016.-460 с.- (Высшее медицинское образование)
13. Мещеряков Б., Зинченко В. Большой психологический словарь / Сост. И общ. Ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко— СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. — 672 с.
14. Смирнов, О.А. Психологические инструменты профилактики вождения в состоянии алкогольного и наркотического опьянения: обобщение международной практики / О.А. Смирнов, Д.Н. Слабкая, А.В. Новиков // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. — 2022. — Т. 11. — № 3-1. — С. 242-248.
15. Третьяков, В.П. Система межличностных отношений у злоупотребляющих алкоголем лиц, находящихся в состоянии ремиссии и в норме / В.П. Третьяков, А.В. Амосов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2023. — № 4. — С. 399-409. — DOI 10.35231/18186653_2023_4_399. — EDN JGIFCV.
16. Челпанов В.Г. Учебник логики, — М.: Научная Библиотека, 2010 — 128 с.

© Амосов Андрей Витальевич (Amosov_andrey@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«ДЕПРЕССИВНАЯ ЦЕПЬ» И ЕЕ РАЗРУШЕНИЕ ПО УРОВНЯМ ПРОЦЕССА ОСОЗНАНИЯ

Гафарова Ольга Ниловна

Психолог-психотерапевт;

Генеральный директор, ООО «Ресурсный центр

«Интеграция» (г. Тамбов)

psitrener@yandex.ru

THE "DEPRESSIVE CHAIN" AND ITS DESTRUCTION BY LEVELS OF THE AWARENESS PROCESS

O. Gafarova

Summary: According to the Red Cross data for 2023, the maximum number of complaints related to aggression and anger was recorded in June (41%), and May was the most depressing month. Therefore, this article presents a research and at the same time transformational method of destroying the so-called "depressive chain" as a sequence of development of depressive dynamics. Goal. To see the pattern – the "chain of causes" of the development of depression, in order to find the shortest, but no less effective way to overcome a depressive disorder. Methods. Her research on the algorithm of the Universal Model of psychotherapy "Technology of awareness of reality" is based on the mechanism of the metacognitive process of awareness discovered by the author, which formed the basis of the method. And the effectiveness of the use of depressive disorders in psychotherapy was tested on the basis of tests: "Depression scale, BDI" by A. Beck and "Diagnosis of irrational attitudes, SPB" by A. Ellis. Selection. The study of the "depressive chain" and a comparative analysis of the results were carried out on the basis of a sample of the author's client reception cards at the Tambov Integration Resource Center for the period III/2020 – II/2022, with whom individual psychosessions were conducted according to the described experimental method. A total of 20 people aged 25 to 55 years: 10 women and men of various professional profiles in the neurotic register of depressive disorders (depressive syndrome, mixed anxiety-depressive disorder, depression). Results. Overcoming the depressive dynamics in the experimental group according to the described algorithm of the author's method showed a decrease in its severity from 30.3 to 16.3, and a reduction in the psychotherapeutic counseling course by an average of 46.4%. Conclusions. These indicators prove that the identified sequence of development of depressive dynamics and its root cause – the "black spot of depression" - discovered during the study are correct. But the most important potential of the described diagnostic and at the same time transformational technique "Destruction of the depressive chain" lies in the fact that its universal algorithm, based on the mechanism of the process of awareness, can be used to open a person's positive vision of his further life path to various requests and in various psychotherapeutic methods.

Keywords: depressive chain, vicious circle of depression, depressive triad, levels of information in consciousness, stages of awareness, technology of awareness of reality, levels of information in consciousness, categories of time, process of awareness, universal model of psychotherapy, technology of awareness of reality.

Аннотация: По данным Красного Креста за 2023 год максимум обращений в связи с агрессией и гневом был зафиксирован в июне (41%), а самым депрессивным месяцем был май. Поэтому в данной статье представлена исследовательская и одновременно трансформационная методика разрушения т.н. «депрессивной цепи», как последовательности развития депрессивной динамики.

Цель. Увидеть закономерность – «цепочку причин» развития депрессии, чтобы найти наиболее короткий, но не менее действенный путь преодоления депрессивного расстройства.

Методы. Исследование по алгоритму Универсальной модели психотерапии «Технология осознания реальности», основано на открытом автором механизме метакогнитивного процесса осознания, который лёг в основу метода. А эффективность применения в психотерапии депрессивных расстройств проверена на основании тестов: «Шкала депрессии, BDI» А. Бека и «Диагностика иррациональных установок, SPB» А. Эллиса.

Выборка. Исследование «депрессивной цепи» и сравнительный анализ результатов проведены на основании выборки карточек приёма клиентов автора в Ресурсном центре «Интеграция» г. Тамбова за период III/2020 – II/2022, с которыми индивидуальные психосессии проводились по описанной экспериментальной методике. Всего 20 человек в возрасте от 25 до 55 лет: по 10 женщин и мужчин различных профессиональных профилей в невротическом регистре депрессивных расстройств (депрессивный синдром, смешанное тревожно-депрессивное расстройство, депрессия).

Результаты. Преодоление депрессивной динамики в экспериментальной группе по описанному алгоритму авторского метода показал уменьшение её тяжести с 30,3 до 16,3, а сокращение психотерапевтического консультационного курса в среднем на 46,4 %.

Выводы. Данные показатели доказывают, что выявленная последовательность развития депрессивной динамики и её корневая причина – «чёрное пятно депрессии», - обнаруженное в ходе исследования, верны. Но самый главный потенциал описанной диагностической и одновременно трансформационной методики «Разрушение депрессивной цепи» заключается в том, что её универсальный алгоритм, основанный на механизме процесса осознания, можно применять с целью открытия у человека позитивного видения своего дальнейшего жизненного пути к разнообразным запросам и в различных психотерапевтических методах.

Ключевые слова: депрессивная цепь, порочный круг депрессии, депрессивная триада, уровни информации в сознании, этапы осознания, технология осознания реальности, уровни информации в сознании, категории времени, процесс осознания, универсальная модель психотерапии, технология осознания реальности.

Введение

Выбор темы обусловлен всеобщей тенденцией психического здоровья в мире, и конкретно в России. Согласно «Анализа психологического состояния общества по итогам I–VIII/2022 г., проведённого Институтом психологии РАН и АННИО «Институт психолого-экономических исследований» половина при опросе респондентов испытывают симптомы клинического уровня депрессии [10]. По данным Красного Креста самым депрессивным месяцем 2023 года был май, а максимум обращений в связи с агрессией и гневом был зафиксирован в июне (41%) [7].

Как никогда в психотерапии депрессивных расстройств, сроки его преодоления для снижения приведённой статистики имеют значение. Поэтому в данной работе представляется исследование эффективности и по срокам, и по снижению уровня депрессивного синдрома по Универсальной модели психотерапии «Технология осознания реальности» (далее – «УМП по TOP-подходу») [4]. Её алгоритм осуществим и внутри любой психотерапевтической модальности, т.к. основан на механизме метакогнитивного процесса осознания, универсального для любой психотерапевтической модальности, который лёг в основу метода. Он был открыт в нашем психологическом ООО «Ресурсный центр «Интеграция» (далее – «Центр») в результате его эмпирического исследования IX/2009– XII/2013 гг. [5].

Основания для исследования

Во второй половине XX века А. Бек, сформулировал «депрессивную триаду» симптомов депрессии [1], а А. Эллис открыл, названный им, «порочный круг» иррациональных убеждений [12]. Но не было установлено, в каком порядке и почему складывается этот «порочный круг» и как взаимосвязаны они с тремя основными симптомами по А. Беку (негативное отношение к помощи, к себе и к будущему), т.е. закономерность развития депрессивной психодинамики оставалась неизвестной.

Мы исходили из трёх предпосылок родоначальника Трансактного Анализа (ТА), сформулированные его последователем Клодом Штайнером в книге «Сценарии жизни людей. Школа Э. Берна»:

1. Люди от рождения являются душевно здоровыми.
2. Даже переживая эмоциональные затруднения люди, тем не менее, остаются разумными, полноценными человеческими существами. Они способны понять суть своей проблемы, ее причины и при наличии адекватной помощи решить ее.
3. Любые эмоциональные затруднения разреши-

мы при условии применения верного подхода и адекватного знания. Сложности, с которыми сталкиваются психиатры в случаях, так называемых шизофрении, алкоголизма, депрессивного психоза и т.д., — результат невежества психиатров, а не неизлечимости этих «заболеваний» [11].

Поэтому, на правах гипотезы, мы предположили, что депрессивный синдром развивается у человека по мере как бы закрытия (блокировки) позитивного видения своего будущего по принципу: чем ближе, тем сильнее и тяжелее для психики.

Методы исследования

Коротко осветим здесь вертикальную модель УМП по TOP-подходу, которая позволяет увидеть на каком уровне возникло противоречие в развитии какой-либо динамики, а на каком были заложены его причины и что необходимо сделать для её изменения. Именно на предшествующем уровне развития процесса наиболее оптимально применять необходимые методики для его переключения с негативной динамики на позитивную.

Ведущим параметром в вертикальной модели метода являются уровни информации (далее – «УИ») в сознании. Их в методе определено и сформулировано 6. Это уровни: 1) фактической информации (проявленной как симптом); 2) процессуальной (внешне наблюдаемого процесса); 3) идеологической (от греческих «ideo» – мысль и «logos» – слово); 4) чувственно-сенсорной (информация от 5 каналов восприятия); 5) априорной (опыт субъекта); 6) консолидированной (объединённые представления от многих субъектов в согласованную картину мироустройства) [5].

Вторым параметром в ведении человека в вертикальной модели УМП по TOP-подходу является время, которое при развитии депрессивного синдрома человек воспринимает как или как «мрачное будущее», в которое двигаться не хочется или как «исчезнувшее будущее». При исследовании механизма процесса осознания было определено 6 категорий (характеристик) времени (далее – «КВ») в сознании:

1. настоящее как результат прошлого, который определён и последствие которого предсказуемо;
2. динамическое настоящее – это процесс, происходящий в настоящем, но не приведший ещё к какому-либо результату, т.к. он больше непредсказуем, чем предсказуем (именно здесь и возможен отрыв от привычных стереотипов);
3. переходное время (в прошлом или в будущем) – время, когда прежние стереотипы уже не срываются, а новые ещё не сформировались;
4. вариативное (в прошлом или в будущем) – время возникновения вариантов выбора и стратегий;

5. субъективное (прошлое или будущее) – время первых результатов сделанного выбора (это время отсчитывается с момента выбора);
6. объективное (прошлое или будущее – время пролонгированных эффектов выбора в событиях объективной реальности).

Цель эксперимента: увидеть «цепочку причин» депрессии, т.е. на каком УИ что является «звеном» депрессивной динамики, чтобы найти наиболее короткий, но не менее действенный путь преодоления депрессивного расстройства.

Задача эксперимента: увидеть, на каком из УИ какие возникают причины депрессии, установленные А. Беком (Бек А., 1961, 1978), есть ли определённый порядок в их возникновении.

Выборка

В экспериментальную группу мы зачислили 20 клиентов (пациентов) Центра в период III/2020 – II/2022 г., 10 мужчин и 10 женщин, в возрасте 25 – 45 лет: $M_{\text{возраст}} = 33,69$; $J_{\text{возраст}} = 36,96$. Это были клиенты с симптоматикой депрессии в форме астено-депрессивного синдрома (апатическая или тоскливая депрессия) и тревожно-депрессивного синдрома (тревожная депрессия), проявившихся в течение последних 3 месяцев вследствие острых или хронических стрессов. У всех показатели теста А. Бека констатировали депрессию в определённой степени тяжести. Для чистоты эксперимента мы выбирали клиентов, не проходящих медикаментозное лечение (они боялись пить антидепрессанты). И, конечно, в группу мы брали только тех, кто подтвердил нам отсутствие эндогенной депрессии.

В качестве контрольной группы мы взяли по тем же критериям выборку карточек приёма клиентов Центра за период III/2017 – II/2019, с которыми индивидуальные психосессии проводились по схеме УМП по TOP-подходу:

I. Диагностический блок: собеседование с тестированием, психологическая диагностика причин депрессии,

II. Психокоррекционный блок: психосессии с травмирующими факторами, психосессии с личностными ограничениями, включая семейную психотерапию по необходимости.

III. Трансформационный (закрепляющий): психосессии на обновлённое видение себя и жизни - изменение т.н. «сценария жизни» по теории т.н. жизненных сценариев Э. Берна (Берн Э.Л., 1958), коучинг самореализации при необходимости и итоговое собеседование с обратной связью клиента и его тестированием.

Описание экспериментальной методики

Для подтверждения или отрицания гипотезы с клиентами, включёнными в экспериментальную группу, мы изменили свою привычную схему консультирования:

I. Диагностический блок: собеседование с тестированием,

II. Экспериментальный блок: 1–2 психосессии по алгоритму эксперимента (1-я часть диагностическая – это ведение от первого УИ к шестому, 2-я часть психокоррекционная – по принципу обратного хода).

III. Обратная связь по этапу работы: повторное тестирование и собеседование с клиентом по проявившимся изменениям (исчезнувшие симптомы вычёркивались, если появлялись новые, то они добавлялись к списку).

IV. Блок работы с тем, что остаётся проработать и итоговое собеседование с обратной связью клиента и его тестированием.

После первичного собеседования с тестированием (1-й блок работы), которое помогало нам определиться: брать в эксперимент или нет, – мы проводили лабораторный эксперимент (2-й блок), в форме индивидуальной консультации по простому алгоритму:

Шаг 1. На каждом УИ клиент должен в векторе (столбик с лева) прошлого нарисовать и обозначить словом то, что мешает ему чувствовать хорошо.

Шаг 2. На том же УИ в векторе будущего (столбик справа), отвечая на направляющий вопрос психотерапевта: «Что должно быть вместо помехи?» – Клиент рисует метафору и записывает словом то, что желает в лучшем варианте событий.

Шаг 3. Клиент ищет ответ на вопрос психотерапевта: «Что мешает этого достичь?». Осознание помехи клиенту предлагается изобразить на низ лежащем УИ в левом столбце, как шаг–1 на новом уровне.

Результаты исследования.

Работая с человеком с депрессивным восприятием будущего, мы обнаруживали:

1. на симптоматическом УИ (где констатируются осознаваемые факты): психосоматические симптомы депрессивного синдрома в той или иной степени тяжести, которые воспринимаются как не поддающиеся исцелению, поэтому человек начинает отрицать возможность выхода из него;

Таблица 1.

Схема лабораторного эксперимента (методики УМП по TOP-подходу).

Осознание негативных моментов жизни (диагностический вектор в прошлое)	Осознание позитивных моментов жизни (трансформационный вектор в будущее)
1-й УИ: Шаг-1) клиент рисует метафору и записывает словом её понимание. ⇔	1-й УИ: Шаг-2) Клиент рисует метафору и записывает словом её понимание. Шаг-3) Что мешает это получить? – Клиент просто осознаёт помеху.
2-й УИ: Шаг-1) клиент рисует метафору помехи из шага-3 и записывает словом её понимание. ⇔	2-й УИ: Шаги 2 и 3
Далее так же до 6-го УИ	Далее так же до 6-го УИ

Таблица 2.

Систематизация составляющих депрессивного расстройства по уровням информации, категориям времени и частям личности в теории УМП по TOP-подходу.

И. «Депрессивная триада»: когнитивная симптоматика (Бек А. Т. 1961, 1973)	Фазы депрессивной динамики по Уровни информации (УИ) и 6 категориям времени (КВ) (Гафарова О.Н., 20015, 2018)	«Порочный круг» когнитивных искажений (Эллис, 1962)
I. Негативное отношение к помощи	1. Симптоматический УИ и КВ - Настоящее, как результат прошлого. 6) Фаза отрицания выхода	1. Заикленность на себе от глобально-заниженной самооценки
	2. Процессуальный УИ: и КВ – Динамическое настоящее (без конечного результата) 5) Фаза истощения по Г. Селье	
II. Негативное представление о себе	3. Идеологический УИ: и КВ: Переходное время 4) Соппротивления/ стадия резистентности по Г. Селье	2. Чрезмерная ответственность «Всё плохое от меня, всё хорошее от других»
	4. Чувственно-сенсорный УИ: и КВ - Вариативное время 3) Фаза возбуждения/ реакция тревоги по Г. Селье	
II. Негативное видение будущего	5. Априорный УИ: и КВ – Субъективных результатов. 2) Фаза фрустрации	3. Избирательная абстракция: игнорирование одних и вырывание других деталей из контекста,
	Консолидированный УИ: и КВ - Объективных результатов. 1) Фаза рождения «чёрного пятна» - принятие на веру деструктивного предубеждения.	4. Излишние обобщения, приводящие к пессимизму

2. на процессуальном УИ: физическая слабость и беспомощность в выборе поведенческой стратегии достижения чего – либо в ближнем горизонте видения, т.е. на уровне тактики;
3. на идеологическом УИ: пораженческое настроение, безнадежность из-за физического, психического, состояния и (или) состояния сознания, состояния значимых дел; здесь озвучивается невозможность определиться со своим выбором в среднем горизонте видения, т.е. на уровне стратегии;
4. на чувственно-сенсорном УИ: снижение степени удовлетворенности той или иной потребности и/или ценности в системе отношений, а также ощущение тяжёлых чувств (тоски, вины, стыда, повышенной тревоги);
5. на априорном УИ: фрустрация от обстоятельств, блокирующих ресурсы личности в той или иной области жизни и невозможность определиться со своим выбором в дальнем горизонте видения, т.е. на уровне и идей «как жить дальше», «во что верить»;
6. на консолидированном: запрет на значимое в жизни человека: то без чего для него жизнь теряет смысл, осознаётся часто объект потери (материальный, но чаще не материальный, ценностный), возникает ощущение сильного собственного провала (фиаско, обнуления, исчезновения) или резкого «слома» концепции жизни, как самый «чёрный» день или момент жизни, от чего возникает решение об уходе из жизни, как возможный выход из такой острой кризисной ситуации жизни.

Теоретический анализ

Записанные результаты осознания клиентов в ходе экспериментальной методики, мы рассмотрели, прежде всего, по «депрессивной триаде» А. Бека, сформулировавшего причины депрессии [1]. После этого мы стали структурировать иррациональные убеждения т.н. «порочного круга депрессии» А. Эллиса [12]. Так увидели в эксперименте их синхронизацию с УИ в теории УМП по TOP-подходу [5].

В столбце-II Таблицы-2 показано, что при проведении эксперимента проявился важный аспект развития депрессивного синдрома: наши клиенты обозначали (показывали и вербализировали) реакции стресс-волны по Г. Селье (Селье Г., 1936): *возбуждение* с его нарастающей реакцией тревоги, *сопротивление*, где наступает стадия резистентности стрессору и истощение с реакцией торможения [9].

Но данная дистрессовая волна приобретает депрессивную динамику, когда к фазе истощения присоединяется *отрицание выхода* из сложившейся жизненной

ситуации в первой категории времени (КВ – «настоящее, как результат прошлого») на симптоматическом УИ. А на пятом (априорном) УИ выявлялась *фрустрация* в пятом КВ – субъективное прошлое. Со слов клиентов она была тяжёлой или очень сильной, т.к. объективные обстоятельства их истории (это соответствовало уже шестому КВ – «объективное прошлое») воспринималось тогда очень жёсткими и мрачными.

В психологии давно известен эффект «слепого пятна» как невозможность распознать очевидное из-за когнитивного предубеждения и неспособности из-за этого увидеть его влияние на собственные суждения [8]. Мы в эксперименте и теоретическом анализе назвали его не просто «слепым», а именно «чёрным», т.к. в нём звучали не только негативные предубеждения, но и деструктивные допущения, т.е. допуск к суициду в определённых случаях. И то и другое на шестом (консолидированном) УИ, как бы соединяясь друг с другом, и озвучивалось клиентами как «чёрное время», «чёрная полоса», «чёрный день» жизни, «падение на дно», помрачение сознания и т.п. Поэтому мы назвали данную фазу «появление чёрного пятна» в сознании человека (чаще неосознанно).

Именно здесь, на шестом УИ консолидированной информации мы выявляли статические установки, из-за которых как доказал выдающийся грузинский психолог и философ Д.Н. Узнадзе (Узнадзе, 1961), у человека возникает глубинный внутренний психический конфликт: «Ситуация изменилась, а я не могу измениться» ... В такой ситуации человек становится заложниками установок, т.к. ... взаимоотношения установки и доминанты учение, которую развивал выдающийся русский ученый А.А. Ухтомский. Установка – как руль в автомобиле, который направляет его движение, а доминанта – это двигатель, благодаря которому машина способна двигаться. То есть для того, чтобы очаги возбуждения в головном мозге собрались в единое целое и стали направлять работу этого же мозга в определенном направлении, им нужно задать это направление, что, собственно, и обеспечивает установка» [8].

Поэтому выведение из депрессивной динамики в любой её степени тяжести в УМП по TOP-подходу начинается с обнаружения «чёрного пятна», как «точки переключения процесса» с негативного к позитивному восприятию будущего.

В УМП по TOP-подходу человек на основании современной парадигмы понимания человека в психотерапии, рассматривается как субъект, способный функционировать на 4 уровнях организации взаимодействия и управления жизнью, которые и необходимо активировать при выведении из депрессии. Как говорится: «Жизнь – это спектакль, а люди в ней – актёры». Поэтому в создании и реализации любой динамики психиче-

ских процессов участвуют соответственно: «Актёр» – тактик, «Режиссёр» – стратег, «Сценарист» – идеолог и «Мудрец», который соединяет всё в один смысловой сюжет. Так мы назвали в ТОР–подходе части личности (далее – «ЧЛ»). «Актёр» фокусируется на фактах и процессах, «Режиссёр» – на распределении ролей и ответственности в зависимости от целей, задач и потребностях, «Сценарист» – на идеях, опыте и пути познания и самореализации, «Мудрец» – на смысле жизни, вечных ценностях, культурологических установках, влечении, экзистенциальных выборах и видении закономерностей. В таблице–3 показана структура личности в УМП по ТОР–подходу: распределение частей личности по 4 формам организации взаимодействия и 4 уровням «горизонтам видения», синхронизированным с аспектами биопсихосоциодуховной парадигмы понимания модели человека.

Когда человек не осознает ресурсы концептуального уровня (ЧЛ «Мудрец»), то такое «слепое пятно» мы называем «Глупец».

«Глупец», это не ЧЛ, но комплексный симптом, возникающий из отсутствия востребованного ситуацией опыта, табуированных тем, неосознанных ограничивающих предубеждений или излишних дозволений и иллюзорных допущений. В дальнейшем, мы на 6-м УИ, мы обнаруживали, что т. н. слепое пятно, воспринимается человеком как нечто мрачное и черное и тогда предлагали поменять этого почерневшего «Глупца» на «Мудреца», способного увидеть позитивный вариант. В результате клиент рисовал вместо «чёрного пятна» что-то просветлённое, ресурсное, что даёт допуск к недостающему ресурсу личности, часто через инсайтное переживание. Так депрессивная динамика переключается на позитивную. После чего остаётся простроить обратный ход для осознания обновлённого и позитивного варианта будущего с новой жизненной стратегией, что делается по

принципу обратного хода от уже «Мудреца» к «Актёру» в роли «Победителя» в концепции ТА Э. Берна [11].

Развитие депрессивного синдрома по уровням информации сознания и категориям времени, а также его преодоление по принципу обратного хода можно систематизировать следующим образом: Таблица 4.

В правом столбце Таблицы–4 обозначен третий параметр в сознании человека – этапы процесса осознания и их опорные вопросы, которые помогают человеку осознать определённый УИ. Они в экспериментальной методике задавались нами в обратном ходе для проверки: действительно ли была эффективная замена «чёрного пятна» в «Глупце» на жизнеутверждающий взгляд «Мудреца». Каждый этап осознания детерминирован соответствующим психическим явлением, которые определены методологией науки психологии, что было установлено ранее при исследовании процесса осознания автором настоящей статьи [5]. По данным этапам психотерапевт в УМП по ТОР–подходу в диагностическом векторе по линии в прошлое, только фиксирует, какой психический элемент блокируется, становясь как бы помехой, к осознанию «окон возможности». На основании данных фиксаций и были обнаружены составляющие депрессивной динамики по её фазам, показанные в Таблицах 2 и 4. Так же логика этапов осознания позволила систематизировать и составляющие «депрессивная триады» А. Бека (Бек А, 1961, 1978) и «порочного круга», в котором А. Элисс определил 12 иррациональных убеждений [12].

Итак, когда в экспериментальной методике «чёрное пятно» обнаруживалось, то психотерапевт предлагал клиенту проверку верности его замены уже по линии времени в будущее (с 6–го уровня к 1–му): надо было внутренне прожить, мысленно проходя осознанные позитивные моменты, которые он зарисовал в правом

Таблица 3.

позитивном столбце (см. Таблицы–1). Так проверялось осознание человеком своих ресурсов для видения т.н. «окон возможностей». А опорные вопросы этапов осознания (см. Таблицу-4) помогали проверить: действительно ли клиенту открывается позитивное видение будущего, причём реально достижимое. Если на каком-то УИ обнаруживалось не достаточный позитив, то для

продвижения вперёд, ему предлагалось переосмыслить то, что было на данном УИ или на предыдущем (клиент определял сам).

Так лабораторный эксперимент плавно перешёл в экспериментальную методiku, когда мы присоединили к нему завершающий блок, для перепроверки заменён-

Таблица 4.

Полная вертикальная модель УМП по TOP-подходу в преодолении депрессивной динамики.

Уровни информации (УИ) (Гафарова О.Н., 2018) и фазы депрессивной динамики	Категории времени (Гафарова О.Н., 2023)	Части Личности (ЧЛ) (Гафарова О.Н.,2019)	Этапы осознания и их базовые вопросы (Гафарова О.Н., 2015) осознаваемые психи- явления
1. <u>Симптоматический/ фактический</u> УИ: б) Фаза отрицания выхода	1. Настоящее как результат прошлого	ЧЛ «Актёр» БИО – аспект человека. Тактика в ближнем горизонте видения	1.Симптомы: ЧТО и ГДЕ? Психической деятельности (симптомы)
2. <u>Процессуальный</u> УИ: 5) Фаза истощения по Г. Селье	2. динамическое настоящее		2.Стратегии: ЧТО ДЕЛАЕТ? Психологические защиты
3. <u>Идеологический</u> УИ: 4) Сопротивления/ стадия резистентности по Г. Селье	3. Переходное	ЧЛ «Режиссёр» ПСИХО – аспект человека Стратегия в среднем горизонте видения	3.Состояние ЗАЧЕМ? Психические состояния
4. <u>Чувственно–сенсорный</u> 3) Фаза возбуждения/ реакция тревоги по Г. Селье	4. Вариативное (прошлое или будущее)		4. Необходимость РАДИ ЧЕГО? Психические свойства и потребности
5. <u>Априорный</u> 2) Фаза фрустрации	5. Субъективное (прошлое или будущее)	ЧЛ «Сценарист» СОЦИО – аспект Идеи в дальнем горизонте видения	5. «Корни» причин и ресурсов ПОЧЕМУ? Психические образования
6. <u>Консолидированный</u> 1) Фаза рождения «чёрного пятна»	6. Объективное (прошлое или будущее)	ЧЛ «Мудрец» духовный аспект человека. Целостное видение жизни	6. Разрешения/Запреты СМЫСЛ? РАДИ ЧЕГО БОЛЬШЕГО? Феномены психики (душа, дух, совесть интеллект)

ных звеньев в «Депрессивной цепи» (от шестого УИ к первому). В нём в структуре личности УМП по TOP-подходу, показанной в Таблице 3, часть личности «Мудрец» открывает видение нового варианта жизни на шестом УИ, затем часть личности «Сценарист» находит идеи в дальнем горизонте видения на пятом УИ. После чего часть личности «Режиссёр» в среднем горизонте видения определяет стратегию достижения: обновлённую ценность на четвёртом УИ и новую цель на третьем УИ. Тогда его часть личности «Актёр» может в ближнем горизонте видения определять конкретные тактические шаги и видеть их результат.

Статистический сравнительный анализ

Эксперимент (методика) завершился на 1-м УИ, и клиент вместе с психотерапевтом сравнивал: что было в начале (1-й УИ в левом столбце Таблицы-1) и что теперь (на 1-м УИ в правом столбце Таблицы-1), было ли достигнуто облегчение, ощущение радости и на сколько.

Тестирование общего состояния в экспериментальной группе в начале работы и через неделю по завершении эксперимента проводилось в первую очередь по тесту «Депрессивная шкала» А. Бека [2]. Затем опрос-беседа в форме обратной связи по опорным вопросам этапов осознания на тему «Что теперь по-другому?», после чего достигнутый результат уточнял уже тест на наличие иррациональных установок А. Эллиса [6].

Сравнительный анализ результатов тестирования по Шкале депрессии А. Бека (Бек А., 1961, 1978) в экспериментальной группе показал отрицательную динамику по окончании эксперимента:

- в мужской группе в стадии тяжёлой, средней тяжести и умеренной депрессии,
- в женской группе – в стадии тяжёлой и средней тяжести.

Данный анализ динамики результатов в экспериментальной группе проявил, что мужчины легче переходили на менее сложную стадию депрессии, чем женщины. Из содержания работы нам было видно, что они проявляли большую привязанность к объекту, который потеряли: партнёра, работу или возможность быть домохозяйкой. У мужчин динамика шла легче, т.к. они больше находили «окон возможностей» в векторе будущего, чем женщины. Так:

- 6 мужчин перешли в лёгкую стадию и отсутствие симптомов депрессии (1 и 3 соответственно),
- 4 женщины перешли в лёгкую стадию и отсутствие симптомов депрессии (3 и 1 соответственно),
- одна женщина так и осталась в тяжёлой стадии депрессии, хоть и при уменьшении динамики на 10 баллов по тесту.

Сравнительный анализ результатов экспериментальной группы по баллам Шкалы депрессии А. Бека (Бек А., 1961, 1978) показал, что средний балл тяжести депрессивной динамики:

- у мужчин уменьшился с 25,6 до 13,2 или на 51,6 %
- у женщин уменьшился с 32,5 до 18,6 или на 57,2 %
- в целом по группе уменьшился с 29 до 15,9 или на 44,8 %

Сравнительный анализ результатов экспериментальной группы по баллам Шкалы иррациональных убеждений А. Эллиса (Эллис А., 1962) в методике «Диагностика иррациональных установок, SPB» [6]. Он показал, что средний балл их деструктивности, как одной из составляющих в «депрессивной триады» А. Бека (Бек А., 1961, 1978) проявил следующую динамику:

- у мужчин уменьшился с 36 до 14 или на 61 %
- у женщин уменьшился с 27 до 19 или на 48 %
- в целом по группе уменьшился с 32 до 16,5 или на 48 %

Обсуждение результатов.

Сравнительный анализ результатов экспериментальной группы по итоговым показателям обоих тестов (и по шкале А. Бека, по шкале А. Эллиса) показал, что средний балл тяжести депрессивной динамики:

- у мужчин уменьшился с 30,8 до 13,6 или на 55,8 %
- у женщин уменьшился с 29,8 до 18,8 или на 36,9 %
- в целом по группе уменьшился с 30,3 до 16,3 или на 46,4 %

Именно эти последние показатели мы взяли для сравнения с показателями контрольной группы, потому что такие баллы и проценты мы получали только после второго, психокоррекционного, блока работы (первый был всегда диагностический, который каждый специалист проводил по своему профилирующему методу). Третий блок всегда у нас проводится как трансформационный и адаптационный.

Сравнение количества консультаций между контрольной и экспериментальной группой, которые давали результат уменьшения депрессивной динамики и у мужчин и у женщин в районе 30% (+;– 3 балла) показал, что количество консультаций:

- у мужчин уменьшился с 4,8 до 2,5 или на 47,2 %
- у женщин уменьшился с 6,7 до 3,4 или на 49,3 %
- в целом по группе уменьшился с 5,7 до 3 или на 47,4 %

Выводы

Таким образом, экспериментальная методика по преодолению депрессивной динамики по вертикальной модели УМП по TOP-подходу показала по количественному

Таблица 5.

Сравнительный анализ результатов тестирования по Шкале депрессии А. Бека в экспериментальной группе.

Тестирование в начале (чел.)			Тестирование в конце (чел.)		
уровень депрессии			уровень депрессии /динамика изменений		
Шкалы	мужчины	женщины	Шкалы	мужчины	женщины
отсутствие	0	0	отсутствие	3/+3	1/+1
легкая	1	0	легкая	4/+3	3/+3
умеренная	3	2	умеренная	2/-1	3/+1
средней тяжести	2	4	средней тяжести	1/-1	2/-2
тяжелая	3	4	тяжелая	0/-2	1/-3
<i>Всего с симптома тикой</i>	<i>9</i>	<i>10</i>	<i>Всего с симптома тикой</i>	<i>8/-2</i>	<i>9/-2</i>

Таблица 6.

Анализ динамики результатов в экспериментальной группе по Шкале депрессии А. Бека.

<i>Мужчины</i>		<i>Женщины</i>	
Тестирование в начале (чел.)	Тестирование в конце (чел.)	Тестирование в начале (чел.)	Тестирование в конце (чел.)
отсутствие	отсутствие	отсутствие	отсутствие
легкая	легкая	легкая	легкая
Умеренная	умеренная	умеренная	умеренная
средней тяжести	средней тяжести	средней тяжести	средней тяжести
тяжелая	тяжелая	тяжелая	тяжелая

Таблица 7.

Сравнительный анализ результатов экспериментальной группы по баллам Шкалы депрессии А. Бека.

Тестирование в начале (чел.)			Тестирование в конце (чел.)		
уровень депрессии			уровень депрессии /динамика изменений		
Шкалы	мужчины	женщины	Шкалы	мужчины	женщины
отсутствие 0-9	0	0	отсутствие	$(3+6+9)/3 = 6$	5
легкая 10-15	13	0	легкая	$(12+13+15+12)/4 = 10,5$	$(11+13+15)/3 = 13$
умеренная 16-19	$(17+18+19)/2 = 18$	$(16+18)/2 = 17$	умеренная	$(17+19)/2 = 18$	$(17+18+19)/3 = 18$
средней тяжести 20-29	$(21+25)/2 = 23$	$(22+25+27+29)/2 = 25,8$	средней тяжести	26	$(28+28)/2 = 28$
Тяжелая 30-63	$(36+45+62)/4 = 40,5$	$(34+42+50+62)/4 = 47$	тяжелая	0	42
<i>Средний балл по 4 стадиям депрессии</i>	25,6	32,5	<i>Средний балл по 4 стадиям депрессии</i>	13,2/- 48,4%	18,6/- 43%
<i>Средний балл (на 20 чел.) = 29</i>			<i>Средний балл (на 20 чел.) = 15,9/- 44,8%</i>		

Таблица 8.

Результаты теста на наличие иррациональных установок по А. Эллису в методике «Диагностика иррациональных установок, SPB».

Тестирование в начале (средний балл)			Тестирование в конце (средний балл/-; +%)		
Шкалы	мужчины	женщины		мужчины	женщины
1. Катастрофизация	26	30	1. Катастрофизация	14/- 46%	17/- 43%
2. Долженствование себе	31	24	2. Долженствование себе	17/- 45%	15/- 37,5%
3. Долженствование к другим	15	29	3. Долженствование к другим	8/- 47%	18/- 38%
4. Оценочная установка	27	28	4. Оценочная установка	15/- 44%	17/- 39%
5. Фрустрационная толерантность	31	25	5. Фрустрационная толерантность	17/- 48%	15/- 40%
<i>Средний балл (на 10 чел.)</i>	36	27	<i>Средний балл (на 10 чел.)</i>	14/- 61%	19/- 48%
<i>Средний балл (на 20 чел.) = 32 (все баллы округлены)</i>			<i>Средний балл (на 20 чел.) = 16,5/- 48% (все баллы округлен)</i>		

параметру сокращение срока психотерапевтической работы практически в половину свою эффективность – на 47,4%.

Такую эффективность мы видим в преодолении последовательности обнаруженных в ходе эксперимента составляющих депрессивной динамики, которые, как показал эксперимент, возникают следующим образом...

I. На когнитивно-ментальном (не проявленном) слое сознания:

1) фаза *появления «чёрного пятна»* на 6-м «консолированном» УИ;

2) фаза *фрустрации* на 5-м «априорном» УИ.

II. На смешано обусловленном (полу проявленном) слое сознания, т.е. обусловленном и ментально, и физически (50/50):

3) фаза *возбуждения* (1-я фаза стресса «возбуждение» по Г. Селье в гипердинамике) на 4-м «чувственно-сенсорном» УИ,

4) фаза *сопротивления* (попытка справиться с 1-й фазой стресса по Г. Селье в гипердинамике) на 3-м «идеологическом» УИ.

III. На физически обусловленном (проявленном) слое сознания:

5) фаза *истощения* (2-я фаза стресса «сопротивление» по Г. Селье) на 2-м «процессуальном» УИ и проявляется в поведенческих стереотипах как избегание выбора и уход от попыток что-то изменить,

6) фаза *отрицание выхода* из состояния истощения (3-я фаза стресса «истощение» по Г. Селье) и физических, и психических сил, где отрицание проявляется на 1-м «симптоматическом» УИ влечение к смерти.

Так наша гипотеза о существовании последовательности составляющих депрессивной динамики получила подтверждение. Данную упорядоченность мы назвали «Цепь депрессии», т. к. в каждом её звене клиент (пациент) осознаёт определённые события и действующих лиц, ставших соучастниками её формирования. Специалист наблюдает составляющие депрессивной динамики, в которой по такому же порядку данной «цепи» и видит, как синхронизируются составляющие «депрессивной триады» А. Бека (Бек А., 1961, 1978), и «порочного круга» иррациональных убеждений А. Эллиса (Эллис А., 1962) – всё по той же последовательности шести УИ в сознании человека, как это показано в столбце 2 Таблицы 2.

Не претендуя на истину, мы можем утверждать, что преодоление депрессивной динамики происходит за счёт переключения внимания человека в каждом звене «депрессивной цепи» с негативного восприятия прошлого, на позитивный вариант будущего простым направляющим вопросом, как допущение: «Что должно

быть вместо этого (вместо негативного события и состояния)? А когда клиент (пациент) 6-м «консолированным» УИ, начинает проверять вариант позитивного будущего, мысленно проживая его от 6-го «звена» к 1-му, как это описывалось выше, то в сознание, как «топографическую карту» реальности вносится уже новый и реалистичный путь.

Причём ключевым является именно шестое звено, где «чёрное пятно» становится «точкой переключения» динамики деструктивного предубеждения. Это осознаётся человеком на шестом УИ (консолированном) в шестом этапе осознания «Разрешение», где и меняется с запрета не во благо (негативное *излишние обобщения по А. Эллису*) на саморазрешение во благо – адекватное, позитивное и конкретное ощущение своего личностного ресурса, как внутренней точки опоры.

Практическое применение

В результате разрыва «порочного круга» иррациональных убеждений по А. Эллису (А. Эллис, 1962), открывается т.н. «окно возможности», а осознание их на каждом УИ, как звено за звеном, меняет всю «депрессивную цепь» на позитивную», что подтверждается приведёнными в Таблице–8 показателями теста «Диагностика иррациональных установок, SPB» [6]. Это способствует снятию снижению уровня тяжести депрессии, что показало тестирование по Депрессивной шкале А. Бека (Таблицы 5 – 7).

Так мы реализовали поставленную практическую задачу: найти наиболее короткий, но не менее эффективный путь уменьшения депрессивной динамики. – Сравнительный анализ показал, что количество консультаций между контрольной и экспериментальной группой сокращается в среднем на 46,4 %. Это происходит за счёт замены звеньев «депрессивной цепи» на конструктивно-позитивные звенья новой жизненной стратегии по четырём ступеням осознания главного героя (клиента) «Спектакля жизни» на уровне: тактики «Актёра», стратегии «Режиссёра», идеологии «Сценариста» и концепции «Мудреца».

Теперь данная методика преодоления депрессии в УМП по TOP-подходу является и диагностической, и психокоррекционной, и отчасти трансформационной (вносит изменение в видение своей идентичности и видения жизненного пути, как «жизненного сценария»).

В процессе её ведения на любом УИ можно применять любую психотехнологию для проработки тех помех, которые проявляются на конкретном рабочем УИ. Поэтому методика «Разрушение Депрессивной цепи» универсальна по своей структуре для различных психотерапевтических методов.

Она наглядно показывает и суть УМП по ТОР-подходу, как метода психотерапии, научная новизна которого заключается в том, что впервые использовано структурирование объемной информации о психоэмоциональном состоянии и конкретных ситуациях в жизни клиента, выявляющее определенные закономерности их проявления. Благодаря ведению дедуктивной цепочке умоза-

ключений, основанных на выделении частного из общего, алгоритм УМП по ТОР-подходу подводит человека к осознанию взаимосвязи причин и последствий возникших проблем и позволяет ему увидеть новые возможности и изменить алгоритм действий, повлияв на рост положительных тенденций в его самостоятельном движении по жизненному пути [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек А., Раш А., Шоу Б., Эмери Г. Когнитивная терапия депрессии. — Санкт-Петербург: Питер, 2003. — ISBN 5-318-00689-2.
2. Бек А.Т. и другие. Перечень методов измерения депрессии //Архивы общей психиатрии. — 1961. — Том 4. — №. 6. — с. 561–571
3. Гафарова О.Н. — Технология осознания реальности - подход психологического консультирования // Психолог. — 2015. — № 4. — С. 317 – 356. ДЕЛАЙ: 10.7256/2409-8701.2015.4.15538.
4. Гафарова О.Н. Универсальная модель психотерапии, основанная на структуре личности, смоделированной в результатах исследования и процессе осознания. Журнал Ученый Евразийского союза Урга (EUS) №1 (58)/ 2019, часть 5. С. — 35 — 39.
5. Гафарова О.Н. Алгоритм осознания: универсальность и потенциал для развития психотерапевтических школ. Онлайн–научно-практическое издание «Антология российской психотерапии и психологии», выпуск 11, Санкт–Петербург, 31 марта – 1 апреля 2023 г., стр. 26–37).
6. Каменюкин А.Г., Ковпак Д.В. Антистрессовый тренинг. — Санкт–Петербург: «Питер», 2008. — с. 201–205
7. Красный Крест назвал «самый депрессивный месяц» 2023 года. Статья портала «Новости РБК» от 20.09.2023. [Электронный ресурс – <https://www.rbc.ru/society/20/09/2023/6509a8d49a7947d44918f6c9?from=copy>].
8. Маслов Е.С., Тихонов О.В. Когнитивные искажения и критическое мышление: учебно-методическое пособие / Е.С. Маслов, О.В. Тихонова. — Казань: Казанский. Унив., 2022 – 28 с.
9. Селье Х. История адаптационного синдрома. Москва: Медгиз; 1960. — 255 с.
10. Широв А.А., Нестик Т.А., Неверов А.Н., Гагарина М.А., Говтван О. Дж. Квартальный прогноз ВВП. Журнал Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (ИЯП РАН). «Проблемы прогнозирования», выпуск N 55.2023. [Электронный ресурс – <https://ecfor.ru/publication/kvartalnyj-prognoz-ekonomiki-vypusk-55>].
11. Штайнер К. Сценарии жизни людей. Школа Эрика Берна»: Питер; СПб; 2003. — 416 с., — 5 – 6 с.
12. Эллис А., Макларен К. Рационально-эмоциональная поведенческая терапия. — РнД.: Феникс, 2008. — 160 с.

© Гафарова Ольга Ниловна (psitrener@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАБОТНИКОВ СЕКС-ИНДУСТРИИ

Дорошенко Валерия Юрьевна

клинический психолог, «Бест Доктор», (г. Москва)

23V24@mail.ru

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF EMPLOYEES IN SEX INDUSTRY IN RUSSIA

V. Doroshenko

Summary: Object: development of recommendations for psychological counseling of employees in sex industry.

Methods: formal-logical scientific method, formal-legal scientific method, method of comparative analysis, Leonhard-Shmishchek test, as well as E. Shane's career orientation test), methods of mathematical and statistical analysis (descriptive statistics and non-parametric comparison criteria).

Results: The specifics of the sex industry allows not only to earn money, but also to enjoy work, which is the key to a successful career in this particular area. At the same time, from a psychological point of view, pleasure is understood as professional activity in the broadest sense, which brings satisfaction not from the point of view of sexuality, but from the point of view of satisfaction with oneself and one's place in society.

Conclusions: The hypothesis of the study about the relationship between demonstrativeness and "mission" in this area was confirmed. In addition, in the process of psychological counseling, it was found that respondents with high "mission" indicators are generally healthier people from a psychological point of view. In this sense, the development of a "mission" in this area is the task of psychologists and psychotherapists working with this category of people, who are certainly at particular risk. At the same time, moderate demonstrativeness can be considered as a favorable characteristic for a candidate who aspires to this professional field.

Keywords: sex industry, erotica, career orientations, sexology, character accentuations, career anchors.

Аннотация: Цель: Разработка рекомендаций для проведения психологического консультирования работников секс-индустрии.

Методы: Формально-логический, формально-юридический, сравнительный анализ; психодиагностический (тестовые методики Леонгарда-Шмишека, а также «Якоря карьеры» Э. Шейна); методы математико-статистического анализа (описательные статистики и непараметрические критерии сравнения).

Результаты: Специфика секс-индустрии позволяет не только зарабатывать, но и получать удовольствие от работы, что, во многом, является ключом к успешной карьере именно в данной сфере. При этом под удовольствием с психологической точки зрения понимается занятие профессиональной деятельностью, приносящим удовлетворение не с точки зрения сексуальности, а с точки зрения удовлетворённости самим собой и своим местом в обществе.

Выводы: Гипотеза исследования о взаимосвязи демонстративности и «служения» в данной сфере подтвердилась. Кроме того, в процессе психологического консультирования было выявлено, что респонденты, обладающие большими показателями «служения», являются в целом более здоровыми людьми с психологической точки зрения. В этом смысле развитие именно «служения» в данной сфере является задачей психологов и психотерапевтов, работающих с данной категорией людей, безусловно находящихся в зоне особого риска. При этом умеренную демонстративность можно рассматривать как благоприятную характеристику для того или иного кандидата, стремящегося в данную профессиональную сферу.

Ключевые слова: секс-индустрия, эротика, карьерные ориентации, сексология, акцентуации характера, якоря карьеры.

Введение

Исследования психологических особенностей самых разных карьерных отраслей представляет безусловный интерес для современной психологической науки, так как развитие экономики и становление информационного общества неизменно связано и с возникновением новых профессий и даже целых индустрий. В данном контексте речь идет о психологических особенностях работников секс-индустрии, что является плохо изученным и малоосвещаемым в современной психологии. Стоит отметить, что речь не идет о проституции, хотя с научной точки зрения она не исключается, и наше исследование направлено на более широкую сферу секс-индустрии. Здесь будут определены и обоснованы психологические критерии соответствия возможности построения карьеры в данной сфере и

непосредственно в сексуальной работе, связанной с демонстрацией обнаженного тела и других подобных и сопутствующих услуг.

Научной новизной исследования выступают предложения по осуществлению психологического консультирования работников секс-индустрии, а также неочевидные результаты эмпирического исследования, показавшие аномально высокие показатели акцентуаций характера в рамках соответствующей выборки сотрудниц одного из ночных московских клубов.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования данного материала при подготовке к психологическому консультированию и психотерапии сотрудников секс-индустрии, осуществляющим профессиональную деятельность, связанную с обнаже-

нием собственного тела.

Материалы и методы

Формально-логический научный метод позволил сопоставить теоретические концепции российских и зарубежных исследователей, а также результаты эмпирического исследования.

Формально-юридический метод был использован при описании законных и противозаконных видов деятельности секс-индустрии с точки зрения российского уголовного законодательства.

Метод сравнительного анализа использовался при проверке статистической значимости двух групп, разделенных по признаку карьерной ориентации «служения».

Литературный обзор

Понятие секс-индустрии является достаточно широким и включает в себя множество товаров и услуг сексуального характера. При этом те или иные товары либо услуги бывают как законными, так и незаконными, в зависимости от конкретных нормативно-правовых актов.

К незаконным в России относятся следующие преступления (правонарушения), которые можно поделить на три условные группы:

1. Вовлечение за занятие проституцией либо ее организацию (статьи 240, 241 Уголовного кодекса РФ) [7]. При этом само занятие проституцией, то есть, вступление в половое сношение за вознаграждение, является административным правонарушением (статья 6.11 Кодекса об административных правонарушениях РФ) [5].
2. Существует наказание за изготовление и распространение порнографических материалов, предусмотренных статьями 242, 242.1, 242.2 УК РФ. Важно отметить, что наказания за вышеуказанные преступления являются крайне редкими, так как сложно доказать состав преступления, а наличие в законе статьи 242 подвергается жесткой критике в научном юридическом сообществе.
3. Отдельно можно выделить статьи 241.1 и 242.2, где говорится о вовлечении и использовании несовершеннолетних при распространении порнографии, которые действительно работают на практике, а преступники реально преследуются правоохранителями [7].

Некоторые исследователи выделяют сексуальную работу (деятельность) из секс-индустрии, однако в нашем исследовании предлагается считать, что секс-индустрия является более широким понятием по отношению к сексуальной работе. Кроме того, являясь работником секс-индустрии, совершенно необязательно занимать-

ся непосредственной сексуальной деятельностью (например, оказанием интимных услуг): бухгалтер либо менеджер ночного клуба также являются работниками секс-индустрии, но их деятельность принципиально не отличается от, к примеру, деятельности сотрудников ресторана либо другого заведения, часто встречающегося в жизни среднестатистического обывателя [2, с. 697-718].

Среди видов товаров и услуг секс-индустрии можно выделить следующие:

- производство эротических и порнографических фильмов и фотографий;
- производство товаров для магазинов для взрослых;
- организация фэшн-шоу с демонстрацией нижнего белья и купальников;
- оказание услуг стриптиза;
- проституция;
- демонстрация обнаженных тел и секса с помощью информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (эротические чаты веб-кам) и многие другие.

В данной статье рассматриваются психологические особенности работников секс-индустрии на примере сотрудников одного из ночных клубов города Москвы.

Данный ночной клуб – это своеобразный эротический театр, с роскошными визуальными образами, сконцентрированными на мастерстве эротики в театрализованном шоу и перформансах, включающий следующие услуги:

- танцевальные шоу-программы – танцевальные композиции с эротическим подтекстом, имеющие определенный сюжет (сценарий), музыку и стилистику (иногда используют несколько стилей, но они также относятся к запланированному сценарию) [5, с. 318 – 320];
- тематические перформансы (БДСМ, лесби) – представления с элементами театра, характеризующийся, как правило, неким патологическим сюжетом;
- частные танцы – индивидуальное танцевальное шоу в закрытом помещении, ограниченное, как правило 1-3 зрителями;
- общение с работниками клуба, исключая интим (безусловно, услуги интимного характера теоретически возможны, но за пределами заведения в частном порядке).

Остановимся на особенностях мотивации сотрудников секс-индустрии.

Опыт проведения психологического консультирования респондентов нашего исследования показывает, что, как не парадоксально, основной мотивацией при осуществлении трудовой деятельности выступает финансовое вознаграждение. Именно данная сфера характеризуется быстрым построением карьеры, следова-

тельно, возможностью быстро заработать. Если учесть, что представители нашего исследования женщины от 18 до 33 лет, то это является особенно важным. Секс-индустрия может позволить претендовать на собственное жилье, получить хорошее образование, переехать на постоянное место жительства в развитые страны, погасить кредит, наконец, дать хорошее образование уже своим детям. При этом отношение российского общества к подобным услугам, в целом, становится более спокойным и не подлежит резкому и радикальному осуждению. Кроме того, секс-индустрия позволяет раскрыть свой потенциал, нивелировать комплексы, убрать страхи, поднять самооценку, наконец, реализовать собственную сексуальную энергию.

Если обращаться к скрытой мотивации, то ее можно охарактеризовать как потребность человека быть любимым и значимым при уже сформированной позиции жертвы, то есть виктимного поведения. Так можно предположить, что именно люди, склонные к работе в секс-индустрии нередко могут быть подвергнуты сексуальному насилию, в том числе, провоцируя насильника своим кокетливым поведением. Например, в исследовании С. Ландстрём говорится о связи вызывающего поведения и возложения вины насильником на саму жертву [1].

Гипотеза эмпирического исследования заключается в наибольшей выраженности акцентуации характера демонстративности у работников секс-индустрии, а также во взаимосвязи демонстративности и склонности к служению (стремлению помогать людям).

Для выявления акцентуаций характера был использован тест-опросник Леонгарда-Шмишека. В основе методики лежит концепция акцентуированных типов личности. Согласно данной теории, существуют черты

личности, которые сами по себе еще не являются патологическими, однако могут при определенных жизненных условиях развиваться в положительном (в сторону нормы) или отрицательном (в сторону патологии) направлении. Черты эти являются как бы заострением некоторых присущих каждому человеку индивидуальных свойств. У психопатов эти черты достигают яркой выраженности [4]. Если учесть, что работники секс-индустрии ввиду специфики своей деятельности относятся к группам риска возникновения психопатологий, то данный инструмент несомненно может быть полезен при проведении психодиагностики таких людей, а также при их профориентации. Например, при отсутствии демонстративного типа личности можно предположить, что данный тип деятельности не подходит для клиента, что может являться дальнейшим полем для проведения консультирования.

Кроме того, был также использован тест-опросник «Якоря карьеры» Э. Шейна, выявляющий склонности того или иного человека к определенному направлению (развитию) своей карьеры. Например, данная методика может выявить, склонен ли респондент к предпринимательской деятельности или его привлекает работа по найму [3].

В результате проведения статистического исследования коэффициент парной корреляции Пирсона показал заметную взаимосвязь между акцентуацией эмотивности и якорем карьеры «интеграция стилей жизни» – 0,52, демонстративностью и «служением» – 0,51; отрицательные умеренные корреляции между тревожностью и «менеджментом» – 0,3, эмотивностью и «автономией» – 0,41, а также другие умеренные взаимосвязи, отраженные на рисунке 1:

Для проверки статистической значимости с помощью критерия Манна-Уитни выборка была разделена на две

	Профессиональная компетентность	Менеджмент	Автономия	Стабильность места работы	Стабильность места жительства	Служение	Вызов	Интеграция стилей жизни	Предпринимательство
Демонстративность	0,298852	-0,16194	-0,22793	-0,12865	0,284859	0,515773	0,066388	0,15315	-0,17502
Застывание	-0,07191	0,480427	0,326136	0,227896	-0,27274	0,039155	0,203151	0,0899	0,306642
Педантичность	0,355335	0,111948	0,253584	0,250462	0,038572	0,373524	0,009823	0,410303	0,175591
Возбудимость	-0,01405	0,271463	-0,03953	0,247868	0,097061	0,263813	0,171916	-0,23728	0,070335
Гипертимность	0,070272	-0,02729	-0,18478	-0,04687	0,253459	0,0528	0,197762	0,276422	0,221365
Дистимность	0,092723	0,111932	0,108585	0,150085	-0,35216	0,338136	0,178697	-0,07982	0,123486
Тревожность	-0,02314	-0,30035	-0,04341	-0,27617	0,034262	0,218877	-0,27187	0,041879	-0,25712
Экзальтированность	-0,01976	-0,0361	0,193601	0,464968	-0,1734	0,063214	-0,10105	0,423904	0,014459
Эмотивность	0,19407	-0,17159	-0,41536	0,42731	0,279431	0,495649	-0,3341	0,525854	-0,00807
Циклотимность	0,075074	-0,14077	0,254306	0,017665	-0,12249	-0,01372	0,159277	-0,29568	0,124457

Рис. 1. Корреляционная матрица Пирсона. Взаимосвязи между показателями из двух методик

подгруппы: с низкой и высокой склонность к «служению». В итоге была выявлена относительная статистическая значимость взаимосвязи демонстративности и «служения» (U-критерий Манна-Уитни равен 27.5; $p < 0,05$).

Если попытаться ответить на вопрос, какие карьерные ориентации способствуют выбору в пользу секс-индустрии, то, исходя из нашей выборки, самым большим средним статистическим значением является показатель «автономии» – 7,81, что может говорить об определённом уровне свободы в подобных профессиях (отсутствуют четкие предписания и работа в той или иной степени является творческой). Вместе с тем, при определении моды высокие значения имеют карьерные ориентации менеджмента, автономии, служения и предпринимательства, что может, во-первых, говорить о восприятии профессии в качестве миссии и социально одобряемой деятельности, во-вторых, желанием в будущем открыть собственное дело. Ниже представлены среднестатистические показатели и мода всех карьерных ориентаций (рисунок 2).

	Профессиональная компетентность	Менеджмент	Автономия	Стабильность места работы	Стабильность места жительства	Служение	Вызов	Интеграция стилей жизни	Предпринимательство
Среднее значение	4,04	6,31	7,81	6	3,18	6,5	5	6,63	6,2
Мода	2	9	8	4	1	8	6	6	8

Рис. 2. Средние значения и мода якорей карьеры

Важно отметить, что при проведении эмпирического исследования акцентуации были выявлены у подавляющего большинства респондентов, что в целом, выходит за рамки подобных исследований. Причем ряд девушек имели сразу по несколько акцентуаций с максимальными показателями, и из всех 20 респондентов только 5 показали результаты в рамках общепринятой нормы

(акцентуации не превышали показатель 21). При этом самой распространенной акцентуацией в выборке выступает экзальтированность (среднее значение по всей выборке – 22) (рисунок 3).

Если сравнивать девушек с наименьшими показателями акцентуаций и с наибольшими, то в процессе изучения личностей респондентов бросается в глаза большая мотивированность девушек с повышенными акцентуациями. То есть, девушки, приходящие в данную индустрию ради денег более акцентуированы, девушки, которым работа нравится и для которых финансовая мотивация не является первичной, являются не только менее акцентуированными, но и в целом обладают более здоровой психикой, то есть, о таких респондентах можно сказать, что их деятельность находится в гармонии с их психологическими характеристиками. С точки зрения теории акцентуаций можно сказать, что в данной выборке показатели служения играют важнейшую роль непосредственного психологического состояния того или иного респондента, так как служение является неким восприятием профессии с точки зрения миссии, а не только заработка или финансовой независимости.

Результаты

При осуществлении психологического консультирования и психотерапии необходимо разделять относительность того или иного клиента к сфере секс-индустрии или к сфере секс-работы. Первое понятие является более широким и включает в себя также и работников, осуществляющих сексуальную работу либо работу, непосредственно связанную с оказанием услуг интимного либо эротического характера.

Специфика секс-индустрии позволяет не только зарабатывать, но и получать удовольствие от работы, что, во многом, является ключом к успешной карьере именно в данной сфере. При этом под удовольствием с психологической точки зрения понимается занятие профессиональной деятельностью, приносящим удовлетворение не с точки зрения сексуальности, а с точки зрения удовлетворённости самим собой и своим местом в обществе.

	Демонстративность	Застревание	Педантичность	Возбудимость	Гипертимность	Дистимность	Тревожность	Экзальтированность	Эмотивность	Циклотимность
Среднее значение	16,1	14,7	12,8	12,27	15,68	12	12	16,9	16	16,36
Мода	14	14	12	9	9	12	9	18	15	18

Рис. 3. Средние значения и мода акцентуаций характера

Обсуждение

Кроме подтверждения основной гипотезы, достаточно удивительными выглядят результаты эмпирического исследования: обилие сильных акцентуаций практически у каждого второго респондента не вписывается в общую научную концепцию, в соответствии с которой акцентуации могут являться яркими признаками психопатии. По нашим данным ни один из респондентов не наблюдается у психиатра. В ином контексте подобная трудовая деятельность была бы просто невозможна. И в этом смысле можно утверждать о крайне специфических психологических характеристиках представителей данного профессионального сообщества.

Заключение

Гипотеза исследования о взаимосвязи демонстративности и служения в данной сфере подтвердилась, а в процессе психологического консультирования было выявлено, что респонденты, обладающие большими показателями служения, являются в целом более здоровыми людьми с психологической точки зрения. В этом смысле развитие именно служения в данной сфере является задачей психологов и психотерапевтов, работающих с данной категорией людей, безусловно находящихся в зоне особого риска. При этом умеренную демонстративность можно рассматривать как благоприятную характеристику для того или иного кандидата, стремящегося в данную профессиональную сферу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sara Landström, Leif A. Strömwall & Helen Alfredsson (2016) Blame attributions in sexual crimes: Effects of belief in a just world and victim behavior, *Nordic Psychology*, 68:1, 2-11, DOI: 10.1080/19012276.2015.1026921.
2. Tracey Sagar, Deborah Jones, Katrien Symons, Jacky Tyrie, Ron Roberts. Student involvement in the UK sex industry: motivations and experiences / *The British Journal of Sociology*, Volume: 67, Issue: 4, Pages: 697 – 718.
3. Васильева И.В. Организационно-психологическая диагностика — 3-е изд., стер. Учебное пособие / И.В. Васильева. - Москва: Флинта, 2019. - 136 с. - ISBN 978-5-9765-1712-7. - URL: <https://ibooks.ru/bookshelf/338028/reading> (дата обращения: 03.01.2022). - Текст: электронный.
4. Васильева И.В. Психодиагностика — 3-е изд., стер. Учебное пособие / И.В. Васильева. - Москва: Флинта, 2019. - 252 с. - ISBN 978-5-9765-1711-0. - URL: <https://ibooks.ru/bookshelf/338027/reading> (дата обращения: 05.11.2021). - Текст: электронный.
5. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2022) // «Российская газета», N 256, 31.12.2001.
6. Мишина Т.В. Особенности социокультурного проектирования танцевального шоу // Юность и знания – гарантия успеха – 2021: сборник научных трудов 8-й Международной молодежной научной конференции (Курск, 16-17 сентября 2021 года). С. 318-320.
7. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

© Дорошенко Валерия Юрьевна (23V24@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОМПЛЕКСНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ПАЦИЕНТОВ ПОСЛЕ ОСТРЫХ НАРУШЕНИЙ МОЗГОВОГО КРОВООБРАЩЕНИЯ

Земцева Наталья Владимировна

Соискатель, ФГБНУ «Институт коррекционной педагогики»
ГБУЗ «Центр патологии речи и нейрореабилитации» ДЗМ
nataliznv@mail.ru

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECT OF COMPLEX REHABILITATION OF PATIENTS AFTER ACUTE CEREBRAL CIRCULATION DISORDERS

N. Zemtseva

Summary: The article analyzes the relationship between psychological and pedagogical directions in complex rehabilitation; special attention is paid to the influence of personality traits and motivation on the recovery process of patients after acute cerebral circulatory failure (ACBF). Modern ideas about key characteristics, such as anxiety level, extraversion and reaction to the disease, and their role in the recovery process are considered. The mechanisms determining the behavior of patients at different stages of complex rehabilitation are revealed, and the importance of individualization of rehabilitation programs of pedagogical influence taking into account the influence of psychological factors is emphasized. Promising directions of further research aimed at improving the effectiveness of psychological and pedagogical techniques in the rehabilitation process are outlined.

Keywords: complex rehabilitation after ONMK, psychological and pedagogical aspect of rehabilitation, rehabilitation potential, personal qualities, psychological factors, individual characteristics.

Аннотация: В статье проведен анализ взаимосвязи психологического и педагогического направлений в комплексной реабилитации; особое внимание уделено влиянию личностных качеств и мотивации на процесс восстановления пациентов после острого нарушения мозгового кровообращения (ОНМК). Рассматриваются современные представления о ключевых характеристиках, таких как уровень тревожности, экстраверсия и реакция на болезнь, и их роль в восстановительном процессе. Выявляются механизмы, определяющие поведение пациентов на различных этапах комплексной реабилитации, и подчеркивается значимость индивидуализации реабилитационных программ педагогического воздействия с учетом влияния психологических факторов. Обозначены перспективные направления дальнейших исследований, направленных на повышение эффективности психологических и педагогических методик в процесс реабилитации.

Ключевые слова: комплексная реабилитация после ОНМК, психолого-педагогический аспект реабилитации, реабилитационный потенциал, личностные качества, психологические факторы, индивидуальные особенности.

Введение

ОНМК (острое нарушение мозгового кровообращения) является одной из ведущих причин инвалидности и нарушений здоровья как в России, так и в мире. Ежегодно по данным ВОЗ инсульт поражает миллионы людей, приводя к потере трудоспособности и когнитивным расстройствам. Восстановление после ОНМК – это сложный и длительный процесс, требующий комплексного подхода, включающего медицинскую, психолого-педагогическую и социальную реабилитацию. Этот процесс зависит от множества факторов, часть из которых оказывает положительное влияние на восстановление нарушенных функций, другая же – ограничивает возможности реабилитации.

Осознанное влияние на процесс реабилитации с учетом взаимовлияния положительных и отрицательных факторов составляет основу прогнозирования течения реабилитационного процесса. Такие факторы, как личностные особенности пациента, уровень мотивации,

устойчивость к стрессу, эмоциональная стабильность, играют ключевую роль в адаптации к новым условиям жизни и восстановлении когнитивных и двигательных функций. Понимание того, как именно эти факторы влияют на результаты реабилитации, позволит разрабатывать более эффективные индивидуализированные программы психологической поддержки, что, в свою очередь, может значительно повысить эффективность восстановительного процесса. [14].

Современная практика реабилитации пациентов с ОНМК в значительной степени сосредоточена на нейропсихологических аспектах. Это включает восстановление когнитивных функций, таких как память, внимание, восприятие, а также коррекцию нарушений моторики и речи. Нейропсихологический подход направлен на восстановление конкретных функций, которые пострадали в результате инсульта, и зачастую фокусируется на структурном восстановлении мозга. [5]

Однако, согласно современным представлениям о

восстановлении нарушенных функций все чаще ученые обращают внимание на влияние личностных характеристик на процессе реабилитации, что диктует настоятельную необходимость интеграции психолого-педагогической поддержки в процесс комплексной реабилитации после инсульта. Это означает, что наряду с нейропсихологическим восстановлением, внимание должно быть уделено эмоциональному состоянию пациента, его внутренней мотивации, личностным особенностям, а также социальной адаптации [18].

Цель данной работы состоит в контент-анализе научной литературы, посвященной психологическим и педагогическим аспектам комплексной реабилитации пациентов после острого нарушения мозгового кровообращения, а также в анализе существующих подходов к индивидуализации реабилитационных программ с учетом психологических, социальных и культурных факторов, которые способствуют улучшению результатов восстановления.

Педагогические аспекты фокусируются на обучении пациента новым навыкам и восстановлении утраченных функций, таких как речь, память и когнитивные способности. Психологические же аспекты комплексной реабилитации после ОНМК включают работу с эмоциональным состоянием пациента, такими как тревожность, депрессия и стресс, а также поддержку в адаптации к новым условиям жизни. Оба аспекта помогают максимально использовать реабилитационный потенциал, направляя его на достижение функциональных улучшений и социальную адаптацию [8].

Реабилитационный потенциал — это совокупность факторов, определяющих возможности пациента для восстановления утраченных функций и возвращения к прежнему уровню жизни. Он определяется физическим состоянием, возрастом, уровнем социальной поддержки, уровнем образования, когнитивными способностями и т.д. А личностные качества — это устойчивые черты характера и особенности психики, которые определяют поведение человека, его отношение к себе и окружающим, а также способность адаптироваться к изменяющимся условиям жизни. Личностные качества и реабилитационный потенциал тесно связаны и взаимно дополняют друг друга, оказывая значительное влияние на успешность восстановления. По мнению Исаевой Е.Р., Мухитовой Ю.В., личностные качества могут усиливать или ослаблять реабилитационный потенциал. Понимание и учет личностных качеств пациента позволяют разработать более эффективную и индивидуализированную программу реабилитации, что в конечном итоге способствует улучшению результатов восстановления и повышению качества жизни пациента после ОНМК [12].

Универсальная система классификации, разрабо-

танная Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) для описания здоровья и его влияния на функциональное состояние человека играет ключевую роль в реабилитации, так как позволяет учитывать все аспекты здоровья человека, включая физическое состояние, психологическое и социальное благополучие. Она используется в том числе для оценки состояния пациентов после ОНМК (острых нарушений мозгового кровообращения), что особенно важно для построения комплексных реабилитационных программ. Анализ процесса реабилитации после острого нарушения мозгового кровообращения (ОНМК), основанный на принципах Международной классификации функционирования (МКФ), требует учета как биологических аспектов, так и психологических факторов, таких как мотивация, эмоциональное состояние, копинг-стратегии и социальная поддержка. Оба аспекта играют ключевую роль в восстановлении пациента, и их взаимосвязь может значительно повлиять на результат реабилитации.[11]

Исследования В.С. Образцовой, Т.В. Рогачевой и других исследователей фокусируются на роли психологических факторов, таких как тревожность и депрессия, в процессе реабилитации пациентов после острых нарушений мозгового кровообращения. Психологические факторы — это широкое понятие, включающее любые психологические элементы, которые могут оказывать влияние на состояние или поведение человека. Сюда могут входить как стабильные свойства личности, так и временные или ситуативные аспекты психики, такие как стресс, тревожность, эмоциональное состояние, мотивация в конкретный момент времени, а также различные внешние и внутренние влияния (например, социальная поддержка, обстоятельства жизни) [15].

Анализ этих исследований позволяет выделить несколько ключевых моментов, которые объясняют, почему эмоциональные нарушения могут существенно замедлять процесс восстановления. Например, тревожные состояния могут снижать концентрацию внимания, ухудшать память и затруднять восприятие новой информации. Депрессия, в свою очередь, часто приводит к снижению мотивации и интереса к окружающему миру, что влияет на активность пациента и его участие в реабилитационном процессе. Исследования также показывают, что наличие тревожности и депрессии у пациентов после инсульта является предиктором более медленного восстановления. Тревожные пациенты могут чрезмерно фокусироваться на своих недостатках и неудачах, что формирует негативное восприятие собственного состояния и уменьшает их уверенность в успешном восстановлении [15, 19].

По мнению Магомед-Эминова М.Ш., Орловой О.С., Уклонской Д.В., Хорошковой Ю.М. психическая травма, связанная с онкологическими заболеваниями, может

приводить к дистрессу и другим тяжелым психологическим состояниям, таким как страх смерти или боли, что замедляет реабилитацию. Однако авторы также отмечают, что при соответствующей смысловой работе над собой пациенты могут использовать это состояние как стимул для личностного роста и преодоления трудностей. В некоторых случаях пациенты демонстрируют посттравматический рост, что приводит к повышению их адаптивных способностей и стойкости. Таким образом, авторы указывают, что тревожность и травматические переживания могут быть как барьерами, так и ресурсами для реабилитации, в зависимости от того, как пациент справляется с этими состояниями [13].

Исследования Н.В. Бабкиной и А.М. Федосеевой акцентируют внимание на значимости управления эмоциональными состояниями, такими как тревожность и стресс. Авторы подчеркивают, что контроль и коррекция этих негативных эмоциональных состояний играют ключевую роль в поддержании позитивного настроения и уверенности в успехе. Тревожность и стресс являются распространенными эмоциональными реакциями, особенно в сложных жизненных ситуациях. Тревожность может привести к постоянному ожиданию неблагоприятных исходов и вызывает избегающее поведение. Стресс усиливает физическую и эмоциональную нагрузку на организм, что может привести к ухудшению общего состояния здоровья. Человек, который умеет справляться с тревожностью и стрессом, демонстрирует более оптимистичное восприятие своих возможностей и перспектив. Позитивное настроение, в свою очередь снижает вероятность рецидива эмоциональных нарушений. [24].

Исследования Чижовой В.М. и Кардаш О.И. подчеркивают, что раннее выявление и коррекция негативных эмоциональных состояний являются критически важными для предотвращения их разрушительного воздействия на процесс реабилитации. Если не уделять должного внимания психоэмоциональному состоянию пациента на ранних стадиях, тревожные и депрессивные настроения могут закрепиться, превращаясь в хронические состояния, которые существенно усложняют реабилитацию и ухудшают прогноз. Если тревожное состояние не будет вовремя распознано и скорректировано, оно может перерасти в депрессию, что снизит мотивацию пациента к участию в реабилитационных мероприятиях. В результате процесс восстановления замедляется, что приводит к ухудшению общего состояния пациента [25].

Аарон Т. Бек и Брэд А. Алфорд обсуждают различные подходы к лечению депрессии, включая когнитивно-поведенческую терапию, подчеркивая важность изменения когнитивных схем для эффективного лечения. Основной тезис их работы заключается в том, что депрессия во многом обусловлена и поддерживается негативными когни-

тивными схемами — устойчивыми и дезадаптивными паттернами мышления, которые влияют на восприятие человеком самого себя, окружающего мира и будущего. Бек и Алфорд подчеркивают, что эффективная работа с депрессией требует изменения этих когнитивных схем, что позволяет пациентам преодолеть негативные мысли и, в конечном итоге, улучшить эмоциональное состояние и качество жизни. Такой подход помогает пациентам переосмыслить свои жизненные ситуации и проблемы, что ведет к снижению уровня депрессии и улучшению общего психического здоровья [3].

Отечественные ученые акцентируют внимание на важности самовосприятия и отношения пациента к своей болезни, особенно в контексте реабилитации после острых нарушений мозгового кровообращения (ОНМК). Самовосприятие и отношение к болезни оказывают значительное влияние на мотивацию пациента и его готовность активно участвовать в реабилитационном процессе. Пациенты, которые воспринимают свою болезнь как временный вызов, который нужно преодолеть, а не как неизбежный приговор, демонстрируют более высокие показатели восстановления и обладают большим реабилитационным потенциалом. Когда пациент воспринимает свою болезнь как вызов, это способствует формированию у него активной жизненной позиции. Такие пациенты чаще всего настроены на борьбу и готовы использовать все доступные методы и ресурсы для восстановления. Это отношение позволяет пациентам оставаться мотивированными даже в самых трудных условиях, когда прогресс в реабилитации может быть медленным или незначительным [7].

По мнению Обуховской В.Б., Мещеряковой Э.И., многие пациенты сначала не могут осознать, что с ними произошло, и находятся в состоянии шока. Это может проявляться в отрицании серьезности состояния или в невозможности воспринять изменения в своем теле. Осознание серьезности ситуации часто приводит к развитию тревоги и страха. Некоторые пациенты могут винить себя за то, что произошло, даже если это не имеет объективных причин. Они могут считать, что могли бы предотвратить инсульт, изменив образ жизни. Со временем, многие пациенты начинают принимать свою ситуацию, что позволяет им лучше адаптироваться к новым условиям. На этом этапе важно поддерживать позитивный настрой и мотивацию к реабилитации. Важным аспектом психологической реакции является поиск новых целей и смыслов в жизни. Это помогает пациентам адаптироваться к изменениям и восстанавливать свои функции [20, 16].

На разных этапах реабилитации поведение пациентов может существенно изменяться, что отражает их эмоциональное состояние и уровень мотивации в процессе восстановления. Баранцевич Е.Р. подчеркивает,

что на начальных стадиях реабилитации пациенты часто демонстрируют низкую вовлеченность и пассивность, что связано с эмоциональным потрясением и чувством неопределенности, вызванными внезапным ухудшением здоровья. На этом этапе пациенты могут быть не готовы к активному участию в реабилитационных мероприятиях. На поздних стадиях реабилитации пациенты могут столкнуться с новыми вызовами, связанными с чувством усталости и разочарования. В таких ситуациях пациенты могут испытывать эмоциональное истощение и даже разочарование в реабилитации, что приводит к снижению их активности и интереса к продолжению восстановления. Для предотвращения подобного снижения мотивации важно адаптировать реабилитационную программу под изменяющиеся потребности пациента [4].

Исследования Шмонина А.А. и коллег подчеркивают важность учета индивидуальных особенностей пациента при разработке реабилитационного плана, с акцентом на мотивационные аспекты. Высокая мотивация способствует настойчивости пациентов в выполнении реабилитационных задач, что напрямую влияет на результаты лечения. Например, пациенты с высоким уровнем мотивации проявляют большую готовность к участию в сложных и трудоемких упражнениях, направленных на восстановление двигательных и когнитивных функций. Такие пациенты также активно интересуются своим прогрессом, запрашивая у врачей и терапевтов обратную связь и рекомендации по дальнейшему улучшению [27].

Уклонская Д.В. и Хорошкова Ю.М. подчеркивают, что высокий уровень мотивации способствует более активному участию пациентов в реабилитации, что напрямую связано с улучшением речевой функции и общим состоянием пациента. Высокая мотивация позволяет пациентам преодолевать трудности, связанные с длительными и часто изнурительными процессами восстановления. Например, пациенты с удаленной гортанью сталкиваются с вызовами, такими как потеря способности к нормальной речи и необходимость освоения новых способов коммуникации, включая использование речевых протезов или жестового языка. Исследования показывают, что пациенты с высокой мотивацией более активно включаются в реабилитацию, часто демонстрируя большую настойчивость в выполнении упражнений, даже если они кажутся сложными или не приносят немедленных результатов. Кроме того, высокая мотивация способствует улучшению общего состояния пациента, включая его психологическое самочувствие. Мотивированные пациенты охотнее принимают участие в реабилитационных мероприятиях, задают вопросы, обсуждают свои успехи и проблемы с врачами, что позволяет корректировать программу реабилитации в соответствии с их индивидуальными потребностями [23].

Исследования Ермаковой Н.Г. показывают, что па-

циенты, имеющие сильную социальную сеть, включая семью и друзей, чаще демонстрируют высокий уровень мотивации. Социальная поддержка помогает пациентам чувствовать себя менее изолированными и более уверенными в своих силах, что способствует улучшению результатов реабилитации. Например, пациенты, получающие регулярную эмоциональную и физическую поддержку от близких, более активно занимаются восстановлением утраченных функций, поскольку ощущают заботу и участие со стороны окружающих [10].

По мнению Шевцовой, Е.Е., Ковалевой, Г.А., Пряниковой, Н.И. и др, значительное внимание должно уделяться поддержке пациента со стороны его семьи и близких. Социальная изоляция и недостаток эмоциональной поддержки могут усилить чувство одиночества и безнадежности, что только усугубляет эмоциональные проблемы пациента. Напротив, активное участие семьи в реабилитационном процессе может значительно улучшить психоэмоциональное состояние пациента и повысить его мотивацию к восстановлению [26].

Ефимочкина, С.М., Безруков, В.Е., Гамирова, А.Н. и др. также считают, что социальная поддержка от семьи и друзей оказывает положительное влияние на поддержание мотивации и улучшение результатов восстановления, а индивидуальный подход к мотивационным аспектам реабилитации способствует повышению эффективности лечения. Внедрение инновационных методов, таких как геймификация, особенно у молодых пациентов, может эффективно поддерживать мотивацию и улучшать исходы реабилитации [9].

Зарубежные авторы также придерживаются схожей позиции. Руководство INCOG 2.0 Guidelines for Cognitive Rehabilitation Following Traumatic Brain Injury акцентирует внимание на критической важности индивидуализированного подхода в когнитивной реабилитации, опирающегося на новейшие достижения в нейронауках. Основная идея руководства заключается в том, что эффективная реабилитация должна быть адаптирована к уникальным потребностям каждого пациента, что требует персонализированных программ, разработанных с учетом специфических когнитивных дефицитов и особенностей восстановления после травмы головного мозга. Руководство представляет обновленные методы и алгоритмы, которые направлены на создание таких программ, подчеркивая, что эти подходы могут быть успешно применены не только для пациентов с черепно-мозговыми травмами, но и для тех, кто проходит реабилитацию после ОНМК. Это расширяет возможности использования этих методик в более широкой клинической практике, обеспечивая пациентам доступ к более эффективным и целенаправленным реабилитационным услугам [1].

Исследования Орловой О.С. и Уклонской Д.В., Б.С.

Братусь, Bandura, A. подтверждают необходимость индивидуального подхода к каждому пациенту, с учетом динамики его эмоционального состояния и мотивации. Восстановление нарушенных функций — это сложный и длительный процесс, который требует не только физических, но и эмоциональных усилий со стороны пациента. Поэтому ключом к успешной реабилитации является персонализированный подход, учитывающий уникальные потребности и особенности каждого пациента. На начальных этапах реабилитации важно учитывать эмоциональное состояние пациента, так как он может испытывать шок, страх и неуверенность в своих силах. Также важно учитывать, что эмоциональное состояние и мотивация пациента могут изменяться на разных этапах реабилитации. Например, в начале процесса пациент может быть мотивирован и полон решимости восстановить свои функции, но по мере продвижения реабилитации, особенно если прогресс идет медленнее, чем ожидалось, у него может возникнуть чувство разочарования и усталости. В таких случаях специалисты должны быть готовы адаптировать реабилитационную программу, предлагая новые методы и подходы, которые помогут поддержать интерес и мотивацию пациента. [2, 6, 17].

По мнению Сидорова П.И., Совершаевой Е.П. важно понимать, что каждый пациент уникален, и стандартные подходы к реабилитации могут не всегда быть эффективными. В этом контексте персонализированные программы, ориентированные на конкретные потребности и психологические особенности пациента, способны значительно улучшить результаты лечения и ускорить процесс восстановления. Например, пациенты с высоким уровнем тревожности могут требовать особого внимания и подходов, направленных на снижение их тревожного состояния. Это может включать в себя применение когнитивно-поведенческой терапии, направленной на изменение негативных мыслительных паттернов и формирование более адаптивных стратегий поведения. Тревожные пациенты могут также получить пользу от техник релаксации, таких как медитация или дыхательные упражнения, которые помогут им справляться со стрессом и поддерживать положительный настрой в процессе реабилитации [21].

Заключение

Анализ существующих исследований подтверждает, что психолого-педагогические аспекты играют важнейшую роль в реабилитации пациентов после острых нарушений мозгового кровообращения. Эмоциональные нарушения, такие как тревожность, депрессия и стресс, существенно замедляют процесс восстановления, снижая когнитивные функции и мотивацию к участию в реабилитационных программах. Эти состояния могут мешать пациентам эффективно усваивать новые навыки и снижать их интерес к активной работе над восста-

новлением. Исследования подчеркивают, что такие личностные черты, как устойчивость к стрессу и восприятие болезни определяют поведение пациента в процессе реабилитации. Положительное отношение к своей болезни и высокая внутренняя мотивация значительно увеличивают шансы на успешное восстановление. В этой связи важна роль психологической поддержки, направленной на повышение уверенности пациента в своих силах, снижение уровня тревожности и работу над преодолением депрессивных состояний.

Индивидуализированные программы психолого-педагогического сопровождения после ОНМК, учитывающие личностные и психологические особенности пациента, признаны ключевым фактором успеха. Они позволяют строить реабилитационные программы, ориентированные не только на физиологическое восстановление, но и на развитие когнитивных и социальных навыков.

Важным аспектом является вовлечение семьи и социального окружения пациента в процесс реабилитации. Сильные социальные связи не только способствуют повышению уровня мотивации пациента, но и оказывают значительное влияние на эмоциональное состояние, поддерживая его в трудные моменты реабилитационного процесса. Социальная поддержка является одним из важнейших факторов, способствующих успешному завершению реабилитации, так как пациенты с активной социальной поддержкой показывают лучшие результаты.

Однако, несмотря на успехи в изучении отдельных аспектов, существует острая необходимость в разработке комплексных моделей психолого-педагогического аспекта реабилитации, которые бы интегрировали психологическую и педагогическую помощь, встраивая ее в процесс реабилитации. На данный момент недостаточно изучены подходы, которые могли бы описывать адаптацию реабилитационных программ в зависимости от изменений в эмоциональном состоянии пациента на разных этапах восстановления. Это создает необходимость в дальнейших исследованиях, направленных на создание детализированных моделей, которые могли бы эффективно поддерживать пациентов на всех этапах реабилитации.

Таким образом, дальнейшие исследования должны сосредоточиться на разработке интегрированных тактик психолого-педагогического сопровождения пациентов с афазией после ОНМК, которые будут учитывать изменения эмоционального состояния пациента и позволят адаптировать реабилитационные программы на каждом этапе восстановления. Это позволит значительно повысить эффективность реабилитации и улучшить качество жизни пациентов, восстанавливающихся после ОНМК.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байли М.Т. и др. INCOG guidelines for cognitive rehabilitation following traumatic brain injury: methods and overview //The Journal of head trauma rehabilitation. – 2014. – Т. 29. – №. 4. – С. 290-306.
2. Бандура А. (1997). Self-Efficacy: The Exercise of Control. W.H. Freeman and Company.
3. Бек А.Т., Алфорд Б.А. Depression: Causes and treatment. – University of Pennsylvania Press, 2009.
4. Баранцевич Е.Р. и др. Современные возможности организации реабилитации пациентов после инсульта //Артериальная гипертензия. – 2015. – Т. 21. – №. 2. – С. 206-217.
5. Брагина Е.Л., Куташов В.А. Нейропсихологический подход к реабилитации пациентов, перенесших острое нарушение мозгового кровообращения // Молодой ученый. – 2015. – №. 20. – С. 115-117.
6. Братусь Б. Аномалии личности. Психологический подход. – Litres, 2019.
7. Демченко Т.В., Исаева Е.Р. Эмоциональная и ценностно-смысловая сферы, самовосприятие и отношение к своему будущему в условиях тяжелого соматического заболевания (на примере пациентов с ОНМК) //Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2021. – №. 5 (195). – С. 470-479.
8. Ефименко Н.В., Глухов А.Н., Кайсинова А.С. Актуальные вопросы медицинской реабилитации на курорте //Курортная медицина. – 2017. – №. 2. – С. 6-16.
9. Ефимочкина С.М., Безруков В.Е., Гамирова А.Н., Петелин Д.С., Волель Б.А. Терапия депрессии с применением технологий виртуальной реальности // Современная терапия психических расстройств. – 2023. – №. 3. – С. 41-49.
10. Ермакова Н.Г. Психологическая реабилитация больных с последствиями инсульта в условиях восстановительного лечения //Медицинская психология в России. – 2018. – №. 2. – С. 9-9.
11. Иванова Г.Е. и др. Использование МКФ и оценочных шкал в медицинской реабилитации //Вестник восстановительной медицины. – 2018. – №. 3 (85). – С. 14-20.
12. Исаева Е.Р., Мухитова Ю.В. Критерии оценки эффективности психосоциальной реабилитации: современное состояние проблемы //Социальная и клиническая психиатрия. – 2017. – Т. 27. – №. 1. – С. 83-90.
13. Магомед-Эминов М.Ш., Орлова О.С., Уклонская Д.В., Хорошкова Ю.М. Влияние тревожности на реабилитацию: Оптимизация методов //СПЕЦИАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ SPECIAL EDUCATION. – 2018. – Т. 2. – С. 50.
14. Мельникова Е.В., Буйлова Т.В., Бодрова Р.А., Шмонин А.А., Мальцева М.Н., Иванова Г.Е. Использование международной классификации функционирования (МКФ) в амбулаторной и стационарной медицинской реабилитации: инструкция для специалистов //Вестник восстановительной медицины. – 2017. – Т. 6 (82). – С. 1219-28.
15. Образцова В.С. и др. Психологические факторы реабилитационного потенциала при расстройствах эмоционального спектра у пациентов после ЧМТ (обзор литературы) //Вестник восстановительной медицины. – 2018. – №. 2 (84). – С. 111-115.
16. Обуховская В.Б., Мещерякова Э.И. Ресурсные и дефицитные характеристики внутренней картины болезни пациентов с неврологической патологией в контексте психологической безопасности //Психолог. – 2018. – №. 5. – С. 1-13.
17. Орлова О. и др. Оптимизация методов коррекционно-педагогического воздействия при нарушениях речи и глотания у лиц после хирургического лечения опухолей головы и шеи //Специальное образование. – 2017. – №. 3. – С. 122-130.
18. Пономаренко Г.Н. Научная платформа современной реабилитации //Реабилитация–XXI век: традиции и инновации/Глав. ред. д-р мед. наук, проф., ГН Пономаренко; ред. коллегия: д-р мед. наук ВП Шестаков, канд. мед. наук НН Лебедева, канд. биол. наук. – 2017. – С. 13.
19. Рогачева Т.В. Роль медицинского психолога в проведении реабилитационной диагностики //Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2017. – Т. 9. – №. 4. – С. 45.
20. Сапольски Р. Психология стресса. 3-е издание. – Питер, 2022.
21. Сидоров П.И., Совершаева Е.П. Синергетическая биопсихосоциодуховная концепция ментальной эпидемии ишемической болезни сердца //Экология человека. – 2015. – №. 9. – С. 27-37.
22. Уклонская Д.В. Восстановление речи при приобретенных анатомических дефектах и деформациях челюстно-лицевой области /– Litres, 2022.
23. Уклонская Д.В., Хорошкова Ю.М. Психологические особенности лиц с удаленной гортанью как фактор успешности реабилитации речевой функции // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – №. 3. – С. 353-353.
24. Федосеева А.М., Бабкина Н.В. Опосредствование переживаний как фактор саморегуляции подростков с задержкой психического развития //Психолого-педагогические исследования. – 2023. – Т. 15. – №. 3. – С. 67-79.
25. Чижова В.М., Кардаш О.И. Содержание реабилитационного потенциала постинсультных пациентов как основы ресоциализации //Социальные аспекты здоровья населения. – 2017. – Т. 53. – №. 1. – С. 6.
26. Шевцова Е.Е., Ковалева Г.А., Пряникова Н.И., Абрамова Е.И., Соловьева Н.Н., Широкова Н.В., Бирюлина Н.Ю. Прогнозирование эффективности логопедической нейрореабилитации пациентов с последствиями очаговых поражений головного мозга на основе учета их потенциальных социально-коммуникативных возможностей //Клиническая неврология. – 2017. – №. 3. – С. 27-32.
27. Шмонин А.А. и др. Базовые принципы медицинской реабилитации, реабилитационный диагноз в категориях МКФ и реабилитационный план //Вестник восстановительной медицины. – 2017. – №. 2. – С. 16-22.

© Земцева Наталья Владимировна (nataliznv@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ РИТМИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ НАВЫКОВ САМООРГАНИЗАЦИИ У ШКОЛЬНИКОВ

THE ROLE OF RHYTHMIC EDUCATION IN DEVELOPING SELF-ORGANIZATION SKILLS IN SCHOOLCHILDREN

G. Zinnatullina

Summary: The article is dedicated to investigating the role of rhythmic education in developing self-organization skills in schoolchildren. Based on the analysis of works by domestic and foreign authors, the relationship between the development of a sense of rhythm and the ability to self-organize is examined. The results of empirical studies demonstrating the positive impact of rhythmic education on various aspects of students' self-organization are presented. Methodological recommendations for integrating rhythmic education into the educational process to form self-organization skills in schoolchildren are proposed.

Keywords: rhythmic education, self-organization, schoolchildren, musical-rhythmic abilities, sense of rhythm, educational process, musical instruments, physical education, aesthetic education.

Зиннатуллина Гульнара Маратовна

Аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Gugi0386@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию роли ритмического воспитания в формировании навыков самоорганизации у школьников. На основе анализа работ отечественных и зарубежных авторов рассматривается взаимосвязь между развитием чувства ритма и способностью к самоорганизации. Представлены результаты эмпирических исследований, демонстрирующих положительное влияние ритмического воспитания на различные аспекты самоорганизации учащихся. Предложены методические рекомендации по интеграции ритмического воспитания в образовательный процесс с целью формирования навыков самоорганизации у школьников.

Ключевые слова: ритмическое воспитание, самоорганизация, школьники, музыкально-ритмические способности, чувство ритма, образовательный процесс, музыкальные инструменты, физическое воспитание, эстетическое воспитание.

Ритмическое воспитание играет ключевую роль в формировании навыков самоорганизации у школьников, являясь важным компонентом образовательного процесса. Образовательная среда играет ключевую роль в формировании личности ребенка. Грамотно выстроенный учебный процесс помогает детям адаптироваться к окружающему миру и найти свое место в нем. Регулярность занятий и четкий распорядок дня создают ощущение стабильности и безопасности, что крайне важно для полноценного развития. Современные образовательные стандарты уделяют особое внимание развитию самостоятельности и саморегуляции у учащихся, начиная с младшего школьного возраста. Именно в этот период формируются предпосылки для развития умений планирования, самоконтроля и самооценки, которые в совокупности составляют способность к самоорганизации личности. Ритм, являясь фундаментальным элементом музыки и природы человека, оказывает непосредственное влияние на формирование навыков самоорганизации. Через ритмическую организацию жизни и развитие чувства ритма у учащихся происходит естественное овладение различными видами деятельности, что отражается в их способности структурировать свое время и действия. Музыкально-ритмическое воспитание выступает эффективным инструментом в развитии самоорганизации школьников. Участие в различных видах музыкальной деятельности, особенно в движении под музыку, способствует формированию чувства ритма,

которое, в свою очередь, переносится на другие сферы жизни ребенка. Чувство ритма – важный навык для учеников. Оно помогает им лучше ориентироваться во времени и пространстве, что критично для самоорганизации. Развивая ритмические способности, дети учатся эффективно планировать дела, грамотно распределять ресурсы и время. Это напрямую влияет на их умение самостоятельно организовывать свою жизнь и учебу.

В современной педагогической науке вопросы самоорганизации учащихся и развития чувства ритма рассматриваются как важные аспекты формирования личности школьника. Е.К. Грубова и В.В. Климова (2022) [1] исследовали влияние развития чувства ритма на самоорганизацию личности учащегося, подчеркивая важность этой взаимосвязи в образовательном процессе. Е.А. Овечкина (2021) [4] и Е.Д. Черпалюк (2019) [11] рассматривали вопросы самоорганизации школьников разных возрастных групп. Их исследования показывают, что навыки самоорганизации формируются постепенно и требуют целенаправленного педагогического воздействия. А.А. Павлий (2021) [5] изучал особенности самоорганизации старшеклассников с разным уровнем успеваемости, что позволяет выявить связь между академическими достижениями и способностью к самоорганизации. Т.А. Челнокова (2024) [10] и У.В. Недельницына с Н.А. Опариной (2020) [3] фокусировались на формировании навыков самоорганизации у детей с особыми об-

разовательными потребностями и младших школьников соответственно. Их работы подчеркивают важность индивидуального подхода в развитии этих навыков. С.А. Менькова (2019) [2] исследовала формирование основ самоорганизации у учащихся начальной школы в контексте учебной деятельности, что особенно важно для понимания ранних этапов развития этих навыков.

Т.А. Цуркану (2019) [9] и А.Н. Ягодка (2024) [12] рассматривали развитие чувства ритма в контексте различных видов искусства и сценического движения, что указывает на междисциплинарный характер этого аспекта развития. Ю.А. Солодовникова (2021) [8] также изучала формирование навыков самоорганизации у младших школьников, акцентируя внимание на практических методах их развития. Таким образом, анализ литературы показывает, что существует устойчивый интерес к проблеме развития самоорганизации и чувства ритма у школьников. Исследователи рассматривают эти аспекты с различных точек зрения: возрастной психологии, педагогики, специального образования и искусства. Однако, несмотря на разнообразие подходов, прямая связь между ритмическим воспитанием и развитием навыков самоорганизации требует дальнейшего изучения и эмпирического подтверждения.

В начальной школе развитие чувства ритма становится особенно важным, являясь фундаментальным музыкальным навыком. Этот навык не только улучшает музыкальные способности, но и положительно влияет на личностное развитие ребенка, особенно в сфере самоорганизации. Учеба в этом возрасте играет ключевую роль в формировании характера и мышления. Она побуждает детей к самосовершенствованию и создает идеальную среду для развития навыков самостоятельности и самоконтроля, столь необходимых в дальнейшей жизни.

Учителя активно работают над развитием у детей навыков самостоятельной организации учебы. Они применяют особые методики, помогающие ученикам освоить эти важные умения. Такой подход позволяет восполнить пробелы и скорректировать процесс обучения самоорганизации у младших школьников. Использование специальных приемов делает этот процесс более эффективным и адаптированным к потребностям каждого ребенка.

Эффективное формирование навыков самоорганизации у младших школьников требует комплексного подхода. Он включает в себя развитие чувства ритма, использование музыкальных занятий, а также применение специальных педагогических методик. Такой подход позволяет не только улучшить музыкальные способности детей, но и способствует развитию их общих навыков самоорганизации и саморегуляции. Развитие чувства ритма у младших школьников может осуществляться

через различные виды деятельности: музыкальные занятия, ритмические игры, танцевальные упражнения. Эти активности помогают детям лучше понимать и чувствовать ритм, что в свою очередь положительно влияет на их способность организовывать свою деятельность в других сферах жизни.

Исследование Сорокиной Н.И. и Азимовой Т. раскрывает важность развития чувства ритма у младших школьников. Авторы отмечают, что ФГОС второго поколения включает навыки пластического интонирования и музыкально-ритмических движений в число ключевых компетенций. Работа опирается на методики Э. Жак-Далькроза, Р. Штейнера и К. Орфа, подчеркивающие связь между музыкальным ритмом и движением. Эмпирическое исследование во 2 классе школы № 26 г. Благовещенска показало высокий уровень развития чувства ритма у 61% детей, тогда как у 38% этот навык развит недостаточно. Авторы предлагают комплекс упражнений для развития музыкально-ритмических способностей, включая работу над чувством темпа, ритма и согласованием движений с музыкой.

Ритмические упражнения выходят за рамки чисто музыкального образования. Они также эффективно развивают навыки самоорганизации у учеников. Исследователи подчеркивают важность включения ритмического воспитания в школьную программу. Такой подход не только улучшает организационные способности детей, но и положительно влияет на их общую успеваемость. Интеграция ритмических занятий в учебный процесс может стать ключом к формированию более организованных и успешных учеников.

Работа Т.Т. Ротерс вносит значимый вклад в понимание связи между физическим и эстетическим развитием детей через ритмическое воспитание. Это исследование раскрывает, как ритмические занятия влияют на формирование навыков самоорганизации у школьников. Автор подчеркивает, что развитие чувства ритма создает оптимальные условия для духовно-физического развития личности школьника. Это согласуется с идеей о том, что ритмическое воспитание может способствовать формированию навыков самоорганизации. Ротерс выдвигает гипотезу, что целенаправленное воспитание чувства ритма, пространства, времени и точности мышечных усилий способствует успешному взаимодействию физического и эстетического воспитания. Эти компоненты тесно связаны с навыками самоорганизации, такими как планирование, самоконтроль и коррекция действий. Результаты исследования показали, что школьники экспериментальных групп демонстрировали более высокий уровень выразительности движений и чувства музыки. Это указывает на то, что развитие ритмических способностей может положительно влиять на общие навыки самоорганизации. Автор отмечает корреляцию между

повышением чувства ритма и улучшением показателей чувства времени, точности мышечных усилий и чувства пространства. Эти аспекты напрямую связаны с способностью к самоорганизации и эффективному управлению своими действиями [7].

Исследование Потаповой Е.Е. подтверждает важность интеграции ритмического воспитания в образовательный процесс для формирования не только физических и эстетических качеств, но и навыков самоорганизации у школьников. Предложенные Потаповой методы помогают детям развивать внимание, концентрацию, координацию движений и способность следовать заданному темпу и ритму, что является ключевыми компонентами самоорганизации. Автор разработала методические рекомендации, основанные на систематической работе по освоению навыков игры и активном вовлечении детей в процесс. В своей работе Потапова представляет ряд игровых методик для развития чувства ритма у детей. Среди них - «Ритмическое эхо», разучивание ритмических миниатюр, «Музыкальные загадки» и «Ритмическая декламация». Эти игры нацелены на улучшение восприятия и воспроизведения ритмических паттернов. Особое внимание уделяется обучению игре на детских музыкальных инструментах. По мнению автора, это не только развивает ритмические навыки, но и создает основу для дальнейшего музыкального образования, помогая детям понять связь музыки с повседневной жизнью.

В рамках методических рекомендаций мы предлагаем интегрировать ритмическое воспитание в образовательный процесс путем систематического включения ритмических упражнений на уроках музыки и физкультуры. Рекомендуется использовать музыкально-ритмические игры и детские музыкальные инструменты для развития чувства ритма, координации и самоконтроля. На уроках литературы и языка эффективным может быть применение ритмической декламации. Важно организовывать групповые ритмические активности для улучшения навыков взаимодействия. Ритмические упраж-

нения также предлагается использовать для развития концентрации внимания и самодисциплины. Интеграция ритмических элементов в физические упражнения способствует развитию координации. Применение ритмических техник рекомендуется для обучения планированию и тайм-менеджменту. Создание междисциплинарных проектов, объединяющих музыку, движение и другие предметы через ритмическое воспитание, может стать эффективным инструментом формирования навыков самоорганизации у школьников.

Проведенное исследование убедительно доказывает важность ритмического воспитания для развития навыков самоорганизации у учащихся. Изучение трудов разных авторов и анализ практических экспериментов показывают, что систематическая работа над чувством ритма значительно улучшает ключевые аспекты самоорганизации.

Исследования Сорокиной Н.И., Азимовой Т., Ротерс Т.Т. и Потаповой Е.Е. демонстрируют эффективность различных методик ритмического воспитания, включая музыкально-ритмические движения, игру на детских музыкальных инструментах и интеграцию физического и эстетического воспитания. Эти подходы не только развивают музыкальные способности, но и оказывают положительное влияние на общую способность к самоорганизации. Результаты исследований указывают на необходимость системного подхода к ритмическому воспитанию в образовательном процессе. Интеграция ритмических упражнений, музыкальных игр и других форм ритмического воспитания в различные предметные области может способствовать комплексному развитию навыков самоорганизации у школьников. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку более детальных методических рекомендаций по внедрению ритмического воспитания в образовательный процесс, а также на изучение долгосрочных эффектов такого подхода на академические достижения и личностное развитие учащихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грубова, Е.К. Влияние развития чувства ритма на самоорганизацию личности учащегося / Е.К. Грубова, В.В. Климова // Мир детства в современном образовательном пространстве: Сборник статей студентов, магистрантов, аспирантов / Редколлегия: Е.Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2022. – С. 328-330.
2. Менькова, С.А. Формирование основ самоорганизации у обучающихся начальной школы в учебной деятельности / С.А. Менькова // Научный поиск: первые шаги: материалы 73-го смотра студенческих научно-исследовательских работ отделения педагогического, социального и специального образования, Иркутск, 25 марта – 05 2019 года. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2019. – С. 76-80.
3. Недельнищина, У.В. Формирование навыков самоорганизации у детей младшего школьного возраста / У.В. Недельнищина, Н.А. Опарина // Среднее профессиональное образование. – 2020. – № 1(293). – С. 55-58.
4. Овечкина, Е.А. К вопросу о самоорганизации младших школьников / Е.А. Овечкина // Социальная психология: вопросы теории и практики: Материалы VI Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева, Москва, 12–13 мая 2021 года. – Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2021. – С. 425-427.
5. Павлий, А.А. Особенности самоорганизации старшеклассников с разным уровнем успеваемости / А.А. Павлий // Сибирские юридические студенческие

- чтения: Материалы XVIII международной научной конференции студентов, Омск, 15 мая 2020 года / Отв. редактор Д.Т. Караманукян. – Омск: Частное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский юридический университет», 2021. – С. 144-148.
6. Потапова, Е.Е. Развитие чувства ритма у первоклассников в процессе игры на детских музыкальных инструментах на уроке музыки / Е.Е. Потапова // Культура и искусство севера: взгляд молодых: Сборник докладов I Всероссийской научно-практической конференции студентов и аспирантов, Сыктывкар, 08–09 апреля 2022 года / Отв. редактор Н.А. Волокитина. – Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, 2022. – С. 64-69. – DOI 10.34130/9785876617323_64. – EDN HMSUZY.
 7. Ротерс, Т.Т. Взаимодействие физического и эстетического воспитания через развитие ритма у школьников / Т.Т. Ротерс // Профессионализм педагога: сущность, содержание, перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции: в 2 частях, Москва, 16–17 марта 2017 года / Международная академия наук педагогического образования. Том Часть 2. – Москва: Некоммерческое партнерство «Международная академия наук педагогического образования», 2017. – С. 394-400. – EDN ZSEWVT.
 8. Солодовникова, Ю.А. Формирование навыков самоорганизации у детей младшего школьного возраста / Ю.А. Солодовникова // XIV Кирилло-Мефодиевские чтения. Человек в пространстве православной культуры: Межвузовский сборник научно-методических статей, Ишим, 25 мая 2021 года. – Ишим: Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета, 2021. – С. 52-57.
 9. Цуркану, Т.А. Развития чувства ритма в декоративно прикладном искусстве у учащихся основной школы / Т.А. Цуркану // Мой профессиональный старт: сборник статей по материалам VI Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Нижний Новгород, 28 марта 2019 года / Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. – Нижний Новгород: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», 2019. – С. 225-226.
 10. Челнокова, Т.А. Формирование навыков самоорганизации у обучающихся с задержкой психологического развития / Т.А. Челнокова // Гуманитарные науки (г.Ялта). – 2024. – № 2(66). – С. 87-91.
 11. Черпалюк, Е.Д. Принципы самоорганизации старших школьников / Е.Д. Черпалюк // Педагогическая и гуманитарная сферы: история и современность: материалы всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Шадринск, 10–11 апреля 2019 года / Шадринский государственный педагогический университет; ответственный редактор Ю.А. Шуплецова. – Шадринск: Шадринский государственный педагогический университет, 2019. – С. 235-237.
 12. Ягодка, А.Н. Воспитание ритмичности в процессе освоения предмета «Основы сценического движения» / А.Н. Ягодка // Проблемы театральной педагогики. Традиции и новации школы З.Я. Корогодского: материалы XIX Межвузовской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 01 апреля 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, 2024. – С. 68-72.

© Зиннатуллина Гульнара Маратовна (Gugi0386@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЗАИКАЮЩИХСЯ КАК ОСНОВА ПСИХОКОРРЕКЦИИ

Калягин Виктор Александрович

доктор медицинских наук, профессор, профессор,
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена
calijgin.v@mail.ru

Овчинникова Татьяна Сергеевна

доктор педагогических наук, доцент, Ленинградский
государственный университет им. А.С. Пушкина
ots58@inbox.ru

ANALYSIS OF THE BEHAVIOR OF STUTTERERS AS THE BASIS OF PSYCHOCORRECTION

**V. Kalyagin
T. Ovchinnikova**

Summary: This publication presents the results of the analysis of the communicative behavior of adult stutterers. The study involved 50 adult stutterers, whose communication was assessed using the following psychodiagnostic methods: the R. Erikson scale, the G. Eysenck personality questionnaire, the test for assessing the tactics of adaptive behavior, and the method for assessing the total deviation from the autonorm. The results showed that the tactics of adaptive behavior are variable, but not specific for stutterers, but knowledge about them is useful in the process of correction and training successful communication and adequate behavior in a stressful situation.

Keywords: stuttering, speech, communication, behavior, behavioral style, behavioral tactics.

Аннотация: В настоящей публикации представлены результаты анализа коммуникативного поведения взрослых заикающихся. В исследовании участвовало 50 взрослых заикающихся, коммуникация которых оценивалась с помощью следующих психодиагностических методик: шкалы R. Erikson, личностного опросника Г. Айзенка, теста оценки тактик адаптивного поведения, методики оценки суммарного отклонения от аутономии. Результаты показали, что тактики адаптивного поведения вариативны, но не специфичны для заикающихся, но знания о них полезны в процессе коррекции и обучения успешной коммуникации и адекватному поведению в ситуации стресса.

Ключевые слова: заикание, речь, коммуникация, поведение, стиль поведения, тактики поведения.

Настоящая работа посвящена психическим проблемам заикания, поскольку многофакторность и динамический характер этого расстройства речи порождает вопросы, которые остаются без ответов многие годы [14]. Основной проблемой является понимание природы заикания, его механизмов, без чего невозможно создавать и совершенствовать эффективные методы коррекции.

Теоретической основой авторского подхода, является концепция внутренней или субъективной картины болезни (дефекта) (ВКБ), основы которой были заложены Р.А. Лурия [6], впоследствии благодаря усилиям его последователей приобретшая строгую структуру и пересмысленная как программа выработки саногенного поведения [4].

Согласно определению, данному Р.А. Лурия, это «все то, что испытывает и переживает больной, вся масса его ощущений ... его общее самочувствие, самонаблюдение, его представления о своей болезни, о ее причинах ... – весь тот огромный мир больного, который состоит из весьма сложных сочетаний восприятия и ощущения, эмоций, аффектов, конфликтов, психических переживаний и травм» [7, стр. 26]. Выделяют факторы, формирующие ВКБ — личность, сама болезнь, окружающая социальная среда, из которых первый является решающим. ВКБ является механизмом психической адаптации

субъекта, работа которого направлена на преодоление болезни или адаптацию к внешней среде при наличии болезни, если излечение невозможно.

Внутренняя картина дефекта (ВКД) — механизм психической адаптации, проявляющийся осознанно или бессознательно, в ответ на возникновение дефекта, в частности речевого. Важнейшим компонентом ВКД является тревожный комплекс, который представляет собой, с одной стороны, проявление неудовлетворенности своей речью как средством достижения различных жизненных ценностей, с другой стороны – является фактором, регулирующим и направляющим поведение субъекта. Адаптация и удовлетворенность субъекта в процессе взаимодействий может быть достигнута путем непосредственной модификации актуального поведения, что и является целью психокоррекции (психотерапии).

В организации помощи лицам с заиканием, независимо от возраста, необходимо учитывать все компоненты ВКД, преобразование которых позволит достигнуть необходимого уровня актуального адаптивного поведения и заблокировать триггеры патогенных паттернов.

Триггерами заикания чаще всего служат субъективная, индивидуально проявляющаяся, неудовлетворенность и неразрешимость проблем поведения, которые

вызывают психоэмоциональное напряжение и ведут к дезадаптивному поведению и нарастанию количества запинок в речи.

Характер проявляемых человеком эмоций позволяет судить о достижении или недостижении желаемого результата. Положительное реагирование закрепляется как стимул к дальнейшему применению подобных поведенческих паттернов, а отрицательные – как стимул их избегания [1, 11]. Эмоции непосредственно оценивают значимость действующих на него объектов или событий, выполняют отражательно-оценочную, побуждающую, подкрепляющую, переключательную и коммуникативную функции.

Отрицательные и положительные эмоции могут действовать содружественно, первые, способствуя формированию мотивации, принятию решения и программы действия, вторые, оценивая успешность или неуспешность его завершения [9].

Экспериментально доказано, что, если цель не достигается и потребность не удовлетворяется, то возникает отрицательная эмоциональная реакция и возрастает степень напряженности, преодоление которой осуществляется по одному из двух стереотипов: активному (избегание – нападение) или пассивному (замирание – оборона). Как только ситуация успешно разрешается и возникает ее *понимание*, ориентировочная реакция, сосредоточение и отрицательное реагирование сменяется положительной эмоциональной реакцией [5].

В силу недостаточной личностной зрелости дошкольников об психических особенностях судят преимущественно по поведению. Под влиянием ряда факторов личностного становления, прежде всего конституциональных (темперамента, как формально-динамических черт личности), а также социальных (воспитания, образования, опыта семейных отношений) у каждого человека закрепляется устойчивый стиль поведения. Преобладание какой-либо из тактик определяет субъективный способ реагирования на фрустрирующие условия и поведение в эмоционально-значимой ситуации. Так, например, преобладание:

- преобразовательной тактики – всегда стимулируют поведение, направленное на изменение ситуации в желательном направлении;
- исследовательской – на изучение ситуации и выбор действия с учетом её понимания;
- нормативно-устойчивой – поведение, детерминированное нормативными правилами, стремление сохранить привычное поведение, ранее приводившее к успеху;
- контролирующая – субъективное рефлексивное поведение, избегание и уход от проблемной ситуации и поиск успешного поведения.

В работе психолога (психотерапевта) сведения о стиле поведения – основа развернутой и разнообразной психологической помощи. Знания об индивидуальных особенностях поведения субъектов позволят избежать травмирующих ситуаций, научить адаптивному поведению в состоянии дистресса или фрустрации, построить адекватные взаимоотношения с окружающими.

Цель настоящего исследования заключалась в изучении коммуникативного поведения заикающихся.

Обследованию с помощью батареи психодиагностических методик было подвергнуто 50 заикающихся (25 мужчин и 25 женщин) в возрасте 17-27 лет. У всех заикающихся отмечалась высокая степень заикания, которое в большинстве случаев началось в раннем детском возрасте в результате переживания какой-либо психотравмирующей ситуации («испуга»).

В основу исследования были положены представления, сформулированные В.М. Шкловским, о том, что учение о заикании является одной из проблем патопсихологии и дефектологии и вместе с тем областью психоневрологии, медицинской психологии [13], а в настоящий момент также коррекционной педагогики и специальной психологии. Как уже было отмечено, работа строилась с учетом теоретических положений, выработанных в рамках концепции внутренней картины дефекта, развиваемой в отечественной науке [2, 4, 5, 8, 12].

Основное внимание было сосредоточено на оценке внутренней картины дефекта в клинической картине заикания (табл. 1.).

Результаты оценки заикающимися своей коммуникабельности с помощью опросника В. Ф. Ряховского [10]. В четверти случаев заикающиеся адекватно оценивают свою коммуникабельность на 14-18 баллов. Шестнадцать человек оценили свою коммуникабельность на 9 – 13 баллов, отметив, что в основном проблемы взаимодействия с окружающими обусловлены их индивидуальными чертами характера: вспыльчивостью, неумением слушать при том, что имеют достаточно широкий круг общения. У этой категории обследуемых выявлена корреляция показателей коммуникабельности с экстраверсией и преобладанием преобразовательной тактики в структуре стиля поведения.

У четырех человек, получивших 19 – 24 балла обнаружена корреляция с контролирующей тактикой и интроверсией.

Детальную оценку меры фиксации на своем речевом дефекте позволила произвести модифицированная шкала R. Erickson [15], которая обладает прогностическим потенциалом для психотерапии. Шкала была

Методика исследования ВКД заикающихся

Оценка коммуникабельности	Методика В.Ф. Ряховского направлена на интегральную оценку коммуникабельности в широком диапазоне от максимально неуспешной до максимально успешной
Отношение заикающимися к коммуникативным навыкам обеспечиваемых с помощью речи;	Для оценки собственно коммуникативных проблем заикающихся применялись тест «Оценка речевой тревоги» (шкала R. Erickson).
Эмоциональное реагирование и оценка факторов, провоцирующих увеличение количества запинок;	Методика Г. Айзенка позволяет подтвердить или отвергнуть наличие этих конфликтов. Подтверждением наличия конфликта служат высокие показатели нейротизма и интроверсии.
Анализ собственных эмоциональных состояний и способах реагирования, усиливающих проявления заикания.	Методика «Оценка суммарного отклонения от аутономии» позволила определить степень неосознаваемого нервно-психического напряжения в ситуации сеансов психологического воздействия.
Поведенческие паттерны адаптивного поведения и способы выхода из травмирующих эмоционально-значимых ситуаций.	Тест оценки тактик адаптивного поведения, позволил на основании знаний индивидуальных стилей поведения и сопровождающих их эмоций предположить возможность наличия у заикающегося конфликтных коммуникативных зон.

адаптирована В.А. Калягиным и Л.Н. Мацько [3] и дополнена на основании результатов факторного анализа субшкалы: 1) качество речи; 2) тревога при общении; 3) общая уверенность.

Анализ результатов позволил установить достаточно высокую степень неудовлетворенности качеством речи с умеренной фиксацией на ее дефекте.

Оценка личностной дезадаптации была произведена на основании показателя нейротизма, который составил 13+5,3 балла для всей обследуемой группы, что позволяет говорить о незначительной тенденции к его повышению у заикающихся. Однако его вариативность достаточно велика, что обусловлено личностными характеристиками реципиентов, в частности, их способам реагирования в эмоционально-значимой ситуации и степени напряжения. Этот показатель коррелирует с контролирующей тактикой поведения, высоким показателям которой соответствуют повышенная тревожность, мнительность, нерешительность ($p < 0,01$).

Колебания показателя интроверсии менее выражены, чем нейротизма (от 1 до 17 баллов), и средний показатель составляет 8+2,1 баллов, что свидетельствует о некотором преобладании в обследованной группе «экстравертов», то есть преобладание среди заикающихся лиц с выраженной исследовательской и преобразовательной тактиками поведения, которые не способствуют накоплению отрицательных переживаний.

Удалось установить, что между выраженностью контролирующей тактики поведения и суммарным показателем выраженности нейротизма и интроверсии имеется тесная прямая связь (коэффициент корреляции равен $r = 0,75$ (для мужчин $r = 0,62$, для женщин $r = 0,76$). Полу-

ченные результаты подтверждают обусловленность стиля адаптивного поведения взрослых заикающихся и особенностей проявлений их психической дезадаптации.

Степень неосознаваемого психоэмоционального напряжения в процессе речевого общения была оценена с помощью показателя суммарного отклонения от аутономии (состояния абсолютного покоя), характеризующего степень эмоционального дискомфорта по шкале в диапазоне от 0-32 баллов, где 32 – соответствует максимальному напряжению. Установлено, что в 32% случаев для заикающихся характерен диапазон 8 – 12 баллов, что свидетельствует об их нормальном физическом состоянии, достаточно комфортном самочувствии, но вместе с тем сниженной активности и астенизации всех волевых компонентов.

В 16% случаев диапазон суммарного отклонения от аутономии составил 20 – 28 баллов, что свидетельствует о состоянии физического дискомфорта, утомлении и нежелании участвовать в коррекционных процессах и преобразовании своего поведения.

Критический диапазон суммарного отклонения 28-32 балла имелся в 4% случаев, что свидетельствует о состоянии клинической степени психоэмоционального напряжения, купирование которого возможно только при тщательном анализе личностных проблем, обусловленных не только нарушением речевой коммуникации.

У 10% заикающихся суммарный показатель отклонения от аутономии находился в диапазоне 12 – 20 баллов, что является статистической нормой и свидетельствует о психофизическом благополучии, оптимизме и активности в преодолении каких-либо трудностей.

Результаты оценки индивидуальных тактик адап-

тивного поведения взрослых заикающихся свидетельствуют о том, что они весьма вариативны по выраженности отдельных из них и по соотношению между собой. Необходимо отметить, что прямая связь между тяжестью дефекта и тактиками поведения отсутствует. Вместе с тем эти тактики имеют существенное значение при выборе партнера общения и сказываются на качестве, в том числе речевой коммуникации между субъектами. На основании знаний эмоциональных характеристик, связанных со стилем поведения, удалось объединить заикающихся в три группы для дальнейшей дифференцированной психокоррекционной работы.

Для первой группы, состоявшей из семи человек, была характерна преобразовательная тактика поведения. Повышенное внимание к самому себе, фиксация на своих желаниях и проблемах, плохая ориентация в окружающей действительности становятся основой дезадаптации, приводят к выраженному аффективному поведению, ситуативной тревоге, экстрапунитивному реагированию на фрустрацию. Отсутствие рефлексивного анализа, рассогласование действительного и вымышленного усиливают тревогу, заикание возникает в ситуациях высокой эмоциональной напряженности. Психокоррекция этой группы заключается в обучении контроле эмоций и умению применять навыки «замедления речи», «вокализированной речи», «послоговой речи в координации с рукой» в эмоциональных ситуациях (дискуссия, спор, конфликт).

Для второй группы (из шести человек) свойственно преобладание нормативной тактики. Для них характерно преобладание сосредоточенности на раз и навсегда выработанных представлениях и ценностях. Они склонны к резонерству, негибки в отношениях с другими людьми, консервативны, весьма высоко ценят самостоятельность, чрезмерно ответственны. Триггером за-

икания являются ситуации быстрого принятия решения, неожиданного изменения окружающей обстановки. Сверхценные интересы, невроз навязчивых состояний определяют потребности в игровых методах психотерапии, таких как трансакционный анализ, психодрама и другие деловые игры.

В третьей группе (из пяти человек) преобладает контролирующая тактика стиля поведения. Именно эти люди отличаются высокой сензитивностью, неуверенностью в себе, своей речи. Для них характерна реакция избегания в любой проблемной ситуации и при взаимодействии с новыми людьми. На фоне общей неуверенности у них высокая судорожная готовность, которая запускается во всех ситуациях экспансии окружающих в личное пространство субъекта.

Сензитивная психотерапия (арттерапия, музыкотерапия, библиотерапия, кинотерапия) аутотренинг, обучение рефлексии и навыкам самовыражения позволяют снять внутренние психологические зажимы, повышают самооценку и снимают фиксацию на дефекте.

Заключение

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют говорить о том, что заикающиеся обладают разнообразными тактиками адаптивного поведения, которые не являются специфичными для лиц с этим речевым нарушением. Вместе с тем, выделенные тактики позволяют сформулировать триггеры заикания, которые специфичны для той или иной тактики и, на основе этой информации проектировать дифференцированные программы психокоррекционной (психотерапевтической) работы, способствующие блокированию патогенных факторов и формированию новых паттернов адаптивного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. – СПб: Питер, 2001. – 752 с.
2. Калягин В.А. Внутренняя картина болезни при расстройствах речи и ее роль в психодиагностике и психотерапии // Калягин В.А., Кузьмин Ю.И., Скляр О.П. Психофизиология речи в норме и при патологии: монография / В.А. Калягин, Ю.И. Кузьмин, О.П. Скляр. – СПб.: Полифорум, 2018. – С. 176-430.
3. Калягин В.А., Мацько Л.Н. Типологические и личностные характеристики взрослых заикающихся / В.А. Калягин, Л.Н. Мацько // Заикание. Экспериментальные исследования и методы реабилитации. – М., 1986. – С. 24 - 32.
4. Калягин В.А., Овчинникова Т.С. Внутренняя картина дефекта и дидактогении обучающихся с ограниченными возможностями здоровья / В.А. Калягин, Т.С. Овчинникова // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – СПб., 2020. – № 198. – С. 115-122.
5. Кузнецова Т.Г., Овчинникова Т.С., Родина Е.А. Потребности, эмоции, и поведение ребенка. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. – 96 с.
6. Лурия Р.А. Внутренняя картина болезней и иатрогенные заболевания / Р.А. Лурия. – М.-Л.: Биомедгиз, 1935. – 96 с.
7. Лурия Р.А. Внутренняя картина болезней и иатрогенные заболевания. Издание третье, значительно дополненное. 3 изд. – М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1944. – 83 с.
8. Николаева В.В. Влияние хронической болезни на психику. Психологическое исследование / В.В. Николаева. – М.: Издательство Московского университета, 1987. – 168 с.
9. Ноздрачев А.Д., Чернышева М.П. Висцеральные рефлекс: Учеб. пособие / А.Д. Ноздрачев, М.П. Чернышева; Под ред. А.С. Батуева; ЛГУ. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 164 с.

10. Ряховский В.Ф. Коммуникабельны ли вы? // ЭКО, 1981. – № 10. – С. 216-218.
11. Симонов П.В. Эмоциональный мозг: Физиология. Нейрофизиология. Психология эмоций. — М.: Наука, 1981. — 214 с.
12. Ташлыков В.А. Внутренняя картина болезни и ее значение для психологической диагностики при неврозах / В.А. Ташлыков // Журнал невропатологии и психиатрии. – 1989. – № 11. – С. 22 - 26.
13. Шкловский В.М. Заикание: Монография / В.М. Шкловский. – М.: ICE, 1994. – 248 с.
14. Bloodstein O., Ratner N.B., Brundage S.B. A Handbook on Stuttering, Seventh Edition. – Plural Publishing, Inc., 2021. – 581 p.
15. Silverman E.-M. Communication attitudes of women who stutter // Journal of Speech and Hearing Disorders. – 1980. Vol. 45. Number 4. – P. 533-539.

© Калягин Виктор Александрович (calijgin.v@mail.ru), Овчинникова Татьяна Сергеевна (ots58@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ПОВЕДЕНИЯ ЗАИКАЮЩИХСЯ ШКОЛЬНИКОВ И ВЗРОСЛЫХ КАК ФАКТОР УСПЕШНОСТИ ИХ КОММУНИКАЦИИ

Калягин Виктор Александрович

доктор медицинских наук, профессор, профессор,
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена, (г. Санкт-Петербург)
calijgin.v@mail.ru

Овчинникова Татьяна Сергеевна

доктор педагогических наук, доцент, Ленинградский
государственный университет им. А.С. Пушкина,
(г. Санкт-Петербург)
ots58@inbox.ru

INDIVIDUAL BEHAVIOR STYLE OF STUTTERING SCHOOLCHILDREN AND ADULTS AS A FACTOR IN THE SUCCESS OF THEIR COMMUNICATION

**V. Kalyagin
T. Ovchinnikova**

Summary: The article defines the significance of the subject's behavioral features in the occurrence and course of stuttering. The purpose of the study was to determine the factor of communication success for stutterers with different individual behavioral styles. The article presents an analysis of stutterers' preferences when choosing communication partners; information on the correspondence of general and speech manifestations of an individual behavioral style in one and the same subject. The scientific novelty lies in the fact that for the first time the role of an individual behavioral style in a complex symptom complex of stuttering as a factor in the formation of successful communication of stutterers has been described. As a result, it was possible to establish that an individual behavioral style is not a factor of stuttering and does not determine its severity, at the same time it is universal for speech and non-speech behavior, and the similarity of individual behavioral styles of communication partners contributes to its success.

Keywords: individual style of behavior, speech, stuttering, stuttering schoolchildren, stuttering adults, non-stuttering schoolchildren and adults, sociometry, communication.

Аннотация: В статье определено значение особенностей поведения субъекта в возникновении и протекании заикания. Цель исследования заключалась в определении фактора успешности коммуникации для лиц с заиканием с различными индивидуальными стилями поведения. В статье представлен анализ предпочтений заикающихся при выборе партнеров общения; сведения о соответствии общих и речевых проявлений индивидуального стиля поведения у одного и того же субъекта. Научная новизна заключается в том, что впервые описана роль индивидуального стиля поведения в сложном симптомокомплексе заикания как фактора формирования успешной коммуникации заикающихся. В результате удалось установить, что индивидуальный стиль поведения не является фактором заикания и не определяет его тяжесть, вместе с тем он является универсальным для речевого и неречевого поведения, а сходство индивидуальных стилей поведения партнеров общения способствует его успешности.

Ключевые слова: индивидуальный стиль поведения, речь, заикание, заикающиеся школьники, заикающиеся взрослые, незаикающиеся школьники и взрослые, социометрия, коммуникация.

Введение

Центральная концепция логопсихологии «Внутренняя картина дефекта» [9] восходит к концепции Р.А. Лурия «Внутренняя картина болезни» [14], которая традиционно рассматривает субъективное отношение заикающегося к своему дефекту. В качестве проблемы, решаемой в настоящей публикации, выступает пересмотр внутренней картины дефекта (заикания) как значимого фактора саногенного поведения заикающегося [8, 11, 19, 22] по аналогии с биологическим адаптационным синдромом, описанным Г. Селье [14]. Необходимость и своевременность изучения механизмов формирования программы поведения, направленной на преодоление заикания обусловлена отсутствием подобных исследований.

Цель исследования заключалась в определении ин-

дивидуальных стилей поведения в сложном симптомо-
комплексе заикания.

Для достижения этой цели решались следующие задачи:

1. установить является ли индивидуальный стиль поведения фактором заикания;
2. определить наличие или отсутствие связи между стилем поведения и тяжестью заикания;
3. оценить связь экспрессивной речи заикающихся с характеристиками их поведения;
4. выяснить роль поведения в межперсональном взаимодействии как условие успешной речевой коммуникации.

Методологической основой исследования послужили:

— теория бихевиоральной (поведенческой) психологии Skinner B.F.;

- деятельностная концепция личности Леонтьева А.Н. [9]
- концепция внутренней картины болезни, предложенная в 1939 г. Р.А. Лурия, а затем получившая развитие в исследованиях, посвященных речевым нарушениям (Хавин А.Б. [15], Калягин В.А., [4,5]).
- ведущие психологические концепции, представленные в логопсихологии – нейропсихологическую, восходящую к работам Л.С. Выготского [16], А.Р. Лурия [10] и личностную, основы которой закладывались Г.Д. Неткачевым [13], Р.А. Лурия [11].

Методы исследования

Для решения указанных задач в процессе исследования были применены следующие методики: методика оценки индивидуального стиля поведения (Калягин В.А., Овчинникова Т.С., [6]), шкала Р. Эриксона (Калягин В.А., [5]), личностный опросник Г. Айзенка, методика социометрии Я.Л. Морено [12].

Практическая значимость результатов исследования заключалась в обосновании применения поведенческих методов психологической помощи заикающимся на основании анализа индивидуального стиля их поведения.

Обсуждение и результаты

Основная часть исследований была проведена на базе Санкт-Петербургского НИИ уха, горла, носа и речи в 2018-2022 гг. Участники исследования были разделены на четыре группы, отличавшиеся отсутствием или наличием заикания и возрастом. I-я и II-я группы состояли соответственно из 100 незаикающихся 7-14 лет и 300 незаикающихся 15-24 лет, III-я и IV-я группы состояли соответственно из 85 заикающихся 7-14 лет и 225 заикающихся 15-24 лет.

При выборе методики для оценки индивидуального стиля поведения мы исходили из представлений П.Б. Ганнушкина о том, что в разные периоды жизни под влиянием различных причин поведение человека может меняться в соответствии со сложившимися обстоятельствами [2]. В настоящей работе мы будем рассматривать индивидуальный стиль поведения (ИСП) как набор необходимых и достаточных базовых тактик поведения, сущность каждой из которых сводится к решению одной из четырех задач: преобразовательной, исследовательской, нормативной устойчивости и контролирующей.

В качестве основы для оценки ИСП был использован список вопросов, опубликованных А.Г. Беловым в 1971 году [1], который содержит по 20 утверждений, характеризующих одну из четырех, описанных выше, тактик поведения. Оценка выраженности той или иной тактики поведения определяется суммой согласий с утверждениями из соответствующего списка. По мере использо-

вания методики на протяжении нескольких лет нами были расширены и уточнены сведения о её психометрических характеристиках. Была подтверждена её валидность, определение которой проводилось с помощью психологической верификации, для чего производилось сравнение характеристик поведения детей и взрослых, получаемой с помощью диагностического опросника, с характеристикой, даваемой им опытными профессиональными педагогами, членами семьи, товарищами и коллегами по работе в результате наблюдения реального поведения дома, в школе, на работе. Надежность методики подтверждается результатами ретестирования, проводившегося на промежутке времени от нескольких месяцев до нескольких лет.

При решении первой задачи о том, является ли ИСП фактором возникновения заикания, оказалось, что по этому вопросу отсутствует единодушие у разных исследователей. Например, некоторые авторы, опираясь на коммуникативно-эмоциональную модель заикания, связывают с ИСП лингвистическую незрелость ребенка. Противоречивые данные получены о способности заикающихся к концентрации внимания как характеристики ИСП. Одни исследователи находят у них повышенную отвлекаемость, другие пониженную.

Результаты проведенного нами исследования показали, что все тактики поведения участниками всех четырех групп в среднем оцениваются в 10 баллов (Табл.). Незначительные различия между отдельными показателями внутри каждой группы по результатам статистической оценки с помощью критерия Стьюдента оказались недостоверными ($t=0,07$). Сравнение соответствующих возрастных групп незаикающихся и заикающихся также не выявило достоверных отличий ($t=0,06$), что не позволяет считать стиль поведения предрасполагающим к заиканию фактором. (Таб. 1.)

В соответствии со второй задачей необходимо было определить наличие или отсутствие связи между ИСП и тяжестью заикания. Для объективной оценки тяжести речевого дефекта заикающимся предлагалось прочитать стандартный текст, состоявший из ста слогов. Для младшей группы это была басня Л.Н. Толстого «Галка и голуби», для старшей – отрывок из «Записок охотника» И.С. Тургенева. Первоначально оценка осуществлялась по двум показателям – количеству слогов с запинками и времени чтения текста, но в силу высокой корреляции между ними в дальнейшем для оценки тяжести заикания использовался только темп речи. Указанный показатель полностью соответствовал клинической оценке выраженности заикания – средней или высокой, но позволял дифференцировать их более детально. Проведенный анализ также показал отсутствие корреляции между тяжестью заикания и выраженностью показателей ИСП.

Таблица 1.

Выраженность отдельных тактик поведения среди незаикающихся и заикающихся.

	Характеристики тактик поведения			
	П	И	Н	К
	$\bar{X} \pm \delta$	$\bar{X} \pm \delta$	$\bar{X} \pm \delta$	$\bar{X} \pm \delta$
Незаикающиеся 7-14 лет	9,9±3,5	10,2±3,5	9,9±3,2	9,3±3,5
Незаикающиеся 15-24 лет	10,3±3,5	10,4±3,3	9,8±3,9	9,6±3,7
Заикающиеся 7-14 лет	9,7±3,4	9,8±3,2	10,8±3,5	9,1±3,8
Заикающиеся 15-24 лет	9,8±3,7	10,3±3,5	10,0±3,6	9,9±4,0

Примечание:

П – преобразовательная;

И- исследовательская;

Н – нормативно-устойчивая;

К- контролирующая.

Третья задача заключалась в оценке связи экспрессивной речи заикающихся с характеристиками их поведения. В различных исследованиях неоднократно подчеркивалось участие коммуникативного поведения в речевом процессе. Например, согласно мнению В.Д. Небылицина речь в силу того, что поддается объективному наблюдению, позволяет судить о поведении её носителя. В работах лингвистов отмечается ведущая роль индивидуальных особенностей поведения в стиле речи, определяющем успешность её реализации. Результаты проведенного корреляционного анализа показали, что тактикам поведения всех групп заикающихся и незаикающихся соответствуют характеристикам их речи ($p < 0,01$), описанным Н.И. Красногорским [7]. Важным является то, что ярко выраженный устойчивый стиль речевого поведения снижает её пластичность в отношении меняющихся коммуникативных ситуаций.

Четвертой задачей было определение роли поведения в межперсональном взаимодействии как условие успешной речевой коммуникации. На значение ИСП в организации речевой деятельности и при оценке такого важного фактора речевой коммуникации, как психическая совместимость партнеров общения, указывает ряд авторов Н.И. Красногорский [7], В.Н. Куница [8], Л.Я. Гозман [3]. Для многих заикающихся сама необходимость разговора с другим человеком является трудной и в значительной мере зависит от того, с кем он общается, что часто проявляется в избирательной социофобии.

С целью оценки влияния ИСП на коммуникативные качества заикающихся, необходимые для осуществления персонифицированной коррекционно-логопедической помощи, в том числе при групповых формах её организации, была проведена методика социометрии Я.Л. Морено [16]. В результате выявлялась отчётливая структура отношений с лидером и изгоем для каждой ситуации. Для обсуждаемой темы важны факторы, способствующие предпочтению в выборе партнера для об-

щения. Значимыми оказались возраст и качество речи. Младшие члены группы чаще выбирали старших и с более хорошей речью. Эти результаты подтверждали наблюдение реальных взаимоотношений в группе.

При оценке совместимости мы исходили из того, что при выборе партнера общения наибольшее значение имеет сходство, способствующее сближению и пониманию людьми друг друга. Было произведено попарное сравнение членов группы. Производилось сравнение несовпадения самооценок поведения сравниваемых пар заикающихся. В результате суммирования меры несходства отдельных пар членов каждой коррекционной группы высчитывался средний показатель несходства. Он оказался одинаковым для всех групп и составлял $15,2 \pm 5,1$ балла, но колебался в значительном диапазоне от 6 до 23 баллов у отдельных пар заикающихся. Средняя величина различий отдельных ИСП у каждого заикающегося составила $7,7 \pm 3,0$ балла, а отдельные их показатели различались от 2 до 14 баллов, то есть при меньших абсолютных значениях по сравнению с различиями между заикающимися дисперсия этого показателя была выше. Этот результат позволил предположить большее значение для обеспечения успешной коммуникации стиля поведения или имеющегося у каждого человека устойчивого сочетания тактик поведения.

Далее было установлено, что при статистически достоверно равной представленности в выборке данных четырех тактик поведения, представленность их комбинаций, образующих стили поведения, существенно различаются по частоте встречаемости от 0,01% до 24,6%. Такое распределение оказалось одинаковым для незаикающихся и для заикающихся независимо от возраста. Отметим, что этот результат ещё раз подчёркивает, что ИСП не является предрасполагающим к заиканию фактором, так как и по стилям поведения заикающиеся не отличаются от незаикающихся. При сопоставлении с результатами социометрии с учетом доли представленности в выборке заикающихся каждого стиля поведения

к числу выбираемых для общения преимущественно относятся лица с преобразовательно-исследовательским и реже с преобразовательно-устойчивым стилями поведения, а к отвергаемым – лица с устойчиво-исследовательским и устойчиво-контролирующим типами поведения.

Индивидуальные беседы с заикающимися после проведения исследования показали, что большее значение для комфортного взаимодействия имело сходство ИСП по сравнению с социальным статусом по данным социометрии. На качество коммуникации с конкретными партнерами наряду со стилем поведения, как отмечалось выше, влияли возраст и тяжесть заикания, но суммарный эффект их действия требует дальнейшего изучения.

Стоит отметить, что ИСП проявляется в речевом поведении и одновременно в организации взаимодействия субъектов общения. Большинство исследователей подчеркивает, что в силу стабильности черт ИСП они не поддаются или по крайней мере плохо поддаются изменениям, поэтому в процессе общения необходимо знать и правильно использовать их. При этом необходимо знать не только свой ИСП, но и ИСП партнера.

Для уточнения вопроса об умении распознавать ИСП партнера заикающимся и незаикающимся предлагалось с помощью опросника оценить собственный ИСП и ИСП какого-либо партнера общения из его родственников, близких друзей или членов лечебно-коррекционной группы, а также сделать это выбранному партнеру общения. Дополнительно для такой же взаимооценки предлагался личностный опросник Г. Айзенка. Полученные результаты оказались одинаковыми для заикающихся и незаикающихся обеих возрастных групп, поэтому рассмотрим общие их итоги. Было установлено, что партнеры общения независимо от наличия или отсутствия у них дефекта речи и степени этого дефекта достаточно адекватно оценивают ИСП друг друга и выраженность нейротизма и интроверсии, что подтверждает отсутствие достоверных различий по критерию Стьюдента ($p < 0,01$). Но, несмотря на в среднем правильную оценку ИСП, части участников эксперимента, заикающихся и незаикающихся, не удается избежать конфликтов, потенциал которых содержится в их стиле поведения. Например, некоторые из них слишком категоричны в своих суждениях и плохо воспринимают мнение другого человека, другие, наоборот, проявляют чрезмерную конформность легко принимая любое мнение. Но ни те, ни другие не связывают трудности своего общения с ИСП. Знание об ИСП позволяет понять механизм такого поведения и предложить меры по его нивелированию.

Обращают на себя внимание некоторые характерные ошибки, допускаемые при оценке ИСП другого человека. В отношении заикающихся они выражаются в незначительном завышении всех характеристик, кроме склонности к контролю, а в группе незаикающихся тенденция заключается в недооценке нейротизма. По-видимому,

это связано с тем, что в отличие от дихотомии «экстраверсия – интроверсия» для правильной оценки переживаний недостаточно внешних их признаков.

Использование тандема методик А.Г. Белова и Г. Айзенка показало свою эффективность в силу того, что первая позволяет оценить возможность проблем общения, и, следовательно, ухудшения речи, характерных для каждого стиля поведения, а вторая указывает на наличие или отсутствие этих проблем. Наличие проблем подтверждает высокий уровень нейротизма и при невозможности их преодоления нарастающая интроверсия. Знание этих показателей позволяет планировать коррекционные мероприятия. Показатели нейротизма высоко коррелируют с тревогой и, следовательно, при их повышении ориентируют на активное применение, например, аутогенной тренировки, а в ряде случаев и медикаментозной помощи. Высокие показатели интроверсии часто сопровождаются выраженной социофобией, которая может носить избирательный характер, например, при общении с какими-то конкретными людьми – учителем, отцом, товарищем. В этом случае необходима индивидуальная психотерапевтическая работа.

В успешном протекании общения, как фактора нормализации речи заикающегося, большое значение имеет адекватное ситуации использование ИСП. Представляется, что распространенное, в том числе среди психологов, мнение об отсутствии «плохих» типов поведения связано не с безразличием их в отношении решаемых нами задач, а в том, что, особенно, будучи ярко выраженным, каждый стиль поведения адекватен только какому-либо определенному типу ситуаций. Но в другой ситуации он оказывается неэффективным. Поэтому каждый стиль поведения как комбинация четырех тактик поведения обладает конфликтным потенциалом, который может быть нивелирован сознательным регулированием его проявлений, в том числе в процессе речевой коммуникации.

При оценке стилей поведения, определяемых комбинацией количественных показателей его тактик, были получены следующие результаты. Незаикающиеся только в 43,4 % случаев правильно оценивают стиль поведения заикающихся и ошибаются в 56,6 % случаев, а заикающиеся правильно оценивают стиль поведения незаикающихся в 60,4 % случаев и ошибаются в 39,6 % случаев. То есть заикающиеся более правильно оценивают ИСП незаикающихся чем незаикающиеся оценивают ИСП заикающихся, что, по-видимому, связано с своеобразной маскировкой его заиканием. Следует отметить, что особо значимые для развития ребенка, в том числе его речевого развития, взаимоотношения с матерью [26] в значительной мере зависят и от понимания ими ИСП друг друга.

Заключение

Таким образом, цель исследования достигнута, а поставленные задачи решены. Прежде всего удалось установить, что ИСП не является фактором заикания, заикающиеся школьники и взрослые имеют одинаковые свойства ИСП с их незаикающимися сверстниками. Также не было выявлено корреляции между тяжестью заикания и выраженностью показателей ИСП. При оценке связи экспрессивной речи или речевого поведения заикающихся с характеристиками их неречевого поведения удалось установить их идентичность и выраженный индивидуальный характер, что позволяет их отнести к потенциально конфликтогенным факторам, которые должны быть учтены в работе над нарушенными темпо-ритмическими характеристиками речи заикающихся. Не будучи фактором заикания, ИСП влияет на уже возникшее заикание, так как от него зависит качество межперсональной коммуникации. При решении четвертой задачи о роли поведения в межперсональном взаимодействии как условия успешной речевой коммуникации удалось установить, что комфортной коммуникации, не вызывающей ухудшения речи, способствует сходство ИСП партнеров общения наряду с возрастом участников коммуникации и тяжестью их заикания. Эти результаты соответствуют значимости сходства общающихся субъектов, отмечаемой учеными, специально изучавшими условия эффективной межличностной коммуникации. Обращает на себя внимание тот

факт, что наличие сходного речевого дефекта у обоих участников коммуникации не способствует улучшению их коммуникации, а в некоторых случаях препятствует ей.

Важным условием успешной коммуникации является правильное понимание ИСП партнера общения и своего собственного, которое позволяет оптимизировать процесс общения. Удалось установить, что заикающиеся в среднем адекватно оценивают свой и чужой ИСП, но у некоторых из них этого не происходит и только восполнение недостатка знаний об ИСП в некоторых случаях помогает улучшить качество их коммуникации. Но более сложной является ситуация, когда при правильной оценке ИСП все же не удается наладить успешную коммуникацию. Из этого следует, что умение распознавать ИСП участников межперсонального взаимодействия является необходимым, но недостаточным условием его улучшения. Для этого необходима специально организованная психокоррекционная помощь, которая должна осуществляться в тесном взаимодействии с логопедом.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в разработке методических рекомендаций по организации психокоррекционной помощи заикающимся с учетом полученных результатов, позволяющих рассматривать внутреннюю картину дефекта как фактор формирования саногенного поведения, заикающегося с учетом всех её компонентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов А.Г. Формула темперамента / А.Г. Белов // Знание – сила, 1971. – № 9. – С. 54.
2. Ганнушкин П.Б. Избранные труды / П.Б. Ганнушкин. – М.: Терра: Книжный клуб Книговек, 2013. – 430 с.
3. Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений / Л.Я. Гозман. – М.: Изд. МГУ, 1987. – 176 с.
4. Калягин В.А., Овчинникова Т.С. Внутренняя картина дефекта и дидактогении обучающихся с ограниченными возможностями здоровья / В.А. Калягин, Т.С. Овчинникова // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. – СПб., 2020. – N 198. – С. 115-122.
5. Калягин В.А. Внутренняя картина болезни при расстройствах речи и ее роль в психодиагностике и психотерапии // Калягин В.А., Кузьмин Ю.И., Скляров О.П. Психофизиология речи в норме и при патологии: монография / В.А. Калягин, Ю.И. Кузьмин, О.П. Скляров. – СПб.: Полифорум, 2018. – С. 176-430.
6. Калягин В.А., Овчинникова Т.С. Методика выявления особенностей поведения дошкольников с речевыми нарушениями: Учебно-методическое пособие к практикуму по курсу «Логопсихология». – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2004. – 35 с.
7. Красногорский Н.И. Высшая нервная деятельность ребёнка / Н.И. Красногорский. – Л.: Медгиз, 1958. – 320 с.
8. Куница В.Н. Стиль общения и его формирование / В.Н. Куница. – Л.: Ленингр. орг. о-ва «Знание» РСФСР, 1985. – 20 с.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
10. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. — М., 1973.
11. Лурия Р.А. Внутренняя картина болезней и иатрогенные заболевания / Р.А. Лурия. Издание третье, значительно дополненное. – М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1944. – 83 с.
12. Морено Я.Л. Кто останется в живых? Основы социометрии, групповой психотерапии и социодрамы / Я.Л. Морено. – СПб.: Питер, 2023. – 448 с.
13. Неткачев Г.Д. Заикание. Его сущность, причины, происхождение, предупреждение и лечение в детском возрасте и у взрослых. Новый психологический метод лечения / Г.Д. Неткачев. – М.: тип. Вильде, 1909. – 267 с.
14. Селье Г. Стресс без дистресса. – М.: Прогресс, 1982. – 128 с.
15. Хавин А.В. Отношение к своему дефекту индивида и его окружения на модели заикания. – Автореф. дисс. канд. мед. наук. – Л., 1974.
16. Ярошевский М.Г. Л.С. Выготский: в поисках новой психологии. – СПб.: Международный фонд истории науки, 1993. – 301 с.

© Калягин Виктор Александрович (calijgin.v@mail.ru), Овчинникова Татьяна Сергеевна (ots58@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У СТУДЕНТОВ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В УСЛОВИЯХ ЗАТЯЖНОГО СТРЕССА

Лабезная Лариса Петровна

к.психол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Луганский
государственный педагогический университет»,
psy_assistance@mail.ru

ANALYSIS OF COPING STRATEGIES AMONG STUDENTS OF THE LUHANSK PEOPLE'S REPUBLIC UNDER PROLONGED STRESS

L. Labeznaya

Summary: The article provides a psychological analysis of the use of coping strategies by students during their studies at the university in conditions of prolonged stress of the Luhansk People's Republic. The features of the use of coping strategies by students, depending on the course of study, are revealed. The necessity of further development and implementation of integrated socio-psychological programs aimed at preserving and activating compensatory, protective and regulatory mechanisms that ensure stress resistance, efficiency and comprehensive harmonious development of the personality of students under constant stress is substantiated.

Keywords: student youth, students, respondents, psychological protection, coping strategies, coping behavior, coping resources, coping mechanisms.

Аннотация: В статье проведен психологический анализ применения копинг-стратегий студентами в период обучения в вузе в условиях затяжного стресса Луганской Народной Республики. Раскрыты особенности использования копинг-стратегий студенческой молодежью в зависимости от курса обучения. Обоснована необходимость дальнейшей разработки и реализации интегрированных социально-психологических программ, направленных на сохранение и активизацию компенсаторных, защитных и регуляторных механизмов, обеспечивающих стрессоустойчивость, работоспособность и всестороннее гармоничное развитие личности студентов, находящихся в условиях постоянного стресса.

Ключевые слова: студенческая молодежь, студенты, респонденты, психологическая защита, копинг-стратегии, копинг-поведение, копинг-ресурсы, копинг-механизмы.

Введение

В настоящий момент особый интерес вызывает исследование копинг-стратегий поведения у студентов педагогического вуза, находящихся в условиях затяжного стресса в связи с непрекращающимися уже более 10 лет военными событиями на Донбассе. Военные действия на Донбассе по сути являются социально-психологической катастрофой, испытывающей на прочность психоэмоциональное состояние людей, проживающих на этой территории и находящихся в экстремальных ситуациях (угроза для жизни, потеря близких, дома, имущества и т.д.). Сегодня проблема изучения механизмов психологической защиты у студенческой молодежи Луганской Народной Республики обозначена особенно остро и обусловлена напряженной обстановкой, связанной с непрекращающимися обстрелами территории ЛНР, а также с растущими требованиями со стороны государства к личности студента и его участию в учебном и воспитательном процессе вуза.

Учебная деятельность студентов первых курсов связана с адаптацией к новым образовательным условиям, как правило, сопровождается психоэмоциональной напряженностью и социальной активностью и характеризуется высокой стрессогенностью [1]. Понятно, что

студент, систематически находящийся в стрессовом состоянии, не может полноценно выполнять свои учебные обязанности.

Постоянное воздействие различных стрессоров на психоэмоциональное состояние студентов в период обучения в вузе значительно влияет на такую интегральную характеристику, как стрессоустойчивость личности. Уровень стрессоустойчивости у молодежи влияет на поиск, сбережение и рациональное использование собственных резервов организма, преодолевающего негативные последствия стрессовых ситуаций, которые возникают в учебной деятельности и повседневной студенческой жизни [2].

Основные ресурсы стрессоустойчивости личности в различных проблемных ситуациях – это характер и пути преодоления стрессов, то есть стратегии и модели совладающего поведения или копинг-стратегии [6].

Исследование зависимости между курсом обучения и выраженностью использования той или иной копинг-стратегии у студентов ЛНР во время обучения в вузе, находящихся в постоянных стрессовых условиях, поможет по-новому взглянуть на проблему вовлеченности студентов в образовательный процесс, раскрыть

закономерности и механизмы развития совладающего поведения в условиях учебной деятельности, а также тщательно подойти к сохранению психологического и соматического здоровья студентов.

Литературный обзор

Доказано, что психологическое приспособление человека к условиям окружающей среды осуществляется, главным образом, с помощью двух процессов: психологической защиты и копинг-поведения [4].

Определено, что люди реагируют на стрессовую ситуацию двумя способами: 1) выбирают копинг-стратегии (способы совладания) сознательно и 2) применяют механизмы психологической защиты автоматически. Так, копинг-поведение человек использует осознанно, меняя его в зависимости от проблемы, а механизмы психологической защиты он использует неосознанно, и в случае их закрепления эти механизмы становятся дезадаптивными [5].

Фундаментальные исследования копинга в зарубежной психологии представлены в трудах таких ученых, как: Д. Амирхан, Р. Лазарус, Л. Мерфи, С. Фолкман, Н. Сирота и др.

В настоящее время наибольшую популярность получила «теория копинга» Р. Лазаруса. Р. Лазарус определяет психологическую защиту как пассивное копинг-поведение. Копинг-поведение реализуется на основе копинг-ресурсов (адаптационных резервов личности, осуществляющих оптимальное приспособление человека к стрессовым факторам) и копинг-стратегий (средства для решения проблемных ситуаций) [4].

Современные исследователи достаточно глубоко изучили проблему копинг-поведения и предлагают рассматривать его в следующих направлениях: поведение личности в кризисных ситуациях (Л.П. Виноградова, А.В. Либина, И.Г. Малкина-Пых), социальные и личностные детерминанты выбора копинг-стратегий (Л.И. Деметий, Т.Л. Крюкова) и воздействие особенностей профессиональной деятельности на поведение личности (Н.Ю. Волянюк, Т.А. Данилова, А.Н. Ежова, Л.Н. Карамушка, Л.А. Колесниченко, Г.В. Ложкин, В.Л. Малыгин, Н.В. Родина).

Так, Р. Лазарус в своей книге «Психологический стресс и процесс совладания с ним» делает вывод о том, что копинг – это динамический процесс, объединяющий личность и среду, неразрывно взаимосвязанных и взаимовлияющих друг на друга [4]. «Позже понятие «копинг» расширилось и стало включать в себя реакцию организма человека на ежедневные стрессовые ситуации. Сохранение копинга при этом объединяет когнитивные,

эмоциональные и поведенческие стратегии» [8, с.42].

Таким образом, совладающее поведение или копинг – это поведение человека, направленное на приспособление к стрессовым обстоятельствам и предполагающее приложение определенных усилий для преодоления проблемных ситуаций, вызывающих эмоциональный стресс.

Единой классификации копинг-стратегий не существует. Но, по мнению Р. Лазаруса и С. Фолкман, существуют два основных вида копинга: проблемно-ориентированный и эмоционально-ориентированный. Проблемно-ориентированный копинг направлен скорее на изменение самой проблемной ситуации, а эмоционально-ориентированный – направлен на стабилизацию эмоционального состояния субъекта, вызванного стрессовой ситуацией, а точнее ее оценкой [2; 10].

Многие авторы классифицируют стратегии копинга на активные и пассивные [4; 7]. Активный копинг – это усилия индивида, сосредоточенные на переосмыслении или изменении сущности самого стресса. Так, применение активных копинг-стратегий поведения в разрешении проблемных ситуаций и относительно высокая стрессоустойчивость способствуют улучшению психологического состояния личности, а использование пассивных стратегий (например, избегание решения проблемы и т.д.), приводит к ощущению эмоционального дискомфорта и ухудшению самочувствия человека. Копинг «избегание» приводит человека к истощению психических и физических ресурсов, изоляции, переутомлению, алкоголизму, возникновению тревоги, апатии, депрессии, которые отдаляют его от непосредственного разрешения проблемных ситуаций.

Современные исследования по изучению копинг-стратегий доказывают, что предпочтение активных справляющихся стратегий, как поведенческих, так и эмоциональных – является лучшим способом взаимодействия со стрессовыми событиями. Предпочтение избегающих стратегий – психологический фактор риска для возникновения у человека неблагоприятных ответов на стрессовые события жизни [9].

Активный копинг «планирование решения» является базовой копинг-стратегией. Он объединяет различные формы поведения человека, направленные на реализацию разрешения проблемы или преодоления стрессовой ситуации. Копинг «поиск социальной поддержки» также относится к группе активных стратегий и направлен на получение социальной поддержки и помощи от близкого окружения личности. Стратегию «избегания» относят к пассивным, хотя иногда, эта стратегия поведения может иметь и активную направленность.

Таким образом, можно подытожить, что базовые ко-

пинг-стратегии – «планирование решения», «поиск социальной поддержки» являются активными и имеют следующие особенности: «планирование решения» – это активная стратегия поведения, при которой, индивид активизирует личностные резервы для эффективного решения проблемной ситуации; «поиск социальной поддержки» – это активная стратегия поведения, при которой, человеку для разрешения негативных ситуаций приходится обращаться за помощью и поддержкой к близкому окружению – семье и друзьям.

Стратегия «избегание» – это стратегия поведения, при которой, человек лишает себя контактов с окружающей действительностью, полностью вытесняя и отрицая любое решение существующей проблемы. К способам избегания проблем относятся: уход в болезнь, алкоголизм, наркоманию, использование психоактивных веществ (ПАВ) и даже суицид. Применение этого копинга индивидом объясняется низким уровнем сформированности его личностных копинг-ресурсов и навыков своевременного решения жизненных проблем и ситуаций. Копинг «избегание» может иметь адекватный или неадекватный характер в зависимости от конкретной проблемы или ситуации, возраста и состояния личностных ресурсов человека.

Доказано, что наибольшего эффекта можно добиться, если использовать все три стратегии поведения для преодоления проблемных стрессовых ситуаций. Иногда человек может самостоятельно найти решение и выход из затруднительной ситуации, в другом случае – он может воспользоваться поддержкой и одобрением близких ему людей, а в третьей ситуации – он может воздержаться от взаимодействия с проблемой, заранее оценив негативные последствия этого взаимодействия [5].

Цель статьи – определить преобладающие копинг-стратегии у студентов в зависимости от курса обучения в вузе в условиях затяжного стресса Луганской Народной Республики.

В рамках научно-исследовательской работы «Формирование личности студентов в условиях затяжного стресса и ПТСР» кафедры дефектологии и психологической коррекции Луганского государственного педагогического университета в марте-апреле 2024 года было проведено эмпирическое исследование среди студентов логопедов и дефектологов 1–6 курсов.

Одним из направлений эксперимента являлось определение преобладающих по степени выраженности копинг-стратегий у студенческой молодежи в период образовательного взаимодействия в условиях затяжного стресса Луганской Народной Республики.

Методы исследования

Исследование проводилось с помощью наблюдения и методики «Копинг-тест Лазаруса (Способы совладающего поведения, WCQ)», адаптированной Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой. В ходе эксперимента были получены следующие результаты.

Результаты исследования и их обсуждение

Под копинг-стратегиями мы будем понимать способы управления стрессовыми факторами, которые использует студенческая молодежь, реагируя на возникающие проблемы и трудности в реальной жизни и учебной деятельности. Можно предположить, что существует взаимосвязь между теми личностными конструктами, с помощью которых студенческая молодежь формирует свое отношение к жизненным трудностям, и тем, какую стратегию поведения во время стресса она выбирает.

В связи с обозначенными выше актуальными проблемами исследования, нами был проведен анализ копинг-стратегий, которые предпочитают использовать студенты в период обучения в вузе в условиях затяжного стресса, объединив всех респондентов при этом по курсу обучения в три группы.

В исследовании приняло участие 123 студента 1–6 курсов от 17 до 24 лет направления «Логопедия» и «Специальная психология». Все респонденты были женского пола. Студенты в зависимости от курса обучения были распределены на три сравнительные группы: 1–2 курс (1-я группа, 49 чел.), 3–4 курс (2-я группа, 63 чел.) и 5–6 курс (3-я группа, 11 чел.).

Итак, мы получили следующие результаты. Выраженное использование стратегии «дистанцирование» в различных стрессовых ситуациях было выявлено у респондентов 1 и 2 групп. Это можно объяснить тем, что студенты 1–4 курсов чаще всего пользуются некоторыми интеллектуальными приемами: рационализацией, переключением внимания, а иногда сублимацией, юмором, обесцениванием и т.п.) для снижения значимости проблемы. Использование этого копинг-механизма имеет скорее характер пассивной адаптации, поскольку не происходит конструктивного решения проблемы. Обращение к этому копинг-механизму способствует нарушению процесса адаптации студенческой молодежи к условиям образовательного взаимодействия. Безусловно, «дистанцирование» частично помогает личности сэкономить свои эмоциональные и интеллектуальные ресурсы, и преодоление негативных переживаний в связи с проблемой происходит за счет субъективного снижения ее значимости и степени эмоциональной вовлеченности в нее. Выраженное использование этого копинга респондентами этих групп можно объяснить,

прежде всего, приобретенным опытом реагирования в студенческой среде на различные стрессовые ситуации. Установлено, что в возрастном диапазоне от 17 до 22 лет «дистанцирование» выходит на ведущие позиции, обеспечивая, таким образом, пассивную адаптацию к социуму и сохранение психического ресурса личности самого студента.

Респонденты 3 группы показали иной результат: они наиболее часто прибегают к использованию стратегии «планирование решения проблемы». Это можно объяснить тем, что студенты 5 и 6 курсов имеют уже значительный опыт в учебной деятельности, общении и самостоятельной жизни по сравнению со студентами 1–4 курсов. Они преодолевают проблемы за счет целенаправленного анализа ситуации, оценки своих действий и представления возможных вариантов поведения, разработки стратегии разрешения проблемы, планирования собственных действий с учетом реальных условий, имеющегося опыта и ресурсов.

Второе место у респондентов всех трех групп по выраженности использования занимает стратегия «положительная переоценка», которая характеризуется определенными усилиями по приданию проблемной ситуации положительного значения. Преодоление негативных переживаний в связи с проблемой за счет ее положительного переосмысления, рассмотрения ее как стимула для личностного развития и роста. Характерна ориентированность на надличностное, философское осмысление проблемной ситуации, включение ее в более широкий контекст работы личности над саморазвитием.

Нужно отметить, что третьей по выраженности использования у студентов 1 и 2 групп находится стратегия «бегство-избегание». Эта стратегия в целом неконструктивна, поскольку проблемная ситуация в случае ее использования не решается. Нередко в практике встречаются случаи, при которых студенты, столкнувшись с трудностями учебной деятельности, предпочитают даже отчисление из университета. При наличии длительного и постоянного воздействия стрессоров на организм человека, негативные последствия применения стратегии избегания очень существенны.

Хотелось бы подчеркнуть, что для респондентов 3 группы использование этой стратегии не характерно и на третьем месте у них отмечена стратегия «дистанцирования».

Далее, у респондентов 1 и 2 групп по выраженности использования можно выделить стратегию «планирование решения проблемы», а у респондентов 3 группы отмечается стратегия «самоконтроля», которая свидетельствует о самой высокой интенсивности использования этого механизма для разрешения эмоционально-стрессовых и проблемных ситуаций. Если проводить парал-

лели между неосознаваемыми механизмами психологической защиты и сознательными копинг-стратегиями, то «самоконтроль» можно сравнить с «интеллектуализацией», во время использования которой происходит интеллектуальное решение различных жизненных проблем и ситуаций. Учитывая постоянную напряженность в учебной деятельности, копинг-стратегия «самоконтроль» у респондентов 3 группы занимает доминирующее положение по сравнению со студентами 1 и 2 групп. Это свидетельствует о том, что респонденты 3 группы находятся на более старших курсах обучения, обладая уже при этом жизненным опытом, определенными умениями и навыками, методами и приемами для регуляции собственных эмоций, контроля негативных мыслей, управления поведением и адекватными реакциями на стрессовые ситуации.

Умеренный уровень выраженности копинг-механизма «поиск социальной поддержки» можно отметить у респондентов всех трех групп. Обращение к семье, близким знакомым, родственникам, самому близкому социальному окружению студенты считают важным источником поддержки себя и способом решения родственных, бытовых, экономических и социальных проблем. Учитывая возраст респондентов (17–24 лет), становится понятно, что социальная поддержка в этом возрасте является необходимым и важным атрибутом жизнедеятельности. Необходимо отметить, что социальная поддержка может оказывать не только положительный, но и отрицательный эффект, связанный, прежде всего, с неверным представлением личности о степени и уровне помощи и поддержки, и может привести к потере контроля над ситуацией и формированию инфантильности.

Стратегия «принятия ответственности» оказалась редко используемой у студентов всех трех групп и подразумевает осознанность респондентами своей роли в решении определенной проблемы и сопровождается при этом высокой ответственностью и действиями в направлении ее решения.

Стратегия «конфронтация» также была выявлена очень редко используемой стратегией у студентов всех трех групп. Эта стратегия позволяет активно и целенаправленно противостоять проблеме и идти навстречу, не откладывая решение на потом. Однако, без должного планирования и анализа может привести к нежелательным последствиям, таким как: усугубление конфликта, утрата социальной поддержки или ухудшение самочувствия.

Заключение

В своих попытках изучения копинга многие исследователи выделяют несколько уровней обобщенности того, что делает индивид, чтобы преодолеть стресс: копинговые действия, копинг-стратегии, копинговые сти-

ли, копинг-поведение. Копинговые действия часто объединяются в копинг-стратегии – способы преодоления стрессовых факторов, возникающих как ответная реакция личности на поступающую угрозу. Стратегии, в свою очередь, группируются в копинговые стили. Иногда термины «копинговые действия» и «копинг-стратегии» используются как тождественные, в то же время копинговые стили касаются действий или стратегий, которые последовательно применяются личностью для решения проблем.

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. для разрешения различных неблагоприятных ситуаций и конфликтов студенты в процессе обучения в университете, находящиеся в условиях затяжного стресса Луганской Народной Республики, реализуют собственные резервы и копинг-стратегии поведения, исходя из имеющегося опыта и

относительно устойчивых индивидуально-типологических особенностей личности;

2. копинг-поведение проявляется посредством применения различных копинг-стратегий на основе ресурсов личности: Я-концепции, интернального локуса контроля, ресурсов когнитивной, эмоционально-волевой, мотивационной, духовно-нравственной сфер, ценностей, установок и мировоззрения человека, его взглядов и отношения к жизни, смерти, любви, дружбе, вере и ресурсов окружающей среды (его умения принимать и оказывать другим социальную поддержку);
3. становится очевидной необходимость своевременной внешней помощи и поддержки, которая бы укрепляла личностные ресурсы, способствовала социально адаптивному, эффективному функционированию личности студентов в высшем учебном заведении, находящихся в условиях затяжного стресса Луганской Народной Республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антоновский А.В., Балакшина Е.В., Филиппченкова С.И. Психологические особенности протекания адаптационного процесса у студентов первого курса, обучающихся в вузе // Психология. Психофизиология. 2020. Т. 13, № 1. С. 44–53.
2. Будук-оол Л.К.-С. Нервно-психическая устойчивость и стратегия совладания со стрессом у студентов: гендерный анализ // Вестник Тувинского государственного университета. Естественные и сельскохозяйственные науки. 2020. № 2 (61). С. 6–13.
3. Величковская С.Б., Гребенникова Т.О., Исакова М.Д. Особенности выбора стратегии совладающего поведения в зависимости от уровня интернальности личности студентов лингвистического вуза / Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие: Материалы V Междунар. науч. конф. Кострома, 2019. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2019. Т. 1. С. 148–150.
4. Lazarus R.S. Psychological stress and the coping process / N.Y.: McGraw-Hill, 1966. 257 p.
5. Либина А.В. Стили реагирования на стресс: психологическая защита или совладение со сложными обстоятельствами? / Стиль человека: психологический анализ. М.: Смысл, 1998. 310 с.
6. Малкина-Пых И.Г. Стратегии поведения при стрессе // Московский психологический журнал. 2007. №12. С.15–25.
7. Мельникова М.Л. Психология стресса: теория и практика: учеб.-методическое пособие / науч. ред. Л.А. Максимова. Екатеринбург: 2018. 111с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/196277133.pdf> (дата обращения: 28.08.2024).
8. Мякотин И.С. Особенности совладающего поведения при социальной фобии // Universum: Психология и образование: электрон. научн. журн. 2016. № 10(28). С. 42–44. Режим доступа: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/3725> (дата обращения: 28.08.2024).
9. Соловьева К.С. Особенности совладания со стрессом в процессе учебной деятельности студентов вузов психологической и непсихологической специальностей // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2019. № 2. С. 118–125.
10. Тихонова Е.А. Подходы к изучению понятия совладающего поведения в отечественных и зарубежных научных исследованиях // Психолог. 2021. № 6. С. 1–11. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37005 (дата обращения: 28.08.2024).

© Лабезная Лариса Петровна (psy_assistance@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНИЦИАТИВНОЕ БЮДЖЕТИРОВАНИЕ КАК ИНСТИТУТ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ

Литвиненко Игорь Геннадьевич

научный сотрудник, Центр изучения гражданских инициатив, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, (г. Симферополь)
litvinenko-igor@mail.ru

PROACTIVE BUDGETING AS AN INSTITUTION FOR THE FORMATION OF PERSONAL CIVIC ENGAGEMENT IN A TRANSITIVE SOCIETY

I. Litvinenko

Summary: The article presents the results of a theoretical and empirical study of the psychological characteristics of a person with different levels of civic engagement in the context of studying the psychology of proactive budgeting. The main purpose of the article is to analyze the psychological characteristics of a person with different levels of civic engagement. The authors considered the indicators of locus of control, initiative, reflexivity, self-esteem motive and indicators of realism, prosociality of respondents with different civic positions. As part of the study, the classification of youth by the level of civic engagement was carried out, which made it possible to identify groups with varying degrees of involvement in public life. As a result of the analysis of the data obtained, significant differences were revealed between the groups of respondents in a number of socio-psychological characteristics, in particular, the locus of control, initiative, reflexivity and the motive of self-esteem. Special attention is paid to the relationship between the level of civic engagement and youth initiative. The results of the study confirmed the existence of a significant correlation between the level of civic engagement and youth initiative, which indicates the importance of initiative for active participation in society. The study determined the existence of differences between groups in the formulation of civic initiatives in terms of realism and constructiveness. The research presented in the article focuses on the creation of a program of socio-psychological support for the process of forming citizens' civil initiatives.

Keywords: civic engagement, transitive society, proactive budgeting, locus of control, initiative, reflexivity.

Аннотация: В статье представлены результаты теоретического и эмпирического исследования психологических особенностей личности с различными уровнями гражданской активности в контексте изучения психологии инициативного бюджетирования. Основной целью статьи является анализ психологических особенностей личности с различными уровнями гражданской активности. Авторами рассмотрены показатели локуса контроля, инициативности, рефлексивности, мотива самоуважения и показатели реалистичности, просоциальности респондентов с различными гражданскими позициями. В рамках исследования проведена классификация молодежи по уровню гражданской активности, что позволило выделить группы с различной степенью вовлеченности в общественную жизнь. В результате анализа полученных данных выявлены достоверные различия между группами респондентов по ряду социально-психологических характеристик, в частности локус контроля, инициативности, рефлексивности и мотива самоуважения. Особое внимание уделено взаимосвязи между уровнем гражданской активности и инициативностью молодежи. Результаты исследования подтвердили наличие существенной корреляции между уровнем гражданской активности и инициативностью молодежи, что свидетельствует о важности инициативности для активного участия в жизни общества. В ходе исследования определено существование различий между группами при формулировании гражданских инициатив по показателям реалистичности и конструктивности. Исследование, представленное в статье, акцентирует внимание на создании программы социально-психологического сопровождения процесса формирования гражданских инициатив граждан.

Ключевые слова: гражданская активность, транзитивное общество, инициативное бюджетирование, локус контроля, инициативность, рефлексивность.

Введение

В современном обществе проблематика гражданской активности личности приобретает актуальность. В первую очередь, интерес к гражданской активности связан с рядом исследований социологов и психологов. Так, Лучинкина А.И. и Турмасова А.А., исследуя феномен гражданственности, отмечают взаимосвязь развития гражданской активности и личностного роста.

Н.Л. Иванова отмечает связь гражданской активности и уровня благосостояния общества. Исследователем отмечено, что социально активная личность стремится

стимулировать развития окружающего социума в конструктивной форме.

Инициативное бюджетирование, в свою очередь, является формой социальной и гражданской активности. Более того, согласно исследователям, в области гражданственности, участие в программе инициативного бюджетирования и, как результат, в благоустройстве окружающего пространства, влияет на развитие социальных и личностных качеств человека.

Отметим, что, несмотря на существующие исследования, ряд вопросов остался за рамками рассмотрения –

не выявлены, но нуждаются в изучении психологические особенности личности с различными уровнями гражданской активности.

Целью статьи является анализ психологических особенностей личности с различными уровнями гражданской активности.

Литературный обзор

Гражданская активность представляет собой, в первую очередь, добровольное участие человека в жизни социума. Отметим, что гражданская активность личности влияет на укрепление и развитие институтов гражданского общества.

Согласно мнению Семенюк Л.М., гражданская активность – это активность, связанная напрямую со стремлением личности к социальным нормам, а именно: желание соблюдать и развивать. Другим исследователем (Артюхович Д.В.) отмечается, что гражданская активность носит две формы – конструктивную и деструктивную. Конструктивная форма гражданской активности связана непосредственно с соблюдением социальных норм и является общественно полезной, деструктивная – социально опасной [1, 8, 9, 10].

Отметим, что на реализацию конструктивной или деструктивной формы гражданской активности могут оказывать влияние следующие характеристики – специфика отношения к власти, выраженность чувства патриотизма, опыт участия в общественной деятельности, установки по отношению к общественной жизни, степень личной инициативности и заинтересованности в жизни социума.

Анализируя личностные характеристики личности с различными формами гражданской активности, отметим исследования А.И. Лучинкиной. А.И. Лучинкина отмечает психологические особенности личности как гражданина – в первую очередь, гражданскую активность и идентичность. Кроме этого, автор в своих исследованиях отмечает мотивацию к гражданственности, толерантность, устойчивые социально-политические установки. Анализируя проблематику гражданской активности личности, А.И. Лучинкина подчеркивает стремление молодежи к ценностям универсализма [4,5,6,7].

Отметим, что в исследовании А.И. Лучинкиной выявлено, что ценности универсализма представлены высоким уровнем толерантности, стремлением к неконфликтному поведению. Уменьшается количество молодежи, выбирающей ведущей ценностью безопасность. В свою очередь, ценность безопасности – это стремление к социальному порядку, национальной безопасности, чувству идентичности. Стоит отметить, что

наблюдается увеличение количества людей, которые транслируют высокий уровень доверия к власти.

Анализируя направленность гражданской активности, отметим следующие качества, связанные с личной самореализацией: активная спортивная и общественная деятельность; активное участие в общественных мероприятиях с целью получения новых знаний, а также участие в общественных движениях с целью профессионального роста.

Второй вариант направленности гражданской активности связан с мотивацией и желанием изменить окружающий социум. Конструктивная форма такой гражданской активности связана с участием в экологических, волонтерских акциях, деструктивная – в митингах.

Атабиева З.А. определяет гражданскую и социальную активность молодежи как форму социализации [3]. Отметим, что в связи с цифровой трансформацией общества, развитие и укрепление гражданской активности личности приобрело непосредственно цифровой характер. Например, АИС «Молодежь России» занимается активным патриотическим образованием молодежи в социальных сетях.

Цифровая среда стремительно развивается и проникает во все виды деятельности современного человека, в том числе и в его гражданскую активность. Человечество активно переходит от техногенности к технократии, реализуя на этом пути новые возможности и получая новые проблемы и трудности. Человек, находящийся в цифровой среде, погружается в многообразие информационных потоков и цифровой функциональности.

Важно отметить, что цифровая среда представляет собой искусственную среду, которая является регулярной последовательностью компьютерных (сетевых) технологий. Цифровая среда, как правило, способствует связи между объектами физического мира с помощью передачи программ в виде сигналов по сетям и телекоммуникационным каналам.

Феномен цифровизации, возникающий на локальном уровне, отражает глобальный процесс перехода постиндустриального общества в информационное, что, в свою очередь, затрагивает и гражданскую активность [3].

Одним из институтов развития гражданской активности стало создание в Крыму института инициативного бюджетирования, деятельность в котором частично носит цифровой характер. Становление в Республике Крым института инициативного бюджетирования берет свое начало в 2019 году с создания рабочей группы по развитию инициативного бюджетирования в Республике Крым.

Началом непосредственной реализации на территории республики инициативного бюджетирования необходимо считать принятие Советом министров Республики Крым постановления от 16 октября 2020 года № 658 «О некоторых вопросах реализации инициативного бюджетирования на территории Республики Крым». Документом определен алгоритм взаимодействий органов государственной власти, органов местного самоуправления, граждан и организаций Республики Крым, результатом которого будет решение наиболее актуальных для граждан вопросов местного значения за счет дополнительных межбюджетных трансфертов, которые будут доведены из бюджета Республики Крым бюджетам муниципальных образований республики.

С учетом предварительного анализа актуальных вопросов местного значения в Республике Крым, которые могут быть решены посредством инициативного бюджетирования, на дебютном этапе реализации инициативного бюджетирования предопределены и законодательно ограничены два направления: мероприятия по развитию объектов благоустройства (включая освещение улиц) и объектов физической культуры и массового спорта на территории городских и сельских поселений, муниципальных районов Республики Крым (за исключением проектов, требующих получения разрешения на строительство, реконструкцию). По результатам апробации реализации инициативного бюджетирования в республике в 2021-2023 году перечень направлений инициативного бюджетирования был нормативно расширен и уточнен. В частности, добавлено отдельное направление – освещение улиц.

В целях обеспечения мероприятий, направленных на реализацию и развитие механизмов инициативного бюджетирования в Республике Крым, создания институциональных, правовых и организационных основ их применения постановлением Совета министров Республики Крым от 16 ноября 2020 года № 703 создан Центр изучения гражданских инициатив.

На Центр изучения гражданских инициатив возложены научно-исследовательские, консультационные, информационные и аналитические задачи. Центр, по сути, осуществляет функции «единого окна», куда граждане, организации, представители органов государственной власти и органов местного самоуправления могут обратиться по вопросам реализации инициативного бюджетирования в Республике Крым.

Таким образом, возникла необходимость определения и разграничения типов гражданских инициатив и изучения их влияния на формирование гражданской активности личности. Кроме того, анализ научной литературы по проблеме исследования, позволил сделать вывод о маркерах конструктивной гражданской актив-

ности, а именно: реалистичности инициатив, их просоциальности, рефлексивности личности.

Материалы и методы

При помощи методики А.А. Турмасовой «Гражданская активность» были определены личные характеристики респондентов: локус контроля, инициативность, рефлексивность, мотив самоуважения и при помощи процедуры контент-анализа проанализированы гражданские инициативы респондентов по показателям реалистичности и просоциальности.

В исследовании приняли участие 102 студента в возрасте 18-24 года. Учитывая представленность молодежи в социальных сетях, опрос проводился в территориальных группах в социальной сети «vk.com» посредством привлечения к заполнению Google-форм.

Результаты

В ходе исследования было выявлено 4 группы молодежи по уровню сформированности у них показателей гражданской активности.

Первая группа (35 человек) – респонденты со средними показателями по всем шкалам. Чаще выбирают линию поведения «как все», предпочитая плыть по течению.

Вторая группа (34 человек) – респонденты с высоким уровнем локуса контроля и низкой инициативностью. Молодежь этой группы стремится взять под контроль все происходящие события, чаще критикуя происходящее, чем оказывая посильную помощь.

Третья группа (21 человек) – молодежь с высоким уровнем мотива самоуважения и низким уровнем рефлексивности. Респонденты этой группы часто выступают с инициативами.

Четвертая группа (11 человек) – респонденты этой группы инициативны, рефлексивны, с высоким уровнем субъективного контроля.

В ходе исследования выявлена достоверная корреляционная связь между уровнем гражданской активности личности и инициативностью молодежи $r=0,64$ при $p=0,05$.

Респондентам выделенных групп предлагалось подготовить проект по благоустройству района проживания. Проект оставался по форме, предложенной в таблице 1.

Полученные результаты анализировались при помощи процедуры контент-анализа: определялась реалистичность/нереалистичность проекта, его актуальность и осознанность.

Форма для подготовки проекта.

Пункт проекта	Основные точки	Содержание
Название проекта		
Место реализации проекта		
Описание проекта	Наличие проблемы	
	Ожидаемые результаты	
	Количество благополучателей и их состав	
Виды работ и их стоимость		

Обсуждение

В ходе исследования были выявлены достоверные различия в выборе отдельных характеристик проекта у респондентов разных групп. Так, респонденты первой группы в названии проекта указывали те клише, которые были выданы в качестве образца – строительство спортивной площадки, например (91% респондентов первой группы выбрали именно такое название). Молодые люди этой группы, как правило, отмечали в качестве места реализации проекта поселение, в котором проживали на момент опроса. Интересны описания проблемы представителями первой группы: «У всех давно есть спортплощадка во дворе. А у нас нет»; «Нужно, чтобы в каждом дворе были спортивные тренажеры»; «Наша улица не хуже других». Как видно, из приведенных примеров, респонденты первой группы не могут достоверно описать проблему, аргументировать необходимость реализации именно их идеи. В качестве ожидаемых результатов студенты отмечали наличие объекта, а для кого этот объект нужен и как его финансирование проекта чаще всего не указывали.

Вторая группа молодежи в 65% случаев уклонялась от выполнения задания, отмечая, что «они не обязаны это делать» и «ни перед кем отчитываться не будут». В тех случаях, когда таблица все же была заполнена, в графе «наличие проблемы» респонденты данной группы критиковали действия власти: «до сих пор ничего не было сделано»; «наш глава сам по таким дорогам не ездит, поэтому и не ремонтирует их»; «отсутствие фонарей – это вина администрации». Следует отметить, что остальные пункты были практически не заполнены.

Третья группа молодежи выступала с большим количеством идей. Так в одной таблице оказывались несколько разных проектов: «снести старую школу» и «построить

дворец учебы»; «построить ледовый дворец»; «построить многоэтажную парковку» и другие. В описании проблемы респонденты были многословными, отмечали необходимость для поселка «ледового дворца», однако в качестве благополучателей указывало всех жителей поселения. Возникали проблемы и описанием затрат и видов работ. Чаще всего в видах работ значилось: «построить» или «снести». Часть проектов носила неконструктивный характер и не имела никакого отношения к проблемам поселения.

Четвертая группа молодежи – респонденты, которые, несмотря на свою малочисленность, являются генераторами идей и организаторами их реализации. Молодежь этой группы не только видит проблемы региона, но и готова к участию в их решении. Как правило, в графе «Виды работ и их стоимость» респонденты четвертой группы указывают реалистичные числа и виды работ, достоверно описывают проблему и пути выхода из нее.

Заключение

1. По уровню гражданской активности в выборке выделено 4 группы молодежи. Между группами существуют достоверные различия по параметрам locus контроля, инициативность, рефлексивность, мотив самоуважения при $p = 0,05$.
2. Существует взаимосвязь между уровнем гражданской активности и инициативностью молодежи при $p = 0,05$.
3. Существуют различия между группами при формулировании гражданских инициатив по показателям реалистичности и конструктивности.
4. Проведенное исследование акцентирует внимание на создании программы социально-психологического сопровождения процесса формирования гражданских инициатив граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Ю.В., Костерина И.В. «Нам нужны права, а не обязанности»: гражданская активность российской молодежи // Журнал исследований социальной политики. – М., 2006. — Т. 4. (№ 3) – С. 397-412.

2. Артюхович Д.В. Гражданская активность личности: социально-философский анализ [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ.канд. филос. Наук (09.00.11) / Северо-кавказский государственный технический университет, 2002 г. – 11 с.
3. Атабиева З.А. Молодежный ресурс политической модернизации российского общества: социологический анализ [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. социол. наук (22.00.08) / Атабиева, Зарема Алихановна; Пятигорский государственный технологический университет – Пятигорск, 2010 г. – 9 с.
4. Лучинкина А.И., Сабий Л. Психологические особенности представленности гражданского общества в медиaprостранстве Крыма // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. – Симферополь, 2017. – № 3 (9). – С. 98-104.
5. Лучинкина А.И., Челеби И., Поднебенная А.Э. Социально-психологические маркеры гражданского общества в Крыму // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. – Симферополь, 2016. – № 4 (6). – С. 8-11.
6. Лучинкина А.И. Социально-психологические особенности гражданского общества республики Крым: личностный уровень // Проблемы современного педагогического образования. – Ялта, 2018. – № 61-1. – С. 376-381.
7. Лучинкина А.И., Коршак А.А. Психология гражданской активности молодежи // Проблемы современного педагогического образования. 2021. №72-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-grazhdanskoj-aktivnosti-molodezhi> (дата обращения: 27.08.2024).
8. Семенюк Л.М. Психология гражданской активности: особенности, условия развития [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-р.психол.наук. (19.00.07)/ Семенюк Любовь Мирчиевна; Московский психолого-социальный институт, 2007 г. – 22 с.
9. Фролов А.А. Механизмы осуществления гражданской активности // Власть. 2014. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-osuschestvleniya-grazhdanskoj-aktivnosti> (дата обращения: 27.08.2024).
10. Ходжагельдиева З.М., Сарыбекова С.М. Формирование гражданской активности студентов // Проблемы Науки. 2016. №5 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-grazhdanskoj-aktivnosti-studentov> (дата обращения: 27.08.2024).

© Литвиненко Игорь Геннадьевич (litvinenko-igor@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЛИЧНОСТНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ И СКЛОННОСТИ КО ЛЖИ

Молчанов Андрей Юрьевич

Директор, центр психофизиологических исследований
ООО «Международная академия исследования лжи»
molchanov.61@mail.ru

Молчанова Елизавета Андреевна

Полиграфолог, центр психофизиологических исследований
ООО «Международная академия исследования лжи»
molchanovalisa6@gmail.com

Мартынова Людмила Михайловна

Полиграфолог, центра психофизиологических исследований
ООО «Международная академия исследования лжи»
kurator@studylie.ru

THE STUDY OF THE RELATIONSHIP BETWEEN PERSONAL ANXIETY AND THE TENDENCY TO LIE

**A. Molchanov
E. Molchanova
L. Martianova**

Summary: The purpose of the study is to study the relationship between personal anxiety and a tendency to lie. The objective of the study is to experimentally study the relationship between personal anxiety and a tendency to lie using lie verification and instrumental lie detector testing. The possibilities of practical application of the research results are due to the expediency of using them in various organizations when selecting personnel and working with employees of the organization.

The article examines the concept of «personal anxiety» in modern psychology, describes the main aspects of anxiety, the causes of its occurrence, and what this condition is; describes the idea of the phenomenon of lying in domestic and foreign psychology; describes the relevance of the problem of the tendency to lie, as recently in the psychological sciences there has been an increasing interest in the problems of understanding the essence of truth and its antipodes – lies, deception and untruth; the classification of lies and the causes of the tendency to lie are investigated; the theoretical substantiation of the relationship between personal anxiety and the tendency to lie is made. A study of this relationship is presented, since this problem is one of the key ones in the emergence of behavior mechanisms. The author concludes that there is a certain relationship between the level of personal anxiety and lying: the higher the level of personal anxiety, the higher the probability of a tendency to lie.

Keywords: anxiety, personal anxiety, lying, untruth, deception, tendency to lie, lie verification, lie detector, polygraph.

Аннотация: Целью проведенного исследования является изучение взаимосвязи личностной тревожности и склонности ко лжи. Задачей проведенного исследования являются экспериментальное изучение взаимосвязи личностной тревожности и склонности ко лжи при помощи верификации лжи и инструментальной проверки на детекторе лжи.

Возможности практического применения результатов исследования обусловлены целесообразностью использования в различных организациях при подборе кадрового персонала и работе с сотрудниками организации.

В статье рассмотрено понятие «личностной тревожности» в современной психологии, описываются основные аспекты тревожности, причины ее возникновения, и что представляет из себя данное состояние; описано представление о феномене лжи в отечественной и зарубежной психологии; описывается актуальность проблемы склонности ко лжи, так как в последнее время в психологических науках нарастает интерес к проблемам понимания сущности правды и ее антиподов – лжи, обмана и неправды; исследуется классификация лжи и причины склонности ко лжи; производится теоретическое обоснование взаимосвязи личностной тревожности и склонности ко лжи. Представлено исследование данной взаимосвязи, так как данная проблема является одной из ключевых в возникновении механизмов поведения. Автор делает вывод о том, что существует определенная взаимосвязь уровня личностной тревожности и лжи: чем больше уровень личностной тревожности, тем выше вероятность склонности ко лжи.

Ключевые слова: тревога, личностная тревожность, ложь, неправда, обман, склонность ко лжи, верификация лжи, детектор лжи, полиграф.

Введение

В настоящее время недостаточно изучены вопросы взаимосвязи уровня личностной тревожности и склонности ко лжи. Тревожные ожидания, относительно обнаружения факта лжи, самообвинение, основанное на неприятии обмана, руминации вращающиеся вокруг темы выбора лжи или правды в прошлых ситуациях, для тревожной личности данные переживания будут способствовать возрастанию уровня стресса,

психологической напряженности и собственно тревоги. Проявление склонности ко лжи и ее усиление создает неблагоприятные предпосылки успешности в рабочей деятельности, а также в социальных взаимоотношениях и эффективности адаптации к новым условиям.

Тревожные состояния испытуемых на полиграфе стали предметом нашего исследования, поскольку они могут существенно влиять на результаты проверки. Тревожность, являющаяся естественной частью пси-

хической деятельности, становится проблемной, когда доминирует, мешая работе, общению и восприятию реальности. Тревожность может быть связана с конституциональными особенностями личности, свойствами темперамента или негативным опытом.

В условиях полиграфной проверки тревожность дезорганизует когнитивные процессы, затрудняя коммуникацию и провоцируя ложноположительные реакции. Эти реакции можно купировать с помощью специальных техник, однако тревожность может влиять на результаты тестирования. В практике полиграфологов различаются личностная тревожность (базовая черта личности), ситуативная тревожность (реакция на конкретную ситуацию), мобилизующая тревожность (побуждает к активным действиям) и подавляющая тревожность (приводит к когнитивной заторможенности). Тревожные люди, склонные к постоянному анализу и контролю, часто прибегают к лжи как способу защиты от негативных последствий.

Наше исследование нацелено на изучение взаимосвязи личностной тревожности и склонности ко лжи. Мы предполагаем, что высокий уровень тревожности повышает вероятность склонности ко лжи. В исследовании приняли участие 40 респондентов, разделённых на группы по уровню тревожности. Методология включала теоретический анализ, психодиагностические методы и инструментальную проверку на полиграфе. Исследование опирается на работы К. Изарда, Ч. Спилбергера, А. Прихожан и других, а также на научные труды, посвящённые лжи.

Материалы и методы исследований

Изучение тревожности показывает, что это сложный феномен, включающий страх и взаимодействие с другими базовыми эмоциями. Тревожность отличается от страха и депрессии, хотя и связана с ними. Тревожность активирует защитные механизмы, готовя человека к реакции на угрозу [7]. Исследования, такие как работы Ч.Д. Спилбергера, помогают лучше понять природу тревожности и её влияние на поведение человека в стрессовых ситуациях, включая тестирование на полиграфе.

Тревога невротического характера обладает высокой эмоциональной интенсивностью и возникает при длительной угрозе со стороны объекта тревоги. Люди стремятся избегать ситуаций или объектов, вызывающих страх, включая новое и неизведанное. Невротические страхи устойчивы и часто связаны с долгим и нерешаемым переживанием у людей с высокой чувствительностью и травматичным опытом, что затрудняет их адаптацию к новым условиям [10].

Тревога может переноситься с одного объекта на другой через механизм условного рефлекса, например,

если пугающее событие сопровождается определенным явлением, это явление может вызывать тревогу в будущем. В ситуациях, неподвластных контролю личности, риск появления тревоги высок, особенно при ожидании гипотетической угрозы, например, в агрессивном коллективе или при насмешках со стороны учителя [8].

Корепанова и Лебедева выделяют несколько видов тревожности: социальная, связанная с нахождением в местах большого скопления людей; публичная, проявляющаяся при выступлениях; посттравматическая, возникающая после социально-психологических травм; экзистенциальная, связанная с осознанием конечности жизни; и разделенное тревожное состояние, возникающее при разлуке с объектом привязанности [9].

Тревога и стресс негативно влияют на здоровье, приводя к различным расстройствам, таким как вегетососудистая дистония и гастрит, а также влияют на продуктивность деятельности и состояние здоровья, нарушая волевые процессы и мотивацию, стили мышления и поведение.

Ложь рассматривается как намеренное искажение или утаивание правдивой информации. Она является адаптивным поведением и имеет различные формы, включая эгоистическую и альтруистическую. Склонность ко лжи может зависеть от тревожности, агрессивности, самооценки и других психологических факторов. Ложь исследуется в криминалистике и других дисциплинах [4].

Феномен лжи изучался с древности. Платон и Аристотель рассматривали ложь как инструмент, который может быть полезен в определенных ситуациях, тогда как Цицерон категорически осуждал ложь, считая, что справедливость и правдивость являются абсолютными ценностями [1].

В монотеистических религиях ложь осуждается как грех, хотя допускаются исключения, например, ложь во спасение. Современные исследователи расширили понимание лжи, включая не только преднамеренный обман, но и когнитивные искажения восприятия мира [3]. Ложь рассматривается как сложный феномен, затрагивающий эмоциональную, когнитивную и поведенческую сферы личности.

В отечественной науке проблема искажения информации исследуется с конца 80-х годов. Ложь рассматривается как осознанная передача искаженной информации, которая может привести к заблуждению или обману [6].

Ложь и неправда различаются по намерениям и последствиям. Неправда — это информация, которая не соответствует действительности, но сообщается искренне, без намерения ввести в заблуждение. Это может про-

изойти из-за заблуждения самого говорящего, который уверен, что транслирует правду. В отличие от неправды, ложь — это осознанное искажение информации с целью ввести кого-то в заблуждение [5]. Ложь предполагает знание говорящего о том, что информация не соответствует действительности, и намерение запутать или ввести в заблуждение другого человека.

Существует несколько форм лжи: преувеличение или преуменьшение фактов, приукрашивание, полная или частичная подмена информации, ложь по умолчанию (сокрытие важной информации). Ложь требует определённых коммуникативных навыков и опыта, часто применяется полуправда, когда часть информации скрывается. Обман также может строиться на правде, преподносимой так, чтобы в нее не поверили [2].

Обман психологически более удобен, чем ложь, так как не требует искажения фактов, запоминания вымышленных деталей и менее уязвим к обвинениям в нарушении моральных норм. Обман может включать уход от темы, запирательство, отшучивания, сарказм или отвлечение внимания [2].

Люди с высокой тревожностью склонны использовать ложь для снижения тревожности и создания безопасной ситуации. Ложь может выступать как способ совладания с тревожными ситуациями, и используется как вариант копинг-стратегии, направленной на снижение стресса и сохранение психологического комфорта.

Исследования показывают, что личностная тревожность коррелирует с мотивацией социального одобрения, что может приводить к использованию лжи для поддержания положительного образа в социальной группе. Ложь также может быть формой пассивно-агрессивной реакции на стресс или нападающее поведение окружающих. Низкая стрессоустойчивость и высокая тревожность могут способствовать использованию лжи в коммуникации, затрудняя её и усиливая напряжение.

Для проведения исследования были использованы следующие методики:

Методика самооценки мотивации одобрения по Д.П. Крауну и Д.А. Марлоу в адаптации Ю.Л. Ханина: методика оценивает склонность респондентов к искажению результатов и измеряет стремление заслужить одобрение окружающих, что влияет на качество межличностных отношений. Включает в себя 20 утверждений, по которым респондент выражает согласие или несогласие.

Опросник «Честность»: эта методика выявляет степень психологической открытости и честности респондента, используется для профотбора и содержит 34 утверждения.

Опрос с использованием полиграфа и метод визуальной психодиагностики: честность анализировалась в два этапа. Первый этап включал предтестовую беседу с элементами профайлинга для выявления признаков лжи, второй – саму проверку на полиграфе. Верификация лжи выявляет признаки скрываемой информации через анализ неосознаваемых вербальных и невербальных проявлений со стороны респондента, и используется как самостоятельный метод детекции лжи, опираясь на критерии:

- Точка ориентировочного замирания (ТОЗ): hesitationная пауза с целью оценки запроса на информацию и принятие решения о её предоставлении.
- Признаки ВНС: Бледность кожи, потоотделение, изменения в слюноотделении, дыхании, голосе и взгляде.
- Анализ речи: Умолчание, фокусы языка (опущение, объединение, переопределение понятий, оперирование намерением).

Результаты и обсуждения

Были выявлены статистически значимые различия в уровне личностной тревожности и ситуативной тревоги между выделенными группами респондентов ($p \leq 0,00$). Высокий уровень личностной тревожности свидетельствует о дезадаптации во взаимоотношениях и связан с повышенной потребностью в одобрении и низким уровнем честности. В группе с высоким уровнем личностной тревожности ситуативная тревога соответствует нормальному уровню, а в группе с низким и средним уровнем — низкому.

В ходе исследования выявлено, что респонденты с высоким уровнем тревожности склонны давать социально-желательные ответы и искажать информацию для создания положительного образа. Эти респонденты испытывают неуверенность в своих возможностях и стремятся избежать негативных последствий общения, что обуславливает их склонность к утаиванию информации. При проверке на полиграфе количество респондентов, склонных ко лжи, оказалось ниже, чем при использовании методик Марлоу-Крауна и «Честность», что объясняется осведомленностью респондентов о проверке и боязнью быть пойманным на лжи.

Корреляционный анализ в группе с высоким уровнем личностной тревожности показал прямую связь между личностной тревожностью и потребностью в одобрении (0,71758), а также обратную связь с честностью (-0,60435). Респонденты со средним и низким уровнем тревожности не показали значимых корреляций, что предполагает другие мотивы для искажения информации.

Гипотеза о взаимосвязи личностной тревожности и склонности ко лжи подтвердилась. Высокий уровень

тревожности влияет на аффективную, мотивационно-волевою и поведенческую сферы, создавая трудности в принятии решений и повышая потребность в социальном одобрении. Респонденты с высоким уровнем личностной тревожности стремятся избегать конфликтов и получать поддержку, что ведет к искажению информации. Ложь, в свою очередь, усиливает тревожные ожидания и руминативные размышления.

В условиях тестирования респонденты стремились скрыть свои социально-неприемлемые качества, а осведомленность о проверке на полиграфе способствовала более честным ответам. Таким образом, высокий уровень личностной тревожности тесно связан со склонностью к сокрытию информации как способом снижения тревожности и избегания негативных последствий.

Выводы

По результатам исследования взаимосвязи личностной тревожности и склонности ко лжи были сделаны следующие выводы:

1. В группе респондентов с высоким уровнем личностной тревожности были выявлены - высокий уровень потребности в социальном одобрении и низкий уровень честности, а в группе респондентов со средним и низким уровнем личностной тревожности - низкий уровень потребности в одобрении и нормальный уровень честности. По результатам психодиагностической беседы у респондентов обеих групп были выявлены такие маркеры сокрытия информации как: "точка ориентировочного замирания", по признакам вегетативной нервной системы: потоотделение, покраснение и побледнение кожных покровов, в речи: умалчивание, «забалтывание»;
2. Между группами респондентов были выявлены статистически значимые отличия по шкалам «Потребность в одобрении» и «Честность», первая из которых выше выражена в группе респондентов с высоким уровнем личностной тревожности, а вторая в группе респондентов со средним и низким уровнем личностной тревожности;
3. Были выявлены прямая корреляционная взаимосвязь между шкалами «Личностная тревожность» и «Потребность в одобрении», и обратная взаимосвязь между шкалами «Личностная тревожность» и «Честность» в группе с высоким уровнем личностной тревожности;
4. Высокий уровень личностной тревожности прямо взаимосвязан со склонностью ко лжи и сокрытию информации. Для респондентов с высоким уровнем личностной тревожности сокрытие информации представляет собой один из вариантов совладающего поведения, который позволяет снизить уровень тревоги и эмоционального напряжения,

связанный с риском осуждения, негативной реакции окружающих, конфликта со значимым лицом;

5. Высокий уровень личностной тревожности и склонность ко лжи (сокрытию информации), даже в условиях инструментальной проверки, в ситуации личностной значимости, такой как собеседование, может рассматриваться в качестве фактора риска, обостряющего тревожность.

Заключение

Феномен лжи в современном обществе рассматривается как условно-допустимое социальное явление, которое не подвергается решительному и непримиримому осуждению. Допустимость использования лжи и различных форм сокрытия информации делает ее удобной стратегией для лиц, которые стремятся утаить нежелательные факты, стараясь создать свой более позитивный образ у собеседника. В частности, лица с высоким уровнем личностной тревожности могут часто прибегать к различным формам сокрытия и искажения информации, как варианту совладающего поведения, с целью избегания конфликтов, осуждения и порицания со стороны значимых лиц.

По результатам исследования было выявлено, что между группой с высоким уровнем личностной тревожности и группой со средним и низким уровнем личностной тревожности существуют статистически значимые отличия по таким параметрам как, потребность в социальном одобрении, честность. Более высокий уровень потребности в одобрении в группе с высоким уровнем личностной тревожности, по сравнению с группой респондентов со средним и низким уровнем личностной тревожности, обусловлен тем, что социальное одобрение и внешняя поддержка крайне важны для высоко тревожных респондентов.

Более низкий уровень честности респондентов с высоким уровнем личностной тревожности также обусловлен влиянием социальной желательности ответов. Респонденты могут утаивать и искажать информацию, проявляя недоверие по отношению к партнеру по коммуникации или несогласие с его поведением, стремясь таким образом сократить контакт и снизить интенсивность негативных переживаний, связанных с неприятным или нежелательным диалогом.

В ходе тестирования, склонность респондентов ко лжи исследовалась завуалировано. Респонденты не предполагали истинную направленность методик и демонстрировали высокую тенденцию к социальной желательности и приукрашиванию информации о себе, чтобы произвести на интервьюера лучшее впечатление. В то же время при инструментальном обследовании респонденты были однозначно осведомлены о проверке ответов

на честность с помощью полиграфа. Данная осведомленность способствовала предоставлению более честных ответов, поскольку респонденты осознавали, что их ложь будет вскрыта, что может привести к нежелательным последствиям, таким как осуждение, влияние на результаты собеседования, что способствовало усилению тревоги.

Взаимное влияние данных разнонаправленных тенденций – стремление представить себя в более выгодном и привлекательном свете, умолчав о социально-неприемлемых качествах и поступках, при одновременном страхе продемонстрировать собственную нечестность, быть пойманным на лжи, повлекло за собой снижение числа лгущих среди респондентов с высоким уровнем личностной тревожности в рамках психодиагностического обследования.

Таким образом, высокий уровень личностной тре-

возности прямо взаимосвязан со склонностью ко лжи и сокрытию информации. Для высоко тревожных респондентов сокрытие информации представляет собой один из вариантов совладающего поведения, который позволяет снизить уровень тревожности и эмоционального напряжения, связанный с риском осуждения, негативной реакции, конфликта со значимым лицом или окружающими, при этом позволяет сформировать у собеседника социально желательное, благоприятное впечатление о себе, умолчав о нежелательных поступках, качествах или убеждениях.

В различных ситуациях респонденты могут использовать разные поведенческие стратегии. Так, будучи осведомлены о перепроверке предоставляемых сведений и выявлении ложных ответов, респонденты стремятся избегать прямой лжи, склоняясь к более пассивным методам, таким как умалчивание информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровский, Д.И. Обман. Философско-психологический анализ [Текст] / Д.И. Дубровский. – М.: Канон РООИ «Реабилитация», 2014. 336 с.
2. Молчанов, А.Ю. Инструментальная детекция лжи. Школа отечественного полиграфа [Текст] / А.Ю. Молчанов, О.С. Картамцева, М.И. Федорук. – М.: Международная академия исследования лжи, Школа полиграфологов «Финист», 2023. – 464 с.
3. Наварро, Д. Я вижу, о чем вы думаете [Текст] / Д. Наварро, М. Карлинс. – Минск: Попурри, 2018. – 352с.
4. Спирица, Е. Психология лжи и обмана: как разоблачить лжеца [Текст] / Е. Спирица. – СПб.: Питер, 2016. – 272с.
5. Башкатов С.А., Гайнуллина С.М. Характеристика феномена лжи в отечественной и зарубежной психологии [Электронный ресурс] // Психология. Психопсихология. 2020. №3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-fenomena-lzhi-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-psihologii> (дата обращения: 10.11.2023).
6. Ивакин, С.Е. Психологические особенности личности, влияющие на сокрытие информации при опросе с использованием полиграфа [Электронный ресурс] / С.Е. Ивакин, В.А. Куташов, Д.Н. Припутневич // Молодой ученый. — 2016. — №2. — С. 335-339. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/106/24879/> (дата обращения: 10.11.2023).
7. Корепанова, Н.Л. Тревожность. Её причины и следствия [Электронный ресурс] / Н.Л. Корепанова, О.В. Лебедева // Научнометодический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 28. – С. 35–37. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2016/56462.htm> (дата обращения: 10.11.2023).
8. Обносов В.Н. тревожность как проявление стресса [Электронный ресурс] // Наука и образование. 2023. №1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/trevozhnost-kak-proyavlenie-stressa> (дата обращения: 10.11.2023).
9. Романенко О.Н. Классические представления о тревожности [Электронный ресурс] // Форум молодых ученых. 2019. №3 (31). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassicheskie-predstavleniya-o-trevozhnosti> (дата обращения: 10.11.2023).
10. Складорова Е.А., Пасько Е.В. Вежливость как форма лжи в профессиональном взаимодействии [Электронный ресурс] // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2015. №4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vezhlivost-kak-forma-lzhi-v-professionalnom-vzaimodeystvii> (дата обращения: 10.11.2023).

© Молчанов Андрей Юрьевич (molchanov.61@mail.ru), Молчанова Елизавета Андреевна (molchanovalisa6@gmail.com),
Мартьянова Людмила Михайловна (kurator@studylie.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИКИ ДИАГНОСТИКИ И РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У ДОШКОЛЬНИКОВ

MODERN METHODS OF DIAGNOSIS AND DEVELOPMENT OF EMOTIONAL INTELLIGENCE IN PRESCHOOLERS

E. Nechaeva

Summary: The article substantiates the relevance of the study of emotional intelligence of preschoolers as a factor affecting well-being, success and quality of life as a person grows up. The chronology of the emergence of quantitative and projective diagnostic methods for emotional intelligence of preschoolers has been reconstructed. Several methods of developing the emotional intelligence of preschoolers, which are currently used in practice, are analyzed. Based on the results of the analysis, gaps in existing methods of developing emotional intelligence have been identified. Conclusions are drawn about the need to develop an integrated diagnostic approach. As a possible solution to the problem of developing emotional intelligence in preschoolers, the author suggests the use of pet therapy, a technique that has already proven itself well in adult samples.

Keywords: emotional intelligence, preschool child development, methods of diagnosing emotional intelligence, methods of developing emotional intelligence, pet therapy.

Нечаева Элла Анатольевна

*Аспирант, Московский институт психоанализа
mentaliti@inbox.ru*

Аннотация: В статье обоснована актуальность исследования эмоционального интеллекта дошкольников как фактора, влияющего на благополучие, успешность и качество жизни по мере взросления человека. Реконструирована хронология появления количественных и проективных методик диагностики эмоционального интеллекта дошкольников. Проанализировано несколько методик развития эмоционального интеллекта дошкольников, которые применяются в практике на данный момент. По результатам анализа определены пробелы в существующих методиках развития эмоционального интеллекта. Сделаны выводы о необходимости разработки комплексного диагностического подхода. В качестве возможного решения проблемы развития эмоционального интеллекта дошкольников автор предлагает применение пет-терапии – методики, которая уже хорошо зарекомендовала себя в выборках взрослых.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, развитие дошкольника, методики диагностики эмоционального интеллекта, методики развития эмоционального интеллекта, пет-терапия.

Недостатком современного школьного воспитания является тот факт, что имеет место явный уклон в сторону когнитивного развития ребёнка, а его эмоциональная жизнь и умение выстраивать взаимоотношения с другими людьми, как правило, изначально выносятся за рамки педагогического процесса. Неудивительно, что ребёнок, с детства психологически не ориентированный на другого человека, не формирует у себя достаточного опыта социального взаимодействия, в результате чего, уже став взрослым человеком, не имеет достаточных знаний и навыков для выстраивания взаимоотношений с окружающими.

В основе имеющейся проблемы лежит несформированность механизма быстрой адаптации к новым условиям, к эффективному решению коммуникативных задач при личностных и профессиональных отношениях. Иначе говоря, проблема заключается в низком показателе уровня эмоционального интеллекта человека.

Необходимо отметить, что необходимость формирования прекрасно эмоционального интеллекта осознаётся в системе отечественного образования и потому заложена в образовательных программах всех уровней обучения, начиная с дошкольного, когда и должен закла-

дываться его фундамент. Например, ФГОС дошкольного образования уже рассматривает эмоциональный интеллект в качестве элемента социально-коммуникативного развития ребёнка, и это относится к возрасту от 2-х месяцев – и так до 7 лет [13].

Вместе с тем, при всей важности этой задачи её решение объективно является весьма сложным делом: понимание сущности эмоционального интеллекта, а потому и отграничения его от смежных феноменов, таких как эмоциональные процессы и состояния, самооценки и т.п., всё ещё не существует; неясными остаются и механизмы и условия развития эмоционального интеллекта у детей и возможности и способы психолого-педагогического воздействия на него в этом возрасте. Поэтому ситуация с методиками развития эмоционального интеллекта у дошкольников всё ещё далека от эталонной – такие методики следует и далее активно разрабатывать, и совершенствовать.

Именно поэтому данная статья имеет своей целью анализ современных методик развития эмоционального интеллекта дошкольников. Всесторонний анализ поможет выявить перспективы совершенствования данных методик. В качестве основного метода исследования

выбран анализ научно-методической литературы, посвященной исследованиям эмоционального интеллекта дошкольников. Применены общенаучные системный, аналитический, синтетический и логический подходы.

Вначале приведем краткий обзор методологических подходов к изучению и развитию эмоционального интеллекта, которые существуют в науке, в целом, на данный момент. Исследовательский интерес к сущности интеллекта человека, проявлявшийся учёными в последние десятилетия, привёл к выявлению зависимости между способностями к собственно когнитивной деятельности индивида и свойствами его личности. Было установлено, что наряду с когнитивными составляющими интеллекта значительную роль играют социальная и, в особенности, эмоциональная его составляющие – в итоге появилась концепция эмоционального интеллекта; профессиональное изучение его было положено в 1990 г. исследованием Дж. Мейер, П. Саловей [21]. Тогда же были проведены измерения интеллектуального коэффициента как меры развития интеллекта и дано научное определение эмоционального интеллекта – как «способность отслеживать собственные и чужие чувства и эмоции, различать их и использовать эту информацию для направления мышления и действий» [21, с. 39]. Позднее Р. Бар-Он создал эффективный психометрический тест, предназначенный для измерения уровня эмоционального интеллекта [17]. Наконец, на стыке тысячелетий Д. Големан предложил разработанную им на основе модели Майера-Саловей-Карузо – интегрировав в неё ряд когнитивных способностей человека – смешанную модель эмоционального интеллекта [19].

Руководствуясь методологическими положениями, сформулированными перечисленными выше учеными, последующие исследователи разработали значительное количество методик, направленных на диагностику эмоционального интеллекта.

В 1997 г. Н. Шутте был разработан тест эмоционального интеллекта, представляющий собой количественную, основанную на самоотчёте методику со шкалами «понимание» и «управление эмоциями», образующими интегральную шкалу эмоционального интеллекта [22].

В 2000 г. Т. Грабенко и Т. Зинкевич-Евстигнеевой была разработана проективная методика «Волшебная страна чувств», оценивающая ментальную и эмоциональную деятельность, коммуникативные функции, творческие и негативные переживания ребёнка [3].

В 2001 г. создан Тест EQ по методике Н. Холла – это количественная, основанная на самоотчёте методика, позволяющая оценить эмоциональный интеллект по таким шкалам как эмоциональная осведомленность, управление своими эмоциями, самомотивация, управление эмоциями других людей [14].

В 2002 г. Дж. Майер, П. Саловэй, Д. Карузо создана количественная методика MSCEITV2.0, в основе которой лежат задачи на распознавание и применение эмоций. Методика имеет четыре шкалы: идентификация эмоций, использование эмоций в решении проблемы, понимание и анализ эмоций, сознательное управление эмоциями [20].

В 2003 г. О.А. Ореховой разработана проективная методика «Домики», определяющая степень дифференцированности – обобщённости эмоциональной сферы ребенка, субъективную эмоционально-ценностную систему, деятельностные ориентации, предпочтения видов деятельности, личностные отношения и варианты личностного развития ребёнка [8].

В 2004 г. М.А. Манойловой разработана количественная методика МЭИ – авторская методика диагностики эмоционального интеллекта, основанная на самоотчёте. Шкалы методики: осознание своих чувств и эмоций, управление своими чувствами и эмоциями, осознание чувств и эмоций других людей, управление чувствами и эмоциями других людей [5].

В 2005 г. Н.Я. Семаго и М.М. Семаго предложена проективная методика «Метаморфозы», дающая представления о скрытых потребностях, защитах и опасениях, а также стратегиях самопредъявления ребёнка [10].

В 2006 г. Д.В. Люсиным представлена количественная, самоотчётная методика ЭМИн, содержащая шкалы: понимание чужих эмоций, управление чужими эмоциями, понимание своих эмоций, управление своими эмоциями, контроль экспрессии, межличностный эмоциональный интеллект, внутриличностный эмоциональный интеллект, понимание эмоций, управление эмоциями, общий уровень эмоционального интеллекта [4].

В 2008 г. М.А. Нгуен представил проективные методики «Дорисовывание: мир вещей – мир людей – мир эмоций» и «Три желания», позволяющих определить эмоциональную ориентацию ребёнка на мир людей или вещей, на себя или на других и уровень развития его эмоционального интеллекта [7].

В 2016 Ю.А. Афонькиной был разработан комплекс количественных и проективных методик диагностики: понимание своих эмоциональных состояний, понимание эмоциональных состояний людей, изучение эмоционально-волевой саморегуляции. Определяется способность понимать эмоции, способность распознавать эмоции, способность управлять эмоциями [1].

В 2017 г. Т.Д. Савенкова разработала количественную методику диагностики базовых параметров эмоционального интеллекта дошкольника, основанную на наблюдениях педагога и решении ребёнком практических

задач. Шкалы методики: понимание эмоций других людей, выражение собственных эмоций, управление своими эмоциями и поведением [9].

В 2019 г. С. Шабановым и А. Алешиной разработан количественный, основанный на самоотчёте, опросник-тест эмоционального интеллекта (EISAI-2019) со шкалами: осознание своих эмоций, осознание эмоций других людей, управление своими эмоциями, управление эмоциями других людей [16].

В 2020 г. О.А. Токаревой, А.В. Серым, М.С. Яницким создана компьютерная программа «EQ,ДЕТИ», позволяющая оценить: элементарный эмоциональный праксис, перцептивный и языковой компоненты эмоционального интеллекта, смысловой компонент эмоционального интеллекта, регулятивный компонент эмоционального интеллекта, интегральный уровень актуального развития эмоционального интеллекта ребенка. Для оценки дети выполняют задания на изображение и артикуляция эмоций, решают задачи на идентификацию эмоций и сформированность языка эмоций, выполняют задания на актуализацию эмоциональных состояний и эмоциональную фасилитацию мышления, а также задания для определения поведенческих реакций [12].

В 2022 г. М. Бартроли с соавторами разработан количественный опросник оценки эмоциональной компетентности (ЕСАQ) для детей в возрасте от 3 до 5 лет, основанный на оценке и самооценке педагога. Шкалы методики: регулирование эмоций, оценка успеваемости испытуемых, социальная компетенция [18].

Рассмотрим далее ключевые составляющие современных и применяющихся на практике методик развития эмоционального интеллекта дошкольников. Для этого нами были проанализированы следующие программы:

- «Радуга эмоций» – программа основана на приёмах арт-терапии [11],
- «Путешествие в прекрасное», включающая в себя микропространство «Настроение и мимика в лицах», представленное специально подобранной и понятной для дошкольников портретной живописью и возможностью игр, нацеленных на осознание эмоционального отклика на художественные произведения, уголок творческого экспериментирования «Сделаю сам, себе и вам», в котором дети могут самовыражаться в творчестве с помощью разнообразных художественных материалов и инструментов [6],
- «Мы фантазеры», основанная на экспромте и импровизации в области словесной, музыкальной, театральной, танцевальной деятельности [2],
- комплекс психолого-педагогических мероприятий «Сказочные эмоции», представленный игровыми сказками, этюдами и упражнениями [15].

Целью методик, вне зависимости от их формы и содержания, является развитие эмоционального интеллекта дошкольников. Задачи методик разнообразны, поэтому нами выделены ключевые задачи, решение которых предполагается в каждой методике. Задачи были разделены нами на обучающие, развивающие и воспитательные.

К обучающим задачам методик развития эмоционального интеллекта дошкольников отнесены: формирование у детей представлений о чувствах и эмоциональных состояниях человека; формирование представлений о способах выражения эмоций; обучение распознаванию эмоций; определение особенностей собственного ощущения эмоций; формирование умения контролировать себя и проявление своих эмоций; обучение определению причин возникновения эмоций.

К развивающим задачам отнесены: формирование осознания нормальности и управляемости эмоционального состояния; поиск эффективной индивидуальной формы управления эмоциями; развитие принятия способности различать эмоции; развитие навыков выражения эмоций.

К воспитательным задачам отнесены: создание мотивации к познанию эмоций; формирования позитивного отношения к себе и к миру.

Решение поставленных задач осуществляется с помощью ряда техник и приёмов, таких как беседа, тренинги, приёмы арт-терапии и сказкотерапии и т.д. Арт-терапевтические техники эффективны для развития эмоционального интеллекта за счёт спонтанности детского творчества, отсутствия рациональных ограничений, присущих взрослым. Интерпретации народных сказок также позволяют детям интериоризировать понятия добра и зла, прочувствовать эмоциональный мир сказочных героев.

Игры как ведущая деятельность дошкольного возраста обладают почти неисчерпаемым потенциалом в области развития эмоционального интеллекта ребенка. Особенно плодотворны театрализованные игры – игры в форме представлений, которые разыгрываются по литературным произведениям с помощью мимики и делаются на игры драматизации, предполагающие отретированное исполнение конкретных ролей и игры-импровизации, проходящие без предварительной репетиции.

Анализ представленных методики диагностики и развития эмоционального интеллекта дошкольников показал отсутствие единства учёных в понимании феномена эмоционального интеллекта. Этот факт определяет существование множества диагностических методик, как количественных, так и проективных, как основанных на

самооценке, так и на решении задач. Преимущественно представлены количественные методики, основанные на самоотчёте или решении задач, причём новые количественные методики появляются практически ежегодно, тогда как новые проективные методики отсутствуют.

Также наблюдается тенденция к формированию комплексного подхода, включающего в себя совокупность или элементы признанных надёжными и валидными диагностических методик оценки эмоционального интеллекта. Потребность в таком подходе определяется разнообразием задач, для решения которых необходима оценка эмоционального интеллекта.

В частности, важную задачу диагностика эмоционального интеллекта выполняет при реализации разнообразных программ его развития. Очевидно, что исследование эффективности методик развития эмоционального интеллекта невозможно без его оценки тем или иным способом до и после применения методики. Поэтому перспективным направлением дальнейших исследований представляется разработка и совершенствование комплексного подхода к диагностике эмоционального интеллекта.

Результаты анализа методик диагностики и развития эмоционального интеллекта дошкольников позволяют сделать вывод, что существует пробел в области применения комплексного подхода к данной проблеме. Так, знакомство детей с эмоциями предполагает демонстрацию им статичных или динамичных образов человека или сказочного персонажа в определённом эмоциональном состоянии, но такие образы требуют или актёрского мастерства, или художественной обработки, а значит, эти эмоции опосредованы человеком и предъявляются детям через призму индивидуального восприятия и воспроизведения эмоций. В этом случае существует вероятность искажения и возникновения затруднений в определении и распознавании эмоций.

Эта исследовательская лакуна требует применения нестандартных подходов к проблеме, одним из которых может являться пет-терапия, то есть развитие эмоционального интеллекта дошкольников через взаимодействие с животными. В данный момент автор статьи проводит экспериментальное исследование психо-коррекционной методики пет-терапия (фелинотерапия) в рамках развития и формирования эмоционального интеллекта у детей в возрасте от 5 до 7 лет, результаты исследования будут опубликованы в научных изданиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афонькина, Ю.А. Диагностика эмоционального интеллекта у дошкольников // *Детский сад: теория и практика*. – №4. – 2014. – С. 7-17.
2. Енгибарян, С. А. Развитие эмоционального интеллекта в дошкольной образовательной организации посредством творческой импровизации / С. А. Енгибарян // *Развитие и воспитание личности в современном образовательном пространстве: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции*, Армавир, 20–21 ноября 2018 года. – Армавир: РИО АГПУ, 2018. – С. 71-75.
3. Зинкевич-Евстигнеева, Т. Д. Игры в сказкотерапии / Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева, Т. М. Грабенко ; Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева, Т. М. Грабенко. – Санкт-Петербург : Речь, 2006. – 208 с. – (Технологии института сказкотерапии). – ISBN 5-9268-0410-8.
4. Люсин, Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭИИ / Д. В. Люсин // *Психологическая диагностика*. – 2006. – № 4. – С. 3-22.
5. Манойлова, М.А. Эмоциональный интеллект будущего педагога: акмеологическая диагностика и методы развития / М. А. Манойлова ; Федеральное агентство по образованию Российской Федерации, Псковский гос. пед. ун-т им. С. М. Кирова, Акад. акмеологических наук. - Москва : Paleograph Press, 2008. - 127 с.
6. Микляева, Г.Ф. Развитие эмоционального интеллекта у дошкольников посредством ознакомления с портретной живописью / Г. Ф. Микляева // *Современное образование в островном регионе: научно-методическое сопровождение деятельности педагогов в условиях федеральных государственных образовательных стандартов: Материалы II областной научно-практической конференции*, Южно-Сахалинск, 30 марта 2017 года. – Южно-Сахалинск: Государственное бюджетное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Институт развития образования Сахалинской области», 2017. – С. 66-71.
7. Нгуен, М. А. Психологические особенности формирования эмоционального интеллекта старших дошкольников (на примере российских и вьетнамских детей) : специальность 19.00.07 «Педагогическая психология» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Нгуен Минь Ань. – Тамбов, 2008. – 24 с.
8. Орехова, О. А. Особенности развития эмоциональной сферы у детей дошкольного и школьного возраста : специальность 19.00.13 «Психология развития, акмеология» : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Орехова Ольга Александровна. – Санкт-Петербург, 2007. – 199 с.
9. Савенкова, Т. Д. Методика диагностики базовых параметров эмоционального интеллекта дошкольника / Т. Д. Савенкова // *Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология*. – 2017. – № 3(41). – С. 47-53.
10. Семаго, Н.Я. Теория и практика оценки психического развития ребенка: дошк. и мл. шк. возраст / Н.Я. Семаго, М.М. Семаго; Н. Семаго, М. Семаго. – СПб.: Речь, 2005. – 373 с. – (Мэтры мировой психологии). – ISBN 5-9268-0341-1.
11. Скрудзис, Т. Использование арт-терапевтических техник в развитии эмоционального интеллекта дошкольников / Т. Скрудзис, К. Курзова // *Культура инклюзии: проблемы, условия, факторы реализации: материалы всероссийской научно-практической конференции*, Екатеринбург, 25–26 января 2016

- года. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2016. – С. 189-195.
12. Токарева, О.А. Диагностика эмоционального интеллекта детей 5-7 лет с использованием компьютерной программы «EQ-дети» / О.А. Токарева, А.В. Серый, М.С. Яницкий // Сибирский психологический журнал. – 2020. – № 77. – С. 153-175. – DOI 10.17223/17267080/77/8.
 13. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования. https://shkolastarotimoshkinskaya-r73.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/userfiles/DetSad/FGOS_DO_v_deystvuyushey_redaktsii_s_17.02.2023.pdf. (дата обращения 14.09.2024)
 14. Фетискин, Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М.: Изд-во Института Психотерапии. 2002. – 490 с.
 15. Чернобровкин, В.А. Использование сказочного материала в развитии эмоционального интеллекта детей дошкольного возраста / В.А. Чернобровкин, Д.В. Тупикина, Ю.В. Карлова, С.А. Повайба // Современные наукоемкие технологии. – 2021. – №1. – 137–141.
 16. Шабанов С., Алешина А. Эмоциональный интеллект в сложных коммуникациях. – М.: Манн, Иванов и Фербер. 2022. – 288 с.
 17. Bar-On, R. BarOn emotional quotient inventory: a measure of emotional intelligence (technical manual) / R. Bar-On. – Toronto, Canada: Multi-Health Systems, Inc, 1997.
 18. Bartroli, M. The Emotional Competence Assessment Questionnaire (ECAQ) for Children Aged from 3 to 5 Years: Validity and Reliability Evidence / M. Bartroli, A. Angulo-Brunet, M. Bosque-Prous, C. Clotas, A. Espelt // Education Sciences. – 2022. – №12(7). – P. 489. <https://doi.org/10.3390/educsci12070489>
 19. Goleman, D. Working with Emotional Intelligence. – New York: Bantam books, 2000. – 512 p.
 20. Mayer, J.D., Salovey, P., Caruso, D.R., & Sitarenios, G. Measuring emotional intelligence with the MSCEIT V2.0 / J.D. Mayer, P. Salovey, D.R. Caruso, G. Sitarenios // Emotion. – 2003. – №3(1). Pp. 97–105. <https://doi.org/10.1037/1528-3542.3.1.97>
 21. Mayer, J.D. Emotional Intelligence / J.D. Mayer, P. Salovey. – N.Y., 2005. – 380 p.
 22. Schutte, N.S. Comment on developments in trait Emotional intelligence research: A Broad perspective on Trait Emotional intelligence / N.S. Schutte, J.M. Malouff // Emotion Review. – 2016. – №8(4). – Pp. 343–344. <https://doi.org/10.1177/1754073916650499>.

© Нечаева Элла Анатольевна (mentaliti@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИФИКА РАБОЧЕЙ ПАМЯТИ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ УГЛУБЛЁННОЙ ПОДГОТОВКИ

Славутская Алиса Евгеньевна

Аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)
aliseslav@gmail.com

THE SPECIFICS OF ADOLESCENT WORKING MEMORY IN THE CONTEXT OF ADVANCED TRAINING

A. Slavutskaia

Summary: The study of executive functions (EF) has been a significant area of research in recent years, as it is essential for human independence and success. This study focuses on the working memory, one of the core components of EF, among teenage students in a lyceum. The goal of this research is to investigate the specifics of adolescent working memory in the context of advanced training.

To achieve this goal, a computerized «Interference» technique developed by Razumnikova O.M was employed. The study analyzed the working memory capacity across each experimental series, as well as the impact of mechanisms such as Retrieval-Induced Forgetting and Retrieval-Based Learning.

Keywords: working memory, adolescence, executive function, working memory capacity, advance training.

Аннотация: Актуальной темой исследования последних лет остаётся изучение исполнительных функций (ИФ), так как их развитие необходимо для самостоятельности и успешности человека. В данной работе представлено исследование рабочей памяти (одной из основных ИФ) подростков-лицеистов. Цель данного исследования: выявление специфики рабочей памяти подростков в условиях углублённой подготовки.

В работе использовалась компьютеризированная методика «Интерференция» Разумниковой О.М. Для анализа оценивались объёмы рабочей памяти в каждой экспериментальной серии и влияние таких механизмов, как «забывание, обусловленное воспроизведением» и «обучение, обусловленное воспроизведением».

Ключевые слова: рабочая память, подростковый возраст, исполнительные функции, объём рабочей памяти, углублённое обучение.

Введение

Исполнительная функция (ИФ) – это совокупность когнитивных процессов, необходимых, когда инстинктивное поведение неэффективно или невозможно. ИФ – элемент познания более высокого порядка, важный для различных навыков и умений, таких как общение, академическая подготовка и регулирование эмоций. Они относятся к ряду когнитивных функций высокого порядка, которые необходимы для обеспечения физического и психического здоровья, а также успеха в учебе и карьере. Выделяют три основные исполнительные функции: тормозный контроль, рабочую память и когнитивную гибкость [9].

Среди них рабочая память относится к способности временно хранить информацию и манипулировать ею. В современном представлении рабочую память связывают с префронтальной корой [1]. От других видов памяти рабочая память отличается тем, что содержит в себе постоянно меняющуюся информацию. Для количественной оценки возможностей рабочей памяти широко используется объём рабочей памяти для инкапсуляции информации как на этапах хранения, так и на этапах обработки [10].

В настоящее время выделяется два механизма ра-

бочей памяти «забывание, обусловленное воспроизведением» (Retrieval-Induced Forgetting, RIF) и «обучение, обусловленное воспроизведением» (Retrieval-Based Learning, RBL). Первый механизм также называют проактивной интерференцией или консолидацией, необходимым условием для действия этого механизма является схожесть предъявляемых стимулов. Процесс обучения называют реконсолидацией. В данном случае, процесс «воспоминания» не может осуществляться без предъявления стимула, но использование памяти перед обучением новому опыту ведёт её к реорганизации [2]. В зарубежных исследованиях RIF на выборке взрослых людей утверждается, что принятие во внимание этого механизма позволит расширить человеческую память [8].

Существуют данные об особенностях рабочей памяти в дошкольном и младшем школьном возрасте. В дошкольном возрасте было выявлено, что на объём рабочей памяти при первом воспроизведении и наличие механизмов забывания и обучения, обусловленных воспроизведением, могут влиять различные факторы, в том числе, уровень образования и возраст матери [3]. В исследовании у младших школьников было показано, что объём рабочей памяти увеличивается с возрастом ребёнка, при этом, к возрасту 10 лет с увеличением объёма памяти и действия механизма обучения, увеличивается влияние механизма забывания, по сравнению с более

младшими детьми. [4] Из проведённых исследований в подростковом возрасте было выявлено, что для подростков с разным уровнем учебной мотивации характеры различия уровня развития исполнительных функций. Так, например, у группы семиклассников с высоким уровнем учебной мотивации в среднем отсутствовал механизм забывания, обусловленного воспроизведением, что является показателем их высокой обучаемости [5].

Данные о методике исследования

Для анализа тормозных функций в процессах памяти использовалась компьютеризированная методика «Интерференция» Разумниковой О.М. [6]. В рамках данной методики подростку необходимо свободно запоминать объекты, которые предъявлялись в случайном порядке внутри одной серии. Согласно инструкции учащийся должен был каждый раз выбирать новый (не выбранный ранее) объект с помощью курсора. Первое предъявление стимула состоит в появлении на экране 3 объектов (всего набор насчитывает 30 объектов природы, отличающихся по виду, цвету и ориентации в пространстве). Каждое последующее предъявление содержит уже отмеченный объект и случайные объекты из набора, при этом общее количество объектов с каждым предъявлением увеличивается на один. Всего методика содержит три экспериментальные серии, окончание каждой из которых было обусловлено повторным выбором объекта. Временные ограничения отсутствуют.

Все данные обрабатывались в программе «Jamovi».

Экспериментальная часть

Эмпирическое исследование было осуществлено на базе ГБОУ «Президентский физико-математический лицей №239» в Санкт-Петербурге. Данное учреждение

является нетиповой общеобразовательной организацией для обучающихся, проявивших выдающиеся способности, а также обучающихся, добившихся успехов в учебной деятельности, научной (научно-исследовательской) деятельности в области точных, естественных наук и информационно-коммуникационных технологий и осуществляет реализацию образовательных программ основного общего и среднего общего образования, обеспечивающих углубленное изучение отдельных учебных предметов, предметных областей. В исследовании участвовали 76 учащихся в возрасте от 12 до 17 лет. Частотная характеристика представлена в табл.1. Цель данного исследования: выявление специфики рабочей памяти подростков в условиях углублённой подготовки (углублённое изучение физики и математики). (Таб. 1.)

Для анализа результатов учитывались следующие величины: «Объём 1», «Объём 2», «Объём 3» – величины, показывающие объём рабочей памяти (количество верно запомненных объектов) учащегося в первой, второй и третьей серии соответственно. Наличие эффектов «обучение, обусловленное воспроизведением» (RBL) и «забывание, обусловленное воспроизведением» (RIF) описывалось величинами «Обучение» и «Забывание» соответственно. Эти величины определялись разницей между количеством объектов первой и второй и второй и третьей серий. (Таб. 2.)

По результатам (из табл. 2) была выявлена тенденция увеличения объёма рабочей памяти при выполнении первой серии с возрастом подростка, что согласуется с физиологическими исследованиями, согласно которым префронтальная кора, с которой связана рабочая память, активно развивается в подростковом возрасте. Результаты зарубежных исследований также подтверждают, что в подростковом возрасте продолжается медленный рост объёма рабочей памяти. [7] (Рис. 1.)

Таблица 1.

Частотная характеристика выборки

Группа/класс учащихся	Количество		Возраст, лет	Пол			
				Муж		Жен	
	всего	%		всего	%	всего	%
7 класс	35	46	13,0±0,4	28	37	7	9
8-9 класс	24	32	15,0±0,7	13	17	11	15
10-11 класс	17	22	16,5±0,5	14	18	3	4

Таблица 2.

Средние значения показателей рабочей памяти

Группа/класс учащихся	Объём 1	Объём 2	Объём 3	Обучение	Забывание
7 класс	15,1±8,2	13,8±8,5	14,1±7,8	1,3±0,8	1,3±0,7
8-9 класс	18,0±7,4	11,3±6,7	16,6±7,9	1,4±0,8	1,5±0,8
10-11 класс	19,4±6,4	15,8±8,0	14,6±7,8	0,9*±0,7	1,5±0,6

Примечание: * Различия значений у группы 8-9 класса и 10-11 классов $p < 0,05$.

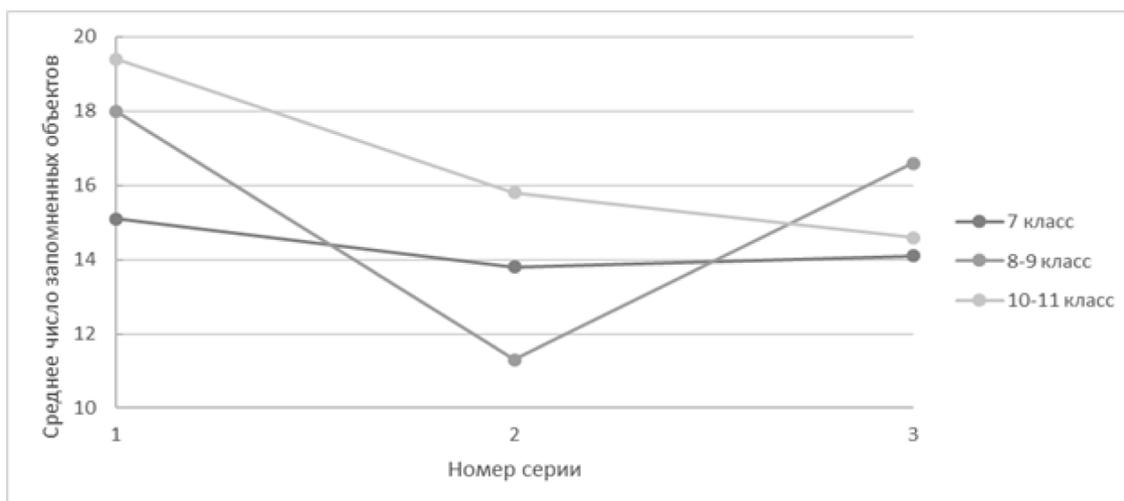

Рис. 1. Результаты исследования объемов рабочей памяти в каждой серии

Из рис. 1 можно сделать следующие выводы. В 7 классе у подростков наблюдаются слабовыраженные процессы обучения и забывания при воспроизведении, среднее количество запомненных объектов в каждой серии у данной группы остаётся равным. В 8-9 классах наблюдается выраженный процесс интерференции – среднее число запомненных объектов во второй серии по сравнению с первой сокращено почти на 40%, при этом число запомненных объектов в третьей серии почти достигает первоначального объёма (62% подростков из этой группы запомнили в 3 серии больше или столько же объектов, чем в 1 серии). Характерным механизмом рабочей памяти у учащихся 10-11 классов стало «забывание, обусловленное воспроизведением», статистически значительно сократилось значение величины «обучение» (только у 18% учащихся этой группы сильно выражен механизм «обучения, обусловленного воспроизведением», а у 23% этот механизм не выявлен вовсе). Таким образом, можно сделать вывод, что у старшеклассников сильно выражено действие проактивной интерференции.

Заключение

Как показывают результаты работы, среди параметров рабочей памяти у подростков-лицейстов можно выделить объём рабочей памяти, механизм «обучения, обусловленного воспроизведением» и механизм «забывание, обусловленное воспроизведением».

Объём рабочей памяти, оценивающийся в первой серии эксперимента, имеет тенденцию к увеличению с увеличением возраста учащегося. Таким образом, у группы 10-11 класса самый большой объём рабочей памяти в 1 серии, а у группы учащихся 7 класса самый маленький.

Результаты проведённого исследования могут служить основой для организации обучения, так как демонстрируют возрастные особенности развития исполнительных функций у подростков. Выраженное действие механизма «обучения, обусловленного воспроизведением» демонстрирует потенциальный прогресс при вовлечении и структуризации прошлого опыта с целью обретения нового.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаева Е.И., Вергунов Е.Г. Что такое «executive functions» и их развитие в онтогенезе // Теоретическая и экспериментальная психология. 2017. №2. С. 62-81.
2. Созинов, А.А. Эффект интерференции в изучении психологических структур // Экспериментальная психология. 2013. № 1. С. 5–47.
3. Николаева Е.И., Сиверцева К.В. Факторы, предопределяющие эффективность рабочей памяти и тормозного контроля в дошкольном возрасте // Вестник психофизиологии. 2021. №1. С. 48-54.
4. Теплова, О.А. Сравнительный анализ механизмов рабочей памяти у детей в возрасте от 3-х до 12 лет // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. № 5. С. 1-7.
5. Славутская А.Е., Дунаевская Э.Б. Специфика исполнительных функций у подростков // Вестник психофизиологии. 2022. № 3. С. 51-59.
6. Программный комплекс для определения характеристик зрительно-пространственной памяти / Разумникова О.М., Савиных М.А. Санкт-Петербург: 2016. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39351084>.
7. Ahmed S.F., Ellis A., Ward K.P., Chaku N., Davis-Kean P.E. Working memory development from early childhood to adolescence using two nationally representative samples // Dev Psychol. 2022. P. 1962-1973.
8. Cinel C., Cortis Mack C., Ward G. Towards augmented human memory: Retrieval-induced forgetting and retrieval practice in an interactive, end-of-day review // J Exp Psychol Gen. 2018. P. 632-661.

9. Crenshaw K.C., Miller S.E. Creativity and executive function in school-age children: Effects of creative coloring and individual creativity on an executive function sorting task // *Psi Chi Journal of Psychological Research*. 2022. P. 81–90.
 10. Gong Z., Miao K., Liu X., Luo M., Yu Y., Chen Z. A Positive Association between Working Memory Capacity and Human Creativity: A Meta-Analytic Evidence // *J. Intell.* 2023. P/15 <https://www.mdpi.com/2079-3200/11/1/15> (дата обращения: 29.07.2024)
-

© Славутская Алиса Евгеньевна (aliseslav@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ НЕЙРОДИНАМИЧЕСКОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ РОДИТЕЛЯ НА ЭФФЕКТИВНУЮ КОРРЕКЦИЮ ДЕТЕЙ С ОВЗ, РАС, СДВГ

Суворова Ольга Владимировна

Нейропсихолог, руководитель центра СОВа с нейрокоррекцией детей ОВЗ
centrsova@yandex.ru

Ягудин Дмитрий Рустамович,

Доктор психологических наук, клинический психолог,
Председатель правления НКО «Единство»
dr.yagudin@mail.ru

THE INFLUENCE OF NEURODYNAMIC RECOVERY OF A PARENT ON THE EFFECTIVE CORRECTION OF CHILDREN WITH DISABILITIES, ASD, ADHD

**O. Suvorova
D. Yagudin**

Summary: The author's article examines the features of neurocognitive development, as well as the essence and specifics of interaction between parents and children in the presence of family risk of attention deficit hyperactivity disorder (ADHD), limited health opportunities (HIA), autism spectrum disorders (ASD). In the context of this study, the author conducted a diagnosis of the number and types of sanogenic and protective reflection on emotions formed in parents with fear of resentment, shame, guilt, failure. To assess the condition of children with disabilities, ASD and ADHD, an Autism Treatment Evaluation Checklist was conducted. After conducting appropriate tests with a group of parents, work was carried out on neurodynamic recovery, which showed positive results in correcting the group of children in question, as well as increased the level of the psycho-emotional state of the parents. The conducted research allowed us to conclude that the neurodynamic recovery of parents contributes to the improvement of the psycho-emotional state of parents, and in the context of the relationship between a parent and a child with disabilities, ASD and ADHD acts as a factor of mitigation and protection in the manifestation of their cognitive, emotional and behavioral characteristics.

Keywords: autism spectrum disorders, limited health opportunities, attention deficit hyperactivity disorder, neurodynamic recovery, correction, child-parent interaction.

Аннотация: В авторской статье проведено исследование особенностей нейроразвития, а также сущности и специфики взаимодействия родителей с детьми при наличии семейного риска синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), ограниченных возможностей здоровья (ОВЗ), расстройств аутистического спектра (РАС). В контексте настоящего исследования автором была проведена диагностика количества и видов саногенной и защитной рефлексии по поводу эмоций, формирующихся у родителей при страхе обиды, стыда, вины, неудачи. Для оценки состояния детей с ОВЗ, РАС и СДВГ было проведено исследование по методике Autism Treatment Evaluation Checklist. После проведения соответствующих тестов с группой родителей была проведена работа по нейродинамическому восстановлению, которая показала положительные результаты в коррекции рассматриваемой группы детей, а также повысила уровень психо-эмоционального состояния родителей. Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что нейродинамическое восстановление родителей способствуют улучшению психоэмоционального состояния родителей, а в контексте взаимоотношения родителя с ребенком с ОВЗ, РАС и СДВГ выступает фактором смягчения и защиты в проявлении у них когнитивных, эмоциональных и поведенческих особенностей.

Ключевые слова: расстройства аутистического спектра, ограниченные возможности здоровья, синдром дефицита внимания и гиперактивности, нейродинамическое восстановление, коррекция, детско-родительское взаимодействие.

Введение

На сегодняшний день в научной литературе накоплен достаточный опыт в сфере исследования проблемы ранней диагностики и коррекции у детей разного рода расстройств. Так, И.В. Носко, А.П. Пальченко, В.А. Погорская [9], А.Ю. Козлова [6] и другие исследователи проводили анализ особенностей психолого-педагогической диагностики психического развития детей. В работе А. Леппиман, А.Г. Соловьева, О.С. Беловой [1], С.Б. Лазуренко [7] и других ученых проводится анализ комплексной педагогической коррекционной помощи детям с нарушениями психического развития. Особенности формирования психики у детей с ОВЗ, РАС, СДВГ рас-

сматривались в исследованиях таких ученых, как А.А. Тычина [11], Л.Ю. Гилигашвили [3] и другие ученые.

Дети с ограниченными возможностями здоровья, расстройствами аутистического спектра, синдромом дефицита внимания и гиперактивности, как отмечается в исследовании С. Довбня, Т. Морозова, А. Залогина, И. Монова, испытывают большие адаптационные трудности и в воспитательной, образовательной системе, и в целом в обществе и современном мире [5, с. 17]. В силу данного факта, чтобы в наибольшей степени результативности оказывать таким детям поддержку и коррекцию, требуется проводить исследование основных механизмов, а также причин формирования у них нарушений, устанавли-

ливать конкретные методы коррекционной поддержки, как для детей, так и для их родителей.

Автор статьи полагает, что при грамотном и своевременном оказании психолого-педагогической поддержки детей с ОВЗ, РАС и СДВГ, а также их родителей можно сократить уровень негативных факторов и получить основные направления для восстановления детей.

Цель исследования

Цель исследования: оценить влияние нейродинамического восстановления родителя на эффективную коррекцию детей с ОВЗ, РАС и СДВГ.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования настоящей стали научные публикации, книги зарубежных и российских исследователей. Исследование проводилось на базе ГБУ «РЦДПОВ Павловского муниципального округа». В статье использовались следующие методы исследования: 1) теоретические: анализ, синтез, индукция; 2) практические: «Когнитивно-эмотивный тест» Ю.М. Орлова, Н.Д. Твороговой (для родителей), тест АТЕК (Autism Treatment Evaluation Checklist) для диагностической оценки динамики развития детей).

Результаты и обсуждения

В современных исследованиях подчеркивается тот факт, что на сегодняшний день повышается количество детей, которые имеют риск ограниченных возможностей здоровья (ОВЗ), расстройств аутистического спектра (РАС) и синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ). Ряд исследователей (Y.S. Kim, B.L. Leventhal, Y.J. Koh) указывали, что по некоторым информационным сведениям, число РАС сегодня наблюдается у одного ребенка из 68 детей, т.е. число лиц с данным расстройством в Российской Федерации и мире составляет 1,5% [14, с. 906].

Все большее число ученых в собственных научных трудах затрагивают вопросы исследования основных причин, которые приводят к формированию у детей ОВЗ, РАС и СДВГ. Результаты исследований К.Н. Виноградовой, G. Dawson и других ученых свидетельствуют о том, что основные причины формирования у детей исследуемых расстройств требуется рассматривать через призму мультифакторной теории, то есть, как пишут исследователи, требуется осуществлять анализ влияния среды на таких детей, особенности функционирования у них иммунной и нервной системы, проводить оценку ключевых особенностей их экспрессии и т.д. [2, с. 114; 12, с. 778].

Другие исследователи (Joanne L. Park, Kristen L. Hudac, Charlotte Johnston, З.С. Лазаускене, М.А. Лав-

рова, Л.В. Токарская) на современном этапе развития науки указывают, что требуется определять связи между рассматриваемыми расстройствами. Исследователи отмечают, что основным фактором формирования таких расстройств выступают взаимодействия между родителем и ребенком. Так, ученые указывают на имеющиеся в научной литературе мета-анализы, которые непосредственно описывают взаимосвязь родительского поведения с проявлением у детей СДВГ-симптомов [10, с. 152; 13].

В течение всей жизни любого человека семья считается одним из наиболее важных феноменов, в силу чего ей отводится ключевая роль в развитии детей с ОВЗ, РАС и СДВГ. Данный факт также обусловлен тем, что с детьми большую часть времени проводит родитель, обеспечивая, в свою очередь комфортное жизнеобеспечение детей в физиологическом и психологическом плане. Все эти обстоятельства непосредственно оказывают воздействие и на результативность коррекционных мероприятий [8, с. 102].

Современные зарубежные и российские исследователи указывают на тот факт, что для развития детей, в частности, детей с ОВЗ, РАС и СДВГ особую значимость имеют роли эмоционального и социального окружения, в частности, основными компонентами взаимодействия родителя с ребенком считают привязанность [4, с. 15], количеством времени, уделяемое ребенку и его развитию [15, с. 260].

Для установления в рамках настоящего исследования проблемных областей в детско-родительских взаимоотношениях, автором статьи использовались результаты теста «КЭТ» Ю.М. Орловой, Н.Д. Твороговой и методики АТЕС.

Представим схематически средние результаты, полученные по методике «КЭТ» Ю.М. Орловой, Н.Д. Твороговой (схемы 1-3).

Итак, данные рисунка 1 свидетельствуют, что в группе респондентов-родителей, на наиболее высоком уровне такие показатели защитной рефлексии, как «защита от стыда» и «защита от обиды». Высокий уровень показателя «защита от стыда» говорит о том, что респонденты очень требовательны к себе, имеют комплексы неполноценности и неуверенности. Повышенный уровень показателя «защита от обиды» свидетельствует о высоком уровне ранимости, обидчивости.

Данные, представленные на рисунке 2, позволяют сделать следующие выводы. У опрошенных родителей на высоком уровне находятся следующие показатели:

- агрессия против других и против себя, говорит о наличии высокого уровня такой эмоции, как гнев, которая затрудняет межличностную коммуникацию;

- рационализация обстоятельствами и уход из ситуации, говорит о наличии проблем с выполнением сложных задач и достижением поставленных целей;
- самоуничижение Я, свидетельствует о неуверенности в себе, нерешительности, комплексе неполноценности и приступах чувства стыда;
- защита от чувства вины, говорит о высокой чувствительности к переживанию чувства вины;
- защита от страха неудачи, говорит о высокой чувствительности к переживанию чувства неудачи;
- защита от чувства стыда, говорит о том, что респонденты имеют повышенную чувствительность к переживанию ими чувства стыда;
- защита от обиды, свидетельствует о высоком

уровне чувствительности к переживанию обиды.

Данные рисунка 3 свидетельствуют о том, что уровень саногенного мышления у родителей в среднем в пределах нормы, что говорит о преобладании патогенного мышления у респондентов. Необходимо справедливо отметить, что такие показатели свидетельствуют о том, что респонденты принимают жизненные решения, не опираясь на здравый смысл, а под влиянием эмоций негативного характера.

Далее мы провели исследование по методике Autism Treatment Evaluation Checklist, которое показало следующие результаты (рисунок 4).

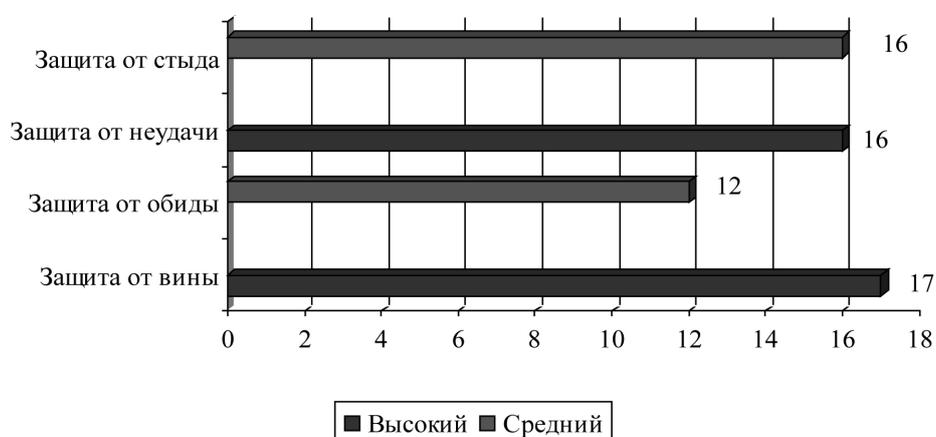

Рис. 1. Объем защитной рефлексии.

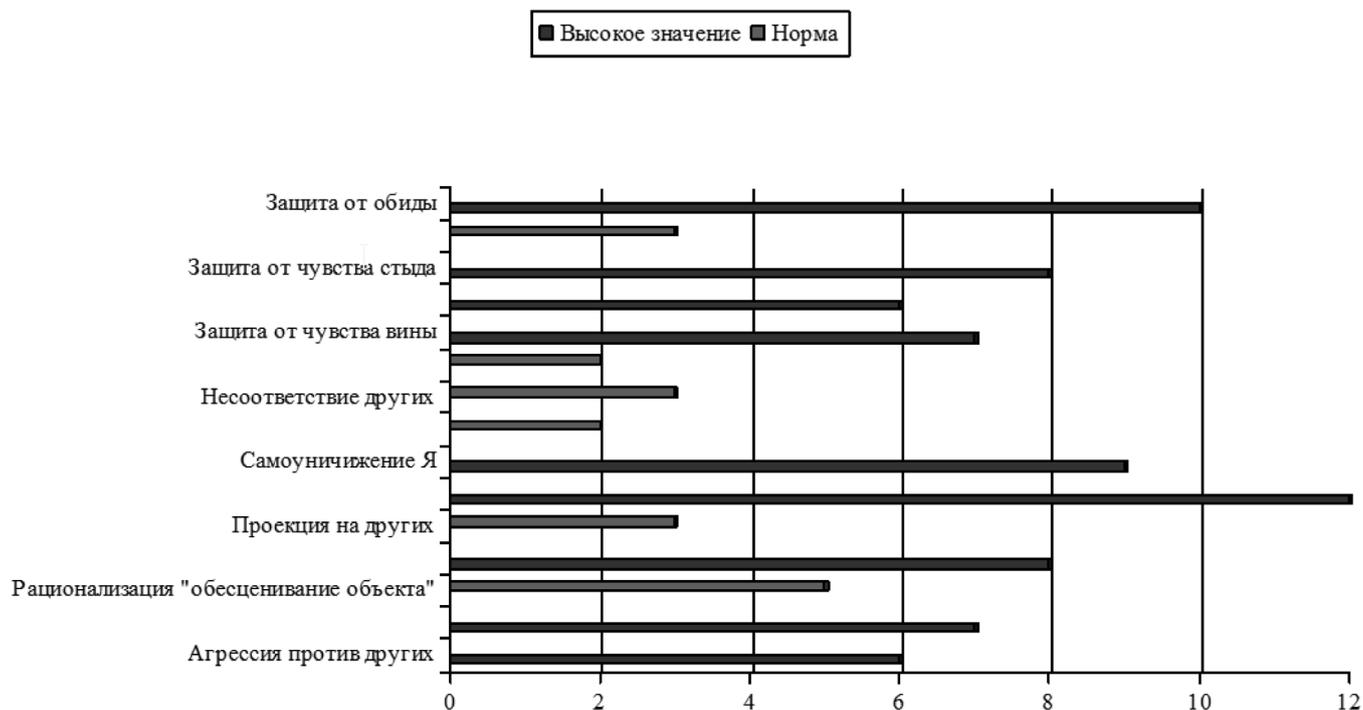

Рис. 2. Психические защиты

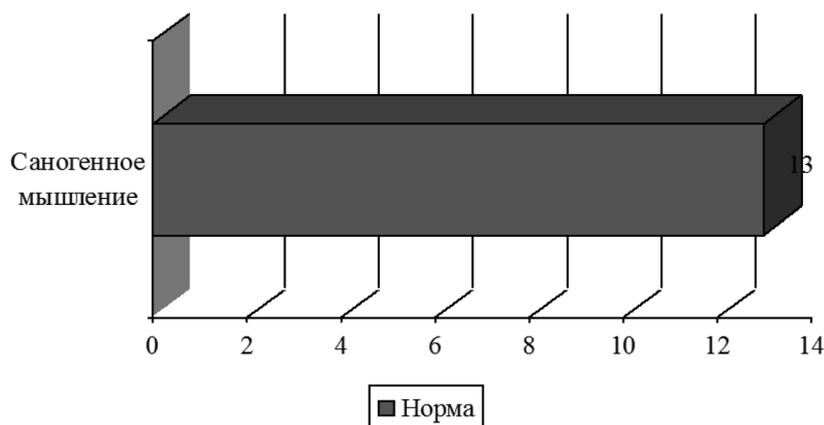

Рис. 3. Саногенное мышление.

Рис. 4. Результаты исследования по методике АТЕК.

Итак, данные проведенного исследования свидетельствуют, что у 8% детей наблюдается тяжелый аутизм, 12% детей обладают небольшими отклонениями в сторону задержки развития, 32% детей имеют мягкую или умеренную форму аутизма, остальные 48% детей имеют среднюю степень аутизма.

Для улучшения развития детей, была проведена коррекция с родителями – групповая терапия по нейродинамическому восстановлению д.п.н. Д.Р. Ягудина. После проведения групповой терапии по нейродинамическому восстановлению родителей была проведена контрольная диагностика родителей и детей с помощью теста «КЭТ» Ю.М. Орловой, Н.Д. Твороговой и методики АТЕС. Результаты исследования родителей представлены на рисунка 5-7.

Следовательно, у респондентов-родителей на низком и среднем уровне объем защитной рефлексии, т.е. коррекционная работа оказала положительное влияние.

Итак, данные рисунка свидетельствуют о снижении высоких показателей психической защиты. На повышенном уровне у респондентов остались лишь «защита от страха неудачи», «защита от чувства вины», что позволяет сделать вывод об улучшении психоэмоционального состояния родителей.

Уровень саногенного мышления у родителей повысился, что говорит о том, что респонденты стали жизненные решения более осознанно, опираясь на здравый смысл.

Далее мы повторно оценили детей по методике Autism Treatment Evaluation Checklist, исследование показало следующие результаты (рисунок 8).

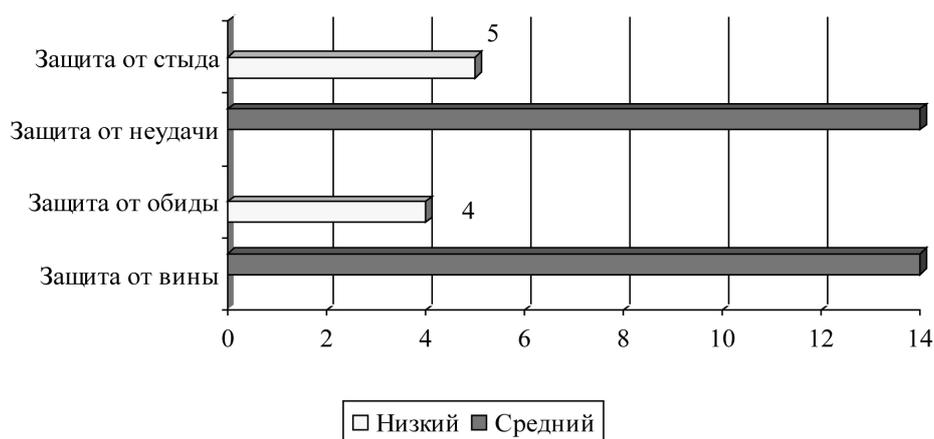

Рис. 5. Объем защитной рефлексии (после коррекции).

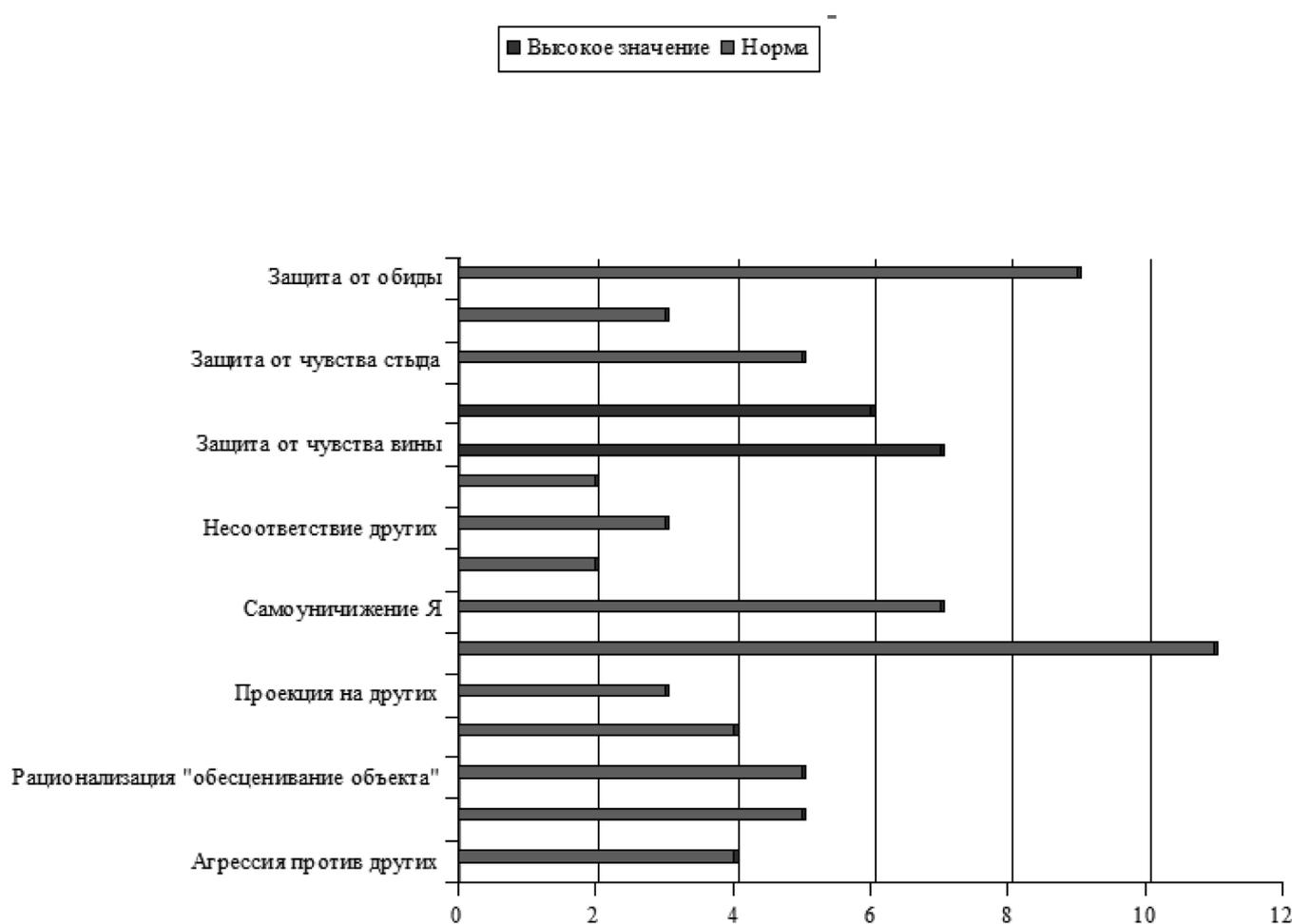

Рис. 6. Психические защиты (после коррекции).

Итак, данные проведенного исследования свидетельствуют, что у 2% детей наблюдается тяжелый аутизм, 22% детей обладают небольшими отклонениями в сторону задержки развития, 54% детей имеют мягкую или умеренную форму аутизма, остальные 20% детей имеют среднюю степень аутизма. Таким образом, состояние де-

тей улучшилось.

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что нейродинамическое восстановление родителей способствуют улучшению психоэмоционального состояния родителей, а в контексте

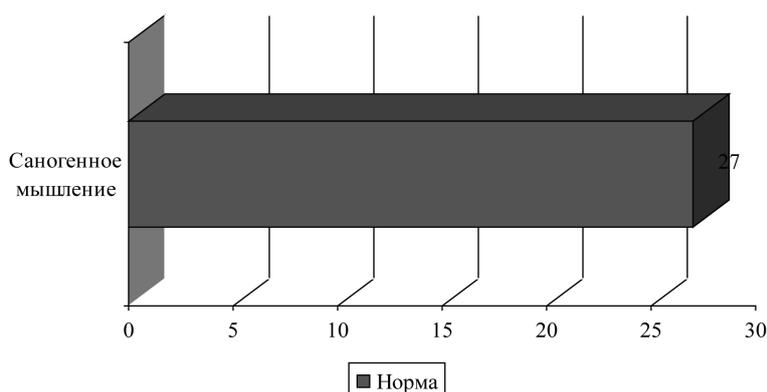

Рис. 7. Саногенное мышление (после коррекции).

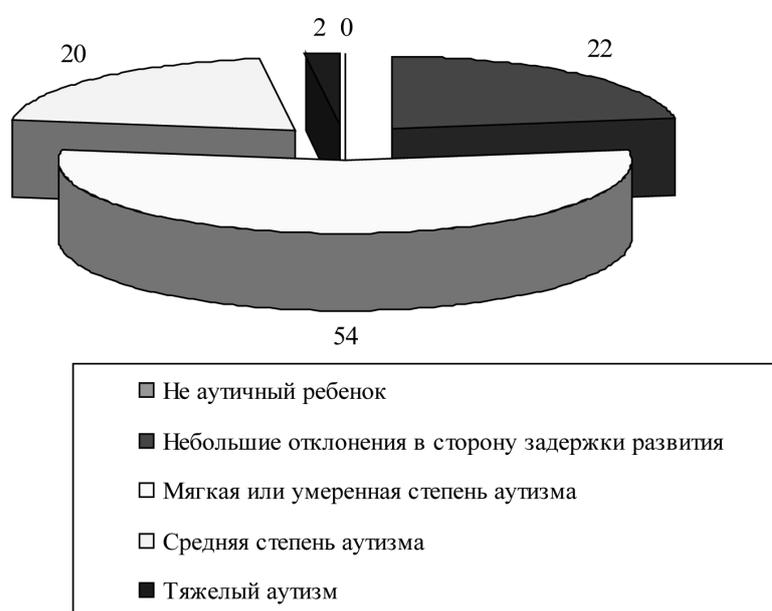

Рис. 8. Результаты исследования по методике АТЕК

взаимоотношения родителя с ребенком с ОВЗ, РАС и СДВГ выступает фактором смягчения и защиты в проявлении у них когнитивных, эмоциональных и поведенческих особенностей.

Выводы

Проведенное исследование по методике «КЭТ» Ю.М. Орловой, Н.Д. Твороговой до коррекционной работы выявило высокие показатели по следующим психическим параметрам: «агрессия против других», «агрессия против себя», «рационализация обстоятельствами», «уход из ситуации», «самоуничтожение Я», «защита от чувства вины», «защита от чувства страха неудачи», «защита от чувства стыда», «защита от обиды». В целом, данные показатели свидетельствуют о неуверенности респондентов, наличии проблем с выполнением сложных задач, высоком уровне чувствительности к

переживанию чувств вины, стыда, обид и неудач. В объеме защитной рефлексии при репродукции повышенный уровень был получен по таким показателям, как «защита от стыда» и «защита от обиды», что свидетельствует о высоком уровне требовательности к себе, комплексах неполноценности, неуверенности и высоком уровне ранимости, обидчивости, соответственно. Общий уровень саногенного мышления у родителей в среднем в пределах нормы, что свидетельствуют о том, что респонденты принимают жизненные решения, не опираясь на здравый смысл, а под влиянием эмоций негативного характера. Для улучшения развития детей, была проведена коррекция с родителями – групповая терапия по нейродинамическому восстановлению д.п.н. Д.Р. Ягудина, а также последующее контрольное исследование состояния детей и родителей. Контрольное исследование показало, что у респондентов-родителей на низком и среднем уровне объем защитной

рефлексии, т.е. коррекционная работа оказала положительное влияние; наблюдается снижение высоких показателей психической защиты. На повышенном уровне у респондентов остались лишь «защита от страха неудачи», «защита от чувства вины», что позволяет сделать вывод об улучшении психоэмоционального состояния родителей. Улучшилось состояние детей. Итак,

экспериментально доказано, что нейродинамическое восстановление родителей способствуют улучшению психоэмоционального состояния родителей, а в контексте взаимоотношения родителя с ребенком с ОВЗ, РАС и СДВГ выступает фактором смягчения и защиты в проявлении у них когнитивных, эмоциональных и поведенческих особенностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова О.С., Соловьев А.Г., Леппиман А. Система ранней комплексной помощи детям группы риска нарушения психического развития в России // Экология человека. 2020. №8. С. 49-54.
2. Виноградова К.Н. Этиология расстройств аутистического спектра // Современная зарубежная психология. 2014. № 4. С. 112-131.
3. Гилигашвили Л.Ю. Дети с расстройством аутистического спектра: особенности обучения и развития // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2020. №2. С. 120-125.
4. Детско-родительское взаимодействие и развитие ребенка раннего возраста / под ред. Л.В. Токарской: коллективная монография. – Екатеринбург, 2019. 206 с.
5. Довбня С. и др. Дети с расстройствами аутистического спектра в детском саду и школе: Практики с доказанной эффективностью / С. Довбня, Т. Морозова, А. Залогина, И. Монова. Москва: Альпина ПРО, 2022. 168 с.
6. Козлова А.Ю. Психолого-педагогическая диагностика: электронная учебно-методическое пособие / А.Ю. Козлова. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2023. 140 с.
7. Лазуренко С.Б. Коррекционно-педагогическая помощь детям раннего возраста с высоким риском нарушения психического развития в педиатрической практике: дис. ... д-ра пед. наук. – М.: Институт коррекционной педагогики Российской академии образования, 2014. 351 с.
8. Никитская Е.А., Гаврилина А.А. Теоретические основы изучения функций семьи как социального института // Научное обозрение. Педагогические науки. 2019. № 3-1. С. 101-104.
9. Носко И.В. Психолого-педагогическая диагностика детского развития: учебное пособие / И.В. Носко, А.П. Пальченко, В.А. Погорская. – Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2021. 97 с.
10. Токарская Л.В., Лаврова М.А., Лазаускене З.С. Изучение особенностей нейрокогнитивного развития и специфики детско-родительского взаимодействия при семейном риске расстройств аутистического спектра (рас) и синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) // Педагогическое образование в России. 2017. №11. С. 150-157.
11. Тычинина А.А. Ребенок с расстройством аутистического спектра: особенности психического развития // МКУ «Информационно-методический центр». 2020. URL: <https://magister.kobra-net.ru/index.php/deyatelnost/doshkolnoe-obrazovanie/opyt-raboty/113-tychinina-a-a-rebjonok-s-rasstrojstvom-autisticheskogo-spektra-osobennosti-psikhologicheskogo-razvitiya>
12. Dawson G. Early behavioral intervention, brain plasticity, and the prevention of autism spectrum disorder // Development and Psychopathology. 2008. № 20. P. 775-803.
13. Joanne L. Park, Kristen L. Hudc, Charlotte Johnston. Parental ADHD symptoms and parenting behaviors: A meta-analytic review. URL: https://doi.org/10.1016/_j.cpr.2017.05.003.
14. Kim Y.S., Leventhal B.L. and Koh Y.J. Prevalence of autism spectrum disorders in a total population sample // Am. Journal Psychiatry. 2011. № 168 (9). P. 904-912.
15. Yi-Chen Chiang, Dai-Chan Lin, Chun-Yang Lee, Meng-Chih Lee Affects of parenting role and parent-child interaction on infant motor development in Taiwan Birth Cohort Study // Early Human Development. 2015. № 91 (4). P. 259-264.

© Суворова Ольга Владимировна (centrsova@yandex.ru), Ягудин Дмитрий Рустамович (dr.yagudin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ПРОЦЕССЕ КАРЬЕРНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

Фещенко Евгений Константинович

кандидат психологических наук, доцент, Институт ядерной энергетики (филиал) ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого» (в г. Сосновый Бор)
feshenko_ek@spbsru.ru

DEVELOPMENT OF PROFESSIONALLY SIGNIFICANT PERSONAL QUALITIES OF YOUNG SPECIALISTS IN THE PROCESS OF CAREER DESIGN

E. Feschenko

Summary: The article considers the development of professionally significant personal qualities of young specialists in the process of career design. The components of the career space are presented. The factors influencing the development of professionally significant personal qualities of young specialists are determined. It is determined that the formation and development of professionally significant personal qualities of a young specialist should be carried out through career guidance and career counseling, organizing counseling on personal growth issues and choosing an individual career path. The model of career design for young specialists is presented. It is noted that one of the effective methods of consulting at this stage is training programs for building a professional career. It is concluded that the development of professionally significant personal qualities of a young specialist is possible at different levels (university, employer, personal level of an individual), as well as in the process of their joint interaction. The most effective methods are consulting, practical activities within the framework of the career design model.

Keywords: young specialist, career design, professionally significant personal qualities.

Аннотация: В статье рассматривается развитие профессионально значимых личностных качеств молодых специалистов в процессе карьерного конструирования. Представлены составляющие карьерного пространства. Определены факторы, влияющие на развитие профессионально значимых личностных качеств молодых специалистов. Определено, что формирование и развитие профессионально значимых личностных качеств молодого специалиста целесообразно осуществлять посредством профориентирования и профконсультирования, организации консультирования по проблемам личностного роста и выбора индивидуальной траектории карьерного продвижения. Представлена модель карьерного конструирования молодых специалистов. Отмечено, что одним из эффективных методов консультирования на данном этапе становятся тренинговые программы обучения по построению профессиональной карьеры. Сделан вывод о том, что развитие профессионально значимых личностных качеств молодого специалиста возможно на разных уровнях (ВУЗ, работодатель, личностный уровень индивида), а также в процессе их совместного взаимодействия. Наибольшую эффективность имеют методы консультирования, практической деятельности в рамках модели карьерного конструирования.

Ключевые слова: молодой специалист, карьерное конструирование, профессионально значимые личностные качества.

Первоначальным этапом профессионального становления и карьерного конструирования является развитие профессионально значимых личностных качеств, которое осуществляется по трем направлениям – личностное развитие будущего специалиста, развитие профессиональных компетенций в рамках обучения, реализация личностного и профессионального потенциала и дальнейшее их развитие в ходе практического освоения профессии. Тем самым происходит постепенное профессиональное и личностное развитие личности индивида для решения учебно-профессиональных задач [1].

Акмеологический подход к профессиональному и личностному развитию молодого специалиста предусматривает их интеграцию с развитием волевых качеств личности, в частности, инициативности, целеустремленности (настойчивости), интеллектуальных способностей,

творческим потенциалом, необходимых для расширения профессиональных знаний, навыков. Профессиональное становление индивида является результатом профессионально сформированной структуры личности (А.М. Каданин, А.Д. Родионова, Т.В. Петренко, В.В. Карпов) [2; 4]. При этом детерминантами структуры личности специалиста также являются установки и мотивы, уровень мотивации, самооценки собственных возможностей, что приводит к самореализации в профессиональной деятельности (С.В. Мишина) [6].

Современное представление развития профессионально значимых личностных качеств молодых специалистов в процессе карьерного конструирования обусловлено наличием определенных элементов, составляющих карьерное пространство (Л.Е. Каррильо, С.В. Михайлова, И.А. Погребная, А.А. Ярцев) [3; 5; 10] (Рис.1.).

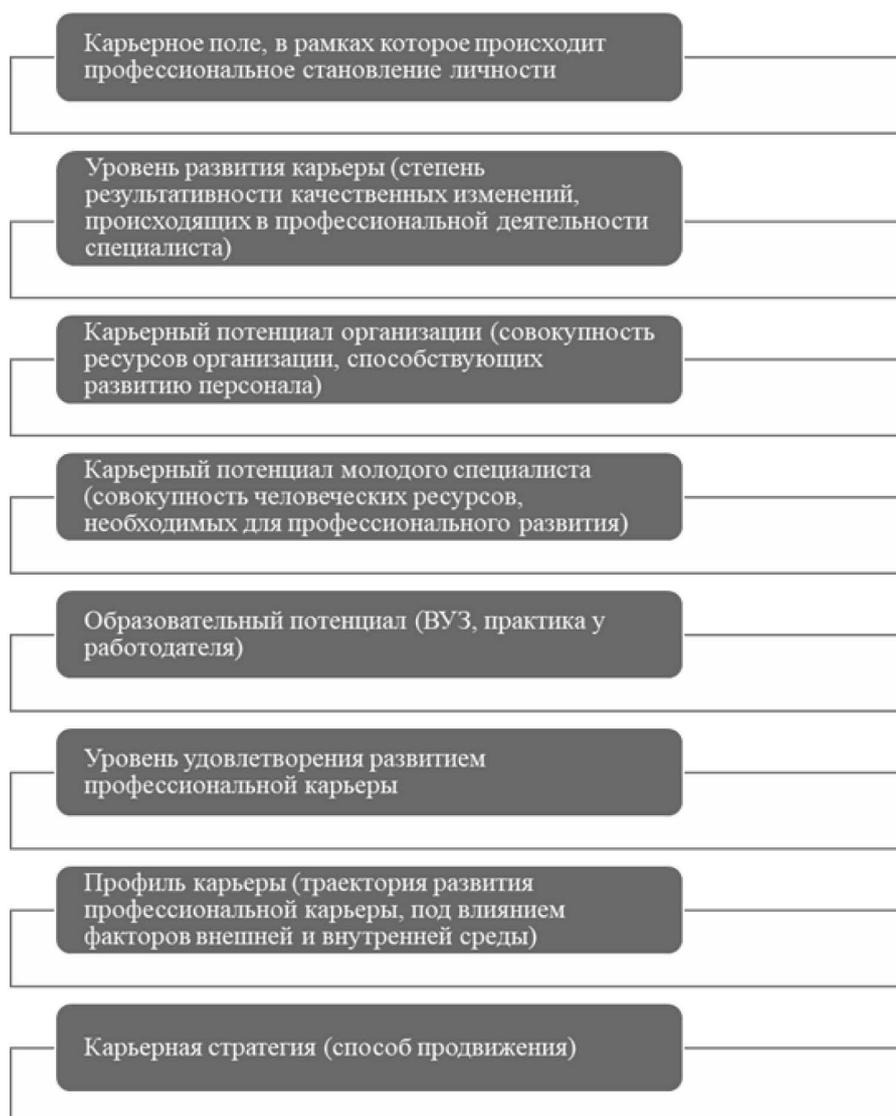

Рис. 1. Составляющие карьерного пространства

Карьерное пространство и его составляющие оказывают влияние на результативность и качество профессиональной деятельности специалиста, развитие его профессионально значимых личностных качеств [7].

Карьерный потенциал организации отражают внешнюю среду (ситуацию на рынке труда, наличие конкуренции, требования к молодым специалистам, условия работы) и внутренней среды (престижность работы в данной организации, количество сотрудников, кадровое управление, взаимоотношения в коллективе).

Карьерный потенциал молодого специалиста включает личностный, профессиональный и образовательный потенциал:

— личностный отражает мотивы, познавательные,

коммуникативные способности, эмоционально-волевые качества;

— профессиональный включает профессиональные знания, умения и навыки, творческую активность, гибкость;

— образовательный характеризуется профориентационной активностью ВУЗа, наличием практик и стажировок во время обучения, дополнительным обучением.

Стоит отметить, что карьерная стратегия личности молодого специалиста включает выбор профессионального направления, определение целей и этапов карьерных достижений, направленность на удовлетворение потребностей индивида.

Уровень развития профессионально значимых личностных качеств в процессе карьерного конструирования обусловлено целями молодого специалиста:

- получить высокооплачиваемую / творческую / интересную работу;
- получить должность по своей специализации;
- получить работу, позволяющую развивать собственные умения и навыки, способности;
- достичь независимости;
- получить новые возможности для саморазвития [8; 9].

Как видно, профессиональные цели молодого специалиста обусловлены уровнем образования, мотивами, карьерными представлениями, а также стремлением к саморазвитию и мотивацией достижения. В этой связи формирование и развитие профессионально значимых личностных качеств молодого специалиста целесообразно осуществлять посредством профориентирования и профконсультирования, организации консультирования по проблемам личностного роста и выбора индивидуальной траектории карьерного продвижения.

На основе вышеизложенного целесообразно определить факторы, влияющие на развитие профессионально значимых личностных качеств молодых специалистов (табл.1).

Представим построение модели карьерного конструирования молодых специалистов (табл.2).

Модель построения модели карьерного конструирования молодых специалистов представлена четкой структурой.

Когнитивный компонент карьерного конструирования представлен комплексом знаний о карьере, профессионализации, специфике будущей профессиональной

деятельности, что во многом обеспечивается программами обучения в ВУЗе. В качестве примеров можно привести программы по таким направлениям, как психология карьеры, управление мотивацией, карьерное конструирование, психология личностного и профессионального роста и т.д.

Личностный компонент карьерного конструирования включает совокупность карьерных представлений, установок, потребностей и ценностей, мотивов, профессионально важных личностных качеств, обеспечивающих оптимальное развитие карьеры молодого специалиста.

Одним из эффективных методов консультирования на данном этапе становятся тренинговые программы обучения по построению профессиональной карьеры. Обязательными содержательными блоками должны стать:

- формирование психологической готовности к предстоящим собеседованиям (типы работодателей, кадровых специалистов, возможные вопросы, этапы принятия решения);
- трудовые обязанности и их отражение в трудовом договоре (внимательность при знакомстве с трудовым договором, его наличие, ответственность);
- работа над составлением резюме, акцентирование внимание на положительных качествах для работодателя, принцип «покажи себя как специалиста»;
- повышение уровня стрессоустойчивости;
- навыки самопрезентации при собеседовании.

В рамках практикоориентированных тренинговых программ формируется коммуникативный и поведенческий компоненты, определяющие оптимальные модели взаимодействия и поведения с организацией-работодателем.

Мотивационный компонент определяется стремлением развиваться в личностном и профессиональном плане, ставить цели и их достигать.

Таблица 1.

Факторы, влияющие на развитие профессионально значимых личностных качеств молодых специалистов.

Фактор	Содержание
Тип карьеры, связанный с внутренним состоянием индивида	Удовлетворенность работой, стрессоустойчивость, гибкость, саморегуляция, профессиональная идентичность, основные мотивы: независимость, власть, влияние, стабильность работы
Тип карьерного роста	Самостоятельность, стремление к достижениям, ориентация на профессиональный рост и повышение в должности, основные мотивы: креативность, самосовершенствование, социализация в коллективе
Самореализация, связанная с профессиональной компетентностью и признанием	Стабильность, основные мотивы: получение денежного заработка, признание, взаимоотношения в коллективе, профессиональный компетентность
Психофизические характеристики индивида	Работоспособность, самоэффективность
Эмоционально-волевые характеристики индивида	Уравновешенность, ответственность за собственные действия, рефлексивность, самооценка, основные мотивы: разнообразие, профессионализация в смежных областях

Модель карьерного конструирования молодых специалистов.

Компонент	Уровень ВУЗа	Уровень работодателя	Уровень организации	Уровень личностный
Когнитивный	знания о карьере, профессионализации, специфике будущей профессиональной деятельности	Знания сфере деятельности и возможностях в профессии	Знания о продукте/услугах\компании/возможностях построения карьеры	Саморазвитие Самообразование
Личностный	Формирование и развитие профессионально важных качеств	Ассесмент-центра, оценки результатов работы Консультирование	Программы адаптации и развития	Карьерные представления, установки, потребности и ценности, мотивы
Деятельностный	Наблюдение Консультирование во время практики	Профессиональная деятельность	Полевое обучение Консультирование Индивидуальная беседа	Саморазвитие Самооценка Самообразование Усложнение задач
Коммуникативный	Развитие коммуникативной компетенции	Профессиональная направленность коммуникации	Служебные коммуникации	Межличностные отношения
Мотивационный	Знания о мотивации, понимание ведущих мотивов выбора профессии	Заинтересованность в работе	Развитие мотивации Поощрения Усложнение задач Делегирование	Самотивация Познавательный интерес
Рефлексивный	Знания о рефлексии, особенностях рефлексивной деятельности	Включение рефлексии в процесс деятельности	Полевое обучение Ассесмент-центр	Самооценка Саморазвитие

Рефлексивный компонент включает формирование способности к объективному оцениванию своих возможностей в процессе поиска работы и осуществления профессиональной деятельности.

Этап адаптации (уровень работодателя). На данном этапе консультирование осуществляется на территории работодателя. Во время собеседования, а также при приеме на работу специалист по персоналу проводит сбор первичной информации о кандидате, его обучаемости, уровне его компетенций, опыте работы, потребностях, мотивах поиска работы, ожиданиях, соотносит их с потребностями организации и возможностями молодого сотрудника. К основным методам формирования профессионально значимых качеств на данном этапе следует назвать следующие:

- карьерное консультирование, составление индивидуального плана личностного и профессионального развития в рамках определенного периода (месяц, три месяца, шесть месяцев, один год, три года), что оказывает положительное влияние на развитие личностного, рефлексивного, мотивационного компонентов);
- проектная деятельность на предприятии как вид стажировки или результат обучения (коммуникативный, мотивационный, рефлексивный компоненты);
- полудневные стажировки на предприятии с наставником, руководителем (коммуникативный, поведенческий, рефлексивный, мотивационный компоненты), что позволяет не только увидеть работу

компании, но и климат в коллективе, понять профессиональные задачи, оценить свои возможности; — организация обратной связи по итогам работы на проекте, в процессе стажировки, в рамках встреч с потенциальным работодателем.

Этап развития (уровень образовательного учреждения). На данном этапе осуществляется комплексное развитие специалиста в организации посредством профессионального обучения (тренинги, полевое развитие), обратной связи по итогам аттестаций, работы по индивидуальному плану личностного развития, коучинга. Результатом данного этапа может стать четкое понимание карьерных предпочтений, возможностей для карьерного роста (продвижения) или повышения качества работы. На уровне совместной работы работодателя и ВУЗа наиболее эффективным вариантом может стать создание центра карьеры.

Этап совершенствования (личностный уровень). На данном этапе молодой специалист самостоятельно может определить свои дальнейшие цели по карьерному пути, сроки, соотнести свои потребности с возможностями компании и принять решение по поводу профессиональной деятельности (перейти в другую компанию, стремиться получить более высокую должность, перейти в другой отдел / должность). Карьерное конструирование осуществляется на данном этапе посредством ассесмент-центра для оценки возможностей повышения, оценки результатов работы с целью повышения грейда, квалификации, заработной платы и т.д.).

На данном этапе наиболее оптимальными методами развития профессионально значимых личностных качеств молодого специалиста являются тренинги, личностное развитие и саморазвитие, индивидуальное консультирование.

Таким образом, развитие профессионально значи-

мых личностных качеств молодого специалиста возможно на разных уровнях (ВУЗ, работодатель, личностный уровень индивида), а также в процессе их совместного взаимодействия. Наибольшую эффективность имеют методы консультирования, практической деятельности в рамках модели карьерного конструирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е.Н., Лапшин В.А., Сорокопуд Ю.В. Современные подходы к формированию личности будущих молодых специалистов в условиях высшего и среднего профессионального образования // МНКО. 2022. №1 (92). С. 217-219.
2. Каданин А.М., Родионова А.Д., Петренко Т.В. Формирование профессиональных и личностных качеств у студентов технических направлений вузов // Государство, общество, личность: история и современность. Сборник статей V Международной научно-практической конференции. Пенза, 2022. С. 43-50.
3. Каррильо Л.Е. Формирование профессионально значимых личностных качеств психолога в условиях вуза // актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право. Сборник научных трудов. Москва, 2022. С. 659-662.
4. Карпов В.В. Общая характеристика профессионально значимых качеств будущих бакалавров техносферной безопасности // Вестник НВГУ. 2022. №3(59). С. 50-65.
5. Михайлова С.В., Погребная И.А. Формирование профессионально-значимых качеств у будущих бакалавров в высшем техническом учебном заведении // Перспективы науки. 2019. №8 (119). С. 203-208.
6. Мишина С.В. Реализация проекта по формированию профессионально значимых качеств будущих бакалавров экономики // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2019. №1. С. 96-103.
7. Померанцева Ю.К. Развитие профессионально значимых качеств студентов вуза физической культуры // Проблемы современного педагогического образования. 2022. №74-4. С. 201-205.
8. Скрипак Д.М., Николаева А.А. Управление системой личностного и профессионального развития молодого специалиста // Вестник евразийской науки. 2020. №3. URL: <https://esj.today/PDF/21ECVN320.pdf> (дата обращения: 26.07.2024).
9. Хандримайлов А.А. Роль социально-гуманитарного и правового знания в формировании мировоззренческих и профессиональных ориентиров технического специалиста / Хандримайлов А.А., Попов А.Н., Малахова О.Ю. // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70. Ч. 3. С. 115-118.
10. Ярцев А.А. Развитие профессионально значимых качеств личности будущего инженера средствами досуговой деятельности // Проблемы современного педагогического образования. 2022. №75-4. С. 342-345.

© Фещенко Евгений Константинович (feshenko_ek@spbsru.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РОССИИ

THE PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF SOCIAL WORK IN RUSSIA

V. Abelbeisov

Summary: Based on the analysis of philosophical and methodological approaches to the study of the basics of social work among the population, its structural components, such as social security, social health and social well-being, the article describes the current state of the theory of social work. The purpose of the article is to reveal the idea of applying the values of postmodernism to the creation of the concept of social work in new conditions in Russia. The research methods are philosophical analysis. The methodology of the scientific article is a socio-cultural approach: based on a systematic approach to the evolutionary processes of social development in the aggregate of familiarization with culture based on the socialization of personality carried out within the framework of the established value system. Currently, the need to confront economic pragmatism penetrating into the humanitarian sphere is highly urgent. It is extremely important to preserve human social health in a rapidly changing world. This determines the relevance of the topic of the article. The result of the consideration of the topic is the conclusion about the dynamic development of philosophical approaches in the study of the theory of social work and the need to create generalizations based on the existing empirical experience of social activity in Russia.

Keywords: Russian society, social work, social well-being, human capital, methodology of social health, philosophy and methodology of social work, factors of social well-being, social consistency, axiology of social work, social harmonization.

Абельбеисов Владимир Алексеевич

канд. социол. наук, старший преподаватель,
ФГБОУ ВО Российский государственный университет
правосудия, Северо-Кавказский филиал
abel85.85@mail.ru

Аннотация: В статье на основании анализа философско-методологических подходов к изучению основ социальной работы среди населения, ее структурных компонентов, таких как социальная безопасность, социальное здоровье и социальное благополучие, дана характеристика современного состояния теории социальной работы. Целью статьи является раскрытие идеи приложения ценностей постмодернизма к созданию концепции социальной работы в новых условиях в России. Методами исследования выступают философский анализ. Методологией научной статьи является социокультурный подход: на основе системного подхода к эволюционным процессам общественного развития в совокупности приобщения к культуре на основе социализации личности, осуществляемой в рамках сложившейся ценностной системы. В настоящее время высоко актуальна потребность противостояния проникающей в гуманитарную сферу экономического прагматизма. Максимально важно сохранить социальное здоровье человека в условиях быстро меняющегося мира. Это обуславливает актуальность тематики статьи. Автором делается вывод о динамичном развитии философских подходов в изучении теории социальной работы и о потребности создания обобщений на основе имеющегося эмпирического опыта социальной деятельности в России.

Ключевые слова: российское общество, социальная работа, социальное благополучие, человеческий капитал, методология социального здоровья, философия и методология социальной работы, факторы социального благополучия, социальная состоятельность, аксиология социальной работы, социальная гармонизация.

В начале XXI в. для оценки перспектив развития государства был рассчитан индекс развития человеческого капитала. Некоторые исследователи после его появления начали говорить о смене экономической теории валового национального продукта человекоемкими концепциями, в основе которых лежит понимание потребности оздоровления общества через обеспечение условий социального здоровья личности. Однако, с этим сложно согласиться. На наш взгляд, это говорит о другом процессе – проникновении параметров экономической рентабельности в гуманитарную сферу человеческой жизнедеятельности – здоровья, общественного коммуницирования и самообразования. Рассмотрение человека в качестве составной части капиталоемкости не ново. К. Маркс четко выразил позицию, что человек является ресурсом производительности, самостоятельно образуя человеческий капитал. Всемирный банк каждый год изменяет индекс изменения человеческого капитала, который стал признаком отслеживая негативной динамики по странам. Динамика позволяет увидеть, какие государ-

ства мобилизованы на развитие человеческого капитала лучше. Среди критериев индекса человеческого капитала показатели образования и здравоохранения, которые влияют на его величину. Максимальное значение индекса – это 1. Введенные на основе индекса человеческого капитала показатели были использованы для создания другого показателя – индекса человеческого потенциала. Он был разработан в 1990 г. исследователем из Пакистана М. уль Хаком [1]. Основу составляют показатели рождаемости и количества доживших до 5 лет детей, общее количества образованных людей, достигших к составлению отчета 18-летия и количество граждан 15-ти лет, доживших до 60-ти лет. Если человеческий капитал является средством отражения «капиталоемкости» человеческих ресурсов, то показатели человеческого потенциала шире и в них отражены не только те критерии, которые рентабельны, как личности, так и государству, в текущем моменте и в перспективе, но и все без исключения стремления, духовные потребности, склонности, таланты и проявления человеческого духа без учета возможности их

окупаемости. Существование этого критерия показало перспективность развития некоторых направлений развития гуманитарного знания, которые позволили бы установить условия осознания необходимости сохранения и развития социального благополучия для всех категорий населений государства. Среди них – методология исследования социальной политики, которая лежит в основе нормализации социальной среды личности; механизмы ее реализации; решение проблем трудового взаимодействия между работником и работодателем, обучаемым и обучающим; внутри коллективов, между социально-культурными системами. Важную роль играют показатели социального потребления – от продуктов питания до культурных услуг. Вовлеченность человека в сферу культуры выступает свидетельством не только его познавательного интереса, но и «социальной экологии» его личности. Кроме того, существует потребность сформировать уважительное отношение к природе и экологии в целом. Современная личность должна понимать и принимать условия воспроизводства экологических ресурсов планеты и действовать с учетом возможности их возобновления. Социальные процессы должны быть основой расширения человеческой популяции, активизировать демографический, антропологический и культурно-цивилизационный импульсы развития.

Изучение методологических аспектов социальной работы, и смыкающихся с ней – социального здоровья и благополучия имеет особенности изучения в Российской Федерации. Отличительной чертой выступает полифункциональность процессов социального благополучия, и поэтому философия выступает системообразующей дисциплиной в исследовании концептуальных оснований всех вопросов социального взаимодействия личности.

Изучение философских концепций социальной работы складывается из нескольких направлений. В ходе социального взаимодействия складывается различное соотношение личного внутреннего существования и служения общественным потребностям. Философы России – от П. Чаадаева до В. Соловьева по-разному видели соотношение личного и общественного на основании различий целеполагания. Для философа В. Соловьева «русская идея» состоит в неразрывном единстве цели личности и народа, мышление свободы лишь через всеобщее единство, которое для личности состоит в разумном самоограничении [2; с. 365]. П. Чаадаев представлял интересы сильной личности, которая выступает двигателем общественного прогресса [3]. Во всех случаях русская философия мыслила человека здорового духом и телом, понимая, что здоровье физическое и душевное переплетены. А. Шопенгауэр писал: «...не лишено основания, что мы прежде всего спрашиваем друг друга о здоровье и желаем его друг другу: оно поистине главное условие человеческого счастья» [4].

На состояние здоровья оказывает влияние множество факторов: экономическое и социальное положение субъекта, политико-культурные основания; экология и ресурсный потенциал общества, наличие образования, энергетический потенциал, таланты, способности, желание их приобретения, условия, которые создаются для формирования личности и ее общественной и личной реализации. Подтверждением этого является наличие «социальных болезней», которые возникают не только в силу слабого иммунитета человека, но и неблагоприятной социальной среды. На эту зависимость обращали внимание А.С. Акопян, рассматривавший трансформацию семейных ценностей через призму деградации здоровья современного человека [5], Б.Г. Юдин выделяет три составляющих здоровья человека: физическое, психическое и социальное [6]. Социальное здоровье, на наш взгляд испытывает постоянное влияние физического и психического статуса человека, и потому, шире, чем они. От физического и психологического состояния человека зависит его общественная значимость и возможность развития человеческого потенциала. А в целом, от здоровья совокупности человеческих индивидов зависит состояние общества и государства в целом. Социально-психологического понимания здоровья придерживался Э. Фромм. Общество, на взгляд Э. Фромма – формирующая структура [7]. Она может оказывать влияние разного рода, как позитивное, так и негативное. И состояние здоровья, как отражение изменения человека под влиянием общества, может быть, как лучше, так и хуже. То есть философы и социологи издавна выделяли и выделяют социальное здоровье, как одно из основных факторов успешности человека. Главная идея философии социальной работы – создание представлений о цели и условиях социального взаимодействия, в результате которого личность проявляет определенный уровень социального здоровья, в рамках которого проявляет четкое понимание своей социальной и личной роли в окружающем обществе, демонстрирует ценностные предпочтения, основанные на традиционной культуре общества, к которому принадлежит и сформировавшихся социальных устоях.

Большая роль социального здоровья в перспективах развития общества делает его главным фактором эволюции цивилизации. Как любой другой капитал, социальное здоровье несет энергию преобразования. Она обуславливает цель жизни человека. Не всегда цель прямо проецируется в зависимости от аксиологических установок личности. Она в высшей степени зависит от здоровья человека, слагаемого из физического, психологического и социального компонентов. Поэтому Д. Коулманом – теоретиком социального капитала рассматривалась важность создания предпосылок для гармонизации общественного устройства. Д. Коулман, базировавшегося на политической экономии А. Сми-

та, продолжатель Д.С. Милля, свое понимание пользы обладания ресурсами человеческого капитала для наемных работников, видел в высокой организации процесса производства и могут решать личные задачи, возникающие перед ними на более высоком уровне [8]. Р. Патнэм подходил к вопросу не с экономической, а политической точки зрения на организации жизни общества и потому, уделил внимание социальным связям, как обязательному условию активизации политической жизни, ее оздоровления, выявляя их глобальную ценность и важную роль в повышении уровня жизни общества [9]. Высокая степень развития социальных групп выступает препятствием на пути развития асоциальных явлений. Тем не менее, считаем необходимым к их выводам добавить несколько пояснений, относимых к составу и численности социальных групп, так как противоправные действия также являются выражением активности социальных групп.

К. Маркс отмечал историческую природу социальных институтов и их роль в социализации личности. Эту мысль, высказанную в заметках на полях научного исследования Л. Моргана К. Маркс развил и сформулировал следующим образом: «Древнейшая организация – социальная, основанная на родах, фратриях, племенах; так создается родовое общество... Затем возникла политическая организация, основанная на территории и собственности... [10]. Красной нитью эту мысль проводит К. Маркс в письме к П. Анненкову от 28 декабря 1846 г., называя именно семью, государство и гражданское общество социальными институтами, формирующими человека. Семья – основной социализирующий институт для детей. Семья, на взгляд Л. Моргана и К. Маркса – структура, родившаяся в рамках родового строя, которая «похоронила» предыдущие отношения и стала предвестницей нового взаимодействия, которое привело к появлению государства и гражданского общества. Поэтому интерес к воспитанию детей в семье находится в поле зрения государства и всех его институтов. Роль семьи в воспитании детей велика, но не исключительна, в силу различных обстоятельств, складывающихся в жизни ребенка. На эту особенность социального положения семьи и ее роли в социализации обращали внимание еще философы античности. Платон не отводил семье какой-либо более или менее значимой роли в социализации ребенка. Он считал влияние семьи вредным и лишь государство признавал в качестве единственного института социализации будущих граждан. Его трактат «Государство» подчеркивал, что дети – будущее государства и их воспитание должно быть прерогативой государства [11]. Его ученик Аристотель, который с глубоким уважением относился к своему педагогу и наставнику Платону, его идею отрицания воспитания детей в семье не признавал верной. Аристотель читал единение семьи и государства относительными, прикладными, зависимыми от обстоя-

тельств характеристиками. Семью Аристотель считал базовой основой социализации и становления личности гражданина. В учении Аристотеля семья стоит у истоков общественного развития, образования государства, во многом предвосхищая теоретические выводы Л. Моргана. Аристотель считал, что развитие человеческой истории – это развитие общественных отношений, которые проходят путь через становление в семье к оформлению в общину и посредством ее трансформации – к образованию государств [12]. Отношение к пониманию детства изменяется с течением времени. В XVIII в. детство уже не воспринимается «недоросшим человеком» а приобретает характеристику самоценной личности. Эта позиция находит выражение в теоретических концепциях. Ф. Ариес наделил понимание детства проекцией на культуру цивилизации, от которой зависит его смысловое содержание [13, с.12]. Помимо трансформации детства в государственных общественных отношениях, его восприятие в семье также изменяется. От понимания роли института семьи, как поддержки ближайшего окружения, которое понимает и претендует на взаимное понимание и учит не только навыкам жизни, но и профессии до института формирования личности. В XVIII в. семья утратила функцию профессиональной социализации личности, которую приняло на себя государство. Среди всех институтов социализации главенствующая роль в ее поступательном осуществлении принадлежит образовательным организациям.

В 1880 г. в произведении В. Дильтея «Введение в науку о духе» был обоснован тезис о бесконечности и непознаваемости целей жизни человека, в отличие от познаваемости механизмов природы [14]. Эта идея послужила отправной точкой в разделении гуманитарного и естественнонаучного знания. Дильтея выделил на этом основании идиографические и номотетические явления и науки, отнеся действие социальных механизмов к первым. Однако, следует учитывать, что в чистом виде ни проявляет себя ни одно социально-историческое явление. Тезис об отсутствии оснований закономерных изменений общества, который выдвинул В. Дильтея, не учитывал действия субъективных закономерностей развития общества, пытаясь произвести сопоставление общества – с одной стороны, и природы – с другой. Механика, как основа физических явлений, изменений природы и реальности жизни, имеет несколько разделов, в пределах которых действуют свои законы. В. Дильтея упускал в ходе логических размышлений взаимосвязи между этими разделами, упрощая даже самую физическую природу бытия. Это было «пределом допустимости», необходимым для сравнения различных сфер жизни «природы» и «духа». В теории В. Дильтея не учитываются динамические характеристики самих законов под влиянием социально-экономических факторов, а субъективные факторы он изучает на примерах свершившихся событий экономической, политической

и культурной жизни. В теории В. Дильтея не учтено влияние правовых механизмов на параметры свободного выбора личности в пространстве социума. И если правовые факторы ограничивают свободу с целью ее сохранения для всех членов демократического общества, то другие параметры – социального положения индивидов, его демографические и гендерные характеристики также служат основаниями формирования определенного пространства социального действия. В рамках всего общества совокупность названных факторов является основанием для проведения социальной политики в различных направлениях – защиты материнства и детства, создания условий для развития детей - сирот, с целью обеспечения устойчивого развития общества – пенсионной и образовательной. Л.Г. Кураева считает, что объем знаний личности, передаваемых из поколения в поколение, увеличивается, сами навыки совершенствуются, а методы социализации трансформируются в новые [15]. В первую очередь, это можно применить к объему знаний и умений, направленных на понимание поддержания социального здоровья личности. За период с начала XX и до начала XXI вв. полностью изменилась парадигма социального здоровья личности, основу которой составляет философия социальной защиты личности. В философии социальной защиты базовыми являются широкий и узкий подходы к изучению социального здоровья подрастающего поколения граждан. Широкий подход включает три социальных переменных: физического, ментального и социального статусов, преломленных через призму аксиологического подхода. Для разных типов общества все названные переменные обладали различной ценностью на протяжении разных исторических периодов. Объединяющим фактором является то, что социальное здоровье изучается на основании изучения указанных переменных, лишь в их совокупности. Узкий подход рассматривает социальное здоровье как интегральный показатель социальных характеристик, а также исследует влияние социума на факторы физического здоровья. Таким образом физическое здоровье рассматривается в качестве зависимого от социальных переменных. Можно назвать эти два подхода «восходящим» и «нисходящим» - в первом случае от физического и ментального статуса – к показателям социального благополучия – текущим и будущим; во-втором – от социального статуса к его отражению на физических и ментальных характеристиках личности. Названные параметры исходя из указанных подходов отражают лишь потенцию процесса. Истинную картину социального здоровья можно выявить лишь в ходе социализации.

Изучение социального здоровья в настоящее время представляет собой комплексное знание на стыке различных наук. Классический подход понимания социального здоровья как закономерного продукта социализации представлен педагогическими трудами К.Д. Ушинского, П.И. Пидкасистого, Г.М. Андреевой [16].

Очевидно, что этот подход может быть представлен в научных работах педагогов, поскольку школа является определяющим институтом социализации [17]. Как подобает педагогике, социальное здоровье в классической теории воспитания выступает результатом социально поощряемого поведения, проявляемого как результата личного выбора и проявления определенных (социально одобряемых) качеств личности. Этот подход не поясняет понятие социальное здоровье по отношению к гражданам с ограниченными возможностями здоровья. Актуальным по отношению к ним является постмодернистский подход, базирующийся не на анализе компонентов социального здоровья, а на степени возможного «самосозидания» любой личностью, с любыми исходными данными.

П. Бурдые рассматривал привычку поведения в наличии множественности выбора основой образа жизни [18], а исходя из теории З. Баумана социальным здоровьем можно считать пространство соглашения личности между здоровым состоянием и проявлениями болезненного, пределы которых позволяют выполнять социальные функции [19]. Личность, действующая в обозначенных пределах, выступает «архитектором» своего социального благополучия. Проблема личности в разрезе социального здоровья, осознаваемая лишь ею, не приобретает глобальной социальной роли, в рамках которой возможно решение. Решение в таком случае лично. Как и наименование сложившейся ситуации термином «проблема». С. Хилгартнер и Ч. Боска обобщая ситуацию решения социальных вопросов, определяют источник их общественного признания – характер всеобщности для определенных социальных слоев: инвалидов, пожилых людей, детей и молодежи [20]. Определение границ социального благополучия становится базой личной работы, направленной на формирование личности. В этой работе тесно переплетаются ментальные основы восприятия жизни, учет физиологии, медицинских аспектов болезни, психологических особенностей личности и других, не менее важных подходов с целью создания оптимальной картины социального здоровья личности. Необходим научный подход к выявлению и рассмотрению всех непосредственно стоящих перед различными социальными слоями проблем, и смежных с ними с целью их оптимального разрешения. Решение этих проблем видится в плоскости гносеологического подхода. В рамках философского гносеологического подхода для решения проблем социального здоровья следует изучить и объект – социальное здоровье общества и субъект – параметры социального здоровья личности.

В настоящее время можно говорить об оформлении и формировании закономерностей теории социальной работы, поскольку она определяется условиями экономических, политических, социальных реформ, яв-

ляющиеся основными факторами социальной среды в которых формируется социальная политика. В теории социальной защиты особое место занимает функция формирования социального здоровья. Гносеологические основания теории имеют трехкомпонентную структуру: идеалы и нормы социального здоровья личности, которые в последние годы переживают исключительно сильную, позитивную трансформацию. Например, если ранее инвалиды не имели возможности жить полноценной жизнью, то в настоящее время они активные члены общества. Люди с ограниченными возможностями здоровья могут не только получить желаемое образование, но и совершенствовать физическую форму, принимать деятельное участие в политической жизни. То есть идеал социального здоровья в настоящее время не состоит в представлении о пышущим здоровьем человеке, которого представляли древние греки, а в социально устроенной и реализованной личности в пределах тех возможностей физического здоровья, которыми обладает. Картина мира, складывающаяся на основе современного эталона социального здоровья, выглядит как толерантное и дружественное отношение к физическому состоянию личности, отличной от физиологически здорового человека, но, усилием человеческого духа, создавшего собственное социальное благополучие, что находит выражение и в философских основаниях теории постмодернизма. Нормы представлений о социальном благополучии являются теми критериями, которые определяют степень социального здоровья общества. Отношение к случайности в теории классической философии противопоставлялось необходимости. Современный постмодернизм не видит противопоставления в этих категориях, а анализирует социальную стратегию в рамках сложившихся причинно-следственных связей.

Картина социального устройства мира философии постмодернизма предполагает учет трех базовых факторов: потребности объективного учета кризисного состояния современного общества; потребности в критическом осмыслении возможностей социальной защиты населения в сложившихся обстоятельствах; признания важной роли практической основы социальной защиты при субъективности научного обоснования, которое находится в зависимости от влияния политики, экономики и культуры. Теоретические построения оказывают сильное влияние на практику воплощения социальной защиты населения. Значимость социальной работы определяется степенью рациональности решений, направленных на улучшение социального положения населения. Рациональность в рамках философского подхода также имеет различное выражение, что нашло отражение в научных исследованиях К.С. Арутюняна [21].

Первым и главнейшим фактором, таким образом в философии социальной работы, как с позиции форми-

рования социального здоровья личности, так и с позиции социальной безопасности населения, является создание системы гуманистических ценностей, которые в современном обществе существенно поколеблены. Лишь на основе создания ценностей с учетом того факта, что постмодернизм является мировоззрением современного человека, что с большой убедительностью было доказано исследователем С.А. Азаряном, проследившим не только ментальные, но и текстовые его проявления у современных граждан России, можно создать фундамент признания необходимости и полезности социальной работы [22]. Это тем более необходимо, что государство в современной модели взаимодействия ЕС и США играет роль поддержки лишь по принципу разделения «новых европейских ценностей». Тем же, кто активно сопротивляется им, или просто не согласен с «гендерным равенством», понимает свободу слова как реальную свободу, а не как борьбу с несогласием, или демократию понимает, как свободу выборов, а не как свободу манипуляции, отведена роль гомофобов и социофобов. В таком обществе, люди, провозглашенные социофобами, в какой бы они не находились позиции, могут рассчитывать лишь на помощь себе самостоятельно, так как для общества их позиция неприемлема. Но и другие категории должны позаботиться о создании условий для своего будущего без помощи государства. Развитие теории социальной защиты может послужить основанием для повышения ценностного статуса как социальных работников, так и института социальной защиты.

В социальной работе связь между субъектом и объектом познания и приложения сил опосредована созданным и реализуемым социальным проектом. Философско-эпистемологический подход позволит построить модель системы теоретического знания в сфере социальной работы. Особенности российской модели социальной работы являются: небольшой период функционирования системы социальной защиты населения, зависимости от современных экономических реформ, дихотомии существования в рамках традиционной и постмодернистской социальной картин мира; динамичности реализуемых проектов; накопление регионального и федерального опыта создания социальных программ поддержки населения; создание многоуровневой системы образования в сфере социальной защиты, включающей изучение философско-методологических компонентов теории.

В настоящее время философские подходы в изучении теории социальной защиты являются наиболее динамично развивающимися. В теории социальной защиты традиционно наиболее развитыми являются описательный и статистический уровень знания. Дальнейшее развитие философии социальной работы должно произойти на основе обобщения эмпирических выводов социальной работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хак Махбуб уль Размышления о развитии человека / Махбуб уль Хак. – Нью Йорк: Из-во Оксфордского университета, 1996. – 288 с.
2. Соловьев В.С. Смысл любви: избр. произведения: [Стихи, письма, филос. эссе / В. Соловьев. – М.: Современник, 1991. – 525 с.
3. Чаадаев П.Я. Сочинения и письма / П.Я. Чаадаев. Т. 1. М.: Путь, 1913. – 464 с.
4. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости / А. Шопенгауэр // Самые интересные книги. URL: <http://lib.web-malina.com/getbook.php?bid=5530&page=3> (дата обращения: 20.08.2023).
5. Акопян А.С. Индустрия здоровья: Экономика и управление / А.С. Акопян, Ю.В. Шиленко, Т.В. Юрьева. – М.: Дрофа, 2003. – 447 с.
6. Юдин Б.Г. Концепция человеческого потенциала // Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке. В честь 70-летия Игоря Михайловича Ильинского / колл. монография под общ. ред. Вал. А. Лукова. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. – С. 175–186.
7. Бабосов Е.М. Теоретическое наследие классиков социальной мысли: Эрх Фромм: учебное пособие / Е.М. Бабосов, Э.Д. Коркия, А.К. Мамедов. – М.: МАКС Пресс, 2022. – 124 с.
8. Коулман Дж. Социальный капитал в создании человеческого капитала / Дж. Коулман // Американский журнал социологии. – 1988. – Т 94. С. 95–120; JSTOR. URL: <http://www.jstor.org/stable/2780243>. (дата обращения: 12.06.2023).
9. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданская традиции в современной Италии / Р. Патнэм. – М.: Изд. «Ad Marginem», 1996. – 287 с.
10. Андреев И.Л. К. Маркс о структуре и закономерностях развития первобытнообщинной формации в конспекте книги Л.Г. Моргана «Древнее общество». URL: https://rusneb.ru/catalog/002072_000044_ARONB-RU_Arxangel'skaya+ONB_DOLIB_3K14_A+655-871742/ (дата обращения: 14.06.2023).
11. Платон. Государство. URL: <https://opentextnn.ru/man/platon-gosudarstvo/> (дата обращения: 14.06.2024).
12. Аристотель. Сочинения. Политика. Кн. 2. Разбор политических проектов Платона. URL: https://www.litres.ru/book/aristotel/sochineniya-12627725/?lfrom_processed=2272045 (дата обращения: 15.05.2023).
13. Кон И.С. Открытия Филиппа Арьеса и гендерные аспекты истории детства // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2010. № 15 (58). С. 12–24.
14. Дильтей В. Собрание сочинений в 6 тт. Под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. Т. 1: Введение в науки о духе / Пер. с нем. под ред. В.С. Малахова. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000 С.270–730.
15. Кураева Л.Г. Детство как социокультурная ценность: дисс. . . канд. социол. наук : 22.00.06. – Саратов, 1995. – 153 с.
16. Абельбейсов В.А. Социализация воспитанников детских сиротских учреждений города Москвы (социологический анализ): автореф. дисс. . . канд. социол. наук / Абельбейсов В.А. – М., 2016. – 26 с.
17. Салменкова М.В. Информационные ресурсы в помощь правовой социализации обучающихся / М.В. Салменкова // Актуальные проблемы педагогики и психологии. – 2023. – Т. 4, № 8. – С. 15–21.
18. Бурдые П. Практический смысл / П. Бурдые. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
19. Бауман З. Свобода / З. Бауман. – М.: Новое изд-во, 2021. – 180с.
20. Hilgartner S., Bosk Ch. The rise and fall of social problems: A public arenas model // American journal of sociology. – Chicago, 2001. – Vol.94. 1. – P.53-78.
21. Арутюнян К.С. Факторы формирования общественного сознания в современных условиях / К.С. Арутюнян // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2019. – 3. – С. 80–87.
22. Азарян С.Г. Социально-философский аспект восприятия телевидения молодежью: Современные тенденции / С.Г. Азарян // Наука. Искусство. Культура. – 2023. – № 2(38). – С. 5–17.

© Абельбейсов Владимир Алексеевич (abel85.85@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ А.Л. ЧИЖЕВСКОГО ОБ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПОЛЕМИКИ ЭВОЛЮЦИОНИЗМА И КРЕАЦИОНИЗМА

Звонова Екатерина Евгеньевна

Кандидат философских наук, доцент, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет); Старший научный сотрудник, Центр исследований космизма, Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН)
nflammatur@yandex.ru

A.L. CHIZHEVSKY'S IDEAS ABOUT HUMAN EVOLUTION IN THE CONTEXT OF POLEMIC BETWEEN EVOLUTIONISM AND CREATIONISM

E. Zvonova

Summary: The object of the study is the content of A.L. Chizhevsky's ideas about human evolution reflected in philosophical works «The main beginning of the universe. Space system. Problems « and «Electronic theory and the genesis of forms. Problem », the subject is constituted by the peculiarities of the corresponding ideas in connection with the discussion between representatives of evolutionism and creationism. Particular attention is paid to the question of the compatibility of the scientist's views on the evolutionary development of Homo sapiens with theistic evolutionism, process theology, Young Earth and Old Earth creationism, the movement of intelligent design and alterism, as well as the meanings and connotations that the views of A.L. Chizhevsky acquire in the context of these approaches. The study helps clarify the question of how scientific and religious pictures of the world relate in Russian cosmism; in the future, such an explication will determine the ideological foundations for a fruitful dialogue between science and religion.

When writing the work, the following methods were used: analysis of text sources (including 1703 fund's manuscripts of the Archive of the Academy of Sciences of the Russian Federation), comparative analysis, analysis, synthesis, generalization, induction and deduction, historical method.

The scientific novelty of the article is constituted by the study of the ideas of A.L. Chizhevsky about human evolution in connection with theistic evolutionism, process theology, Young Earth and Old Earth creationism, the movement of intelligent design and alterism.

An analysis of the scientist's views about the evolution of the species Homo sapiens in the context of the polemic of evolutionism and creationism allows us to draw the following conclusions, which in our opinion can contribute to a fruitful dialogue between representatives of the scientific and religious communities:

- 1) in the best way the ideas of A.L. Chizhevsky about the development of mankind are combined with the position of theistic evolutionism: in this case, we do not have a contradiction between the scientific and philosophical approach and the religious worldview, but the addition of the first with the second;
- 2) a similar result testifies against the cultural myth about the incompatibility of science and religion.

Keywords: A.L. Chizhevsky, science, religion, evolution, theistic evolutionism, process theology, Young Earth creationism, Old Earth creationism, movement of intelligent design, creationism.

Аннотация: Объектом исследования являются представления А.Л. Чижевского об эволюции человека, отраженные в философских трудах «Основное начало мироздания. Система космоса. Проблемы» и «Электронная теория и генезис форм. Проблема», предметом выступают особенности соответствующих представлений в связи с дискуссией между представителями эволюционизма и креационизма. Особое внимание уделено вопросу о совместимости взглядов ученого на эволюционное развитие вида Homo sapiens с теистическим эволюционизмом, теологией процесса, младоземельным и староземельным креационизмом, движением разумного замысла и альтеризмом, а также тем смыслам и коннотациям, которые воззрения А.Л. Чижевского приобретают в контексте указанных подходов. Исследование способствует прояснению вопроса о том, как в русском космизме соотносятся научная и религиозная картины мира; в перспективе подобная экспликация позволит определить мировоззренческие основания для плодотворного диалога между наукой и религией.

При написании работы использовались следующие методы: анализ текстовых источников (включая рукописи фонда 1703 Архива Академии Наук Российской Федерации), компаративный анализ, анализ, синтез, обобщение, индукция и дедукция, исторический метод.

Научную новизну статьи составляет изучение представлений А.Л. Чижевского об эволюции человека в связи теистическим эволюционизмом, теологией процесса, младоземельным и староземельным креационизмом, движением разумного замысла и альтеризмом.

Анализ взглядов ученого на эволюцию вида Homo sapiens в контексте полемики эволюционизма и креационизма позволяет сделать следующие выводы, которые, на наш взгляд, могут способствовать плодотворному диалогу между представителями научного и религиозного сообществ:

- 1) наилучшим образом идеи А.Л. Чижевского о развитии человечества сочетаются с позицией теистического эволюционизма: в данном случае мы имеем не противоречие между научно-философским подходом и религиозным мировоззрением, но дополнение первого вторым;
- 2) подобный результат свидетельствует против культурного мифа о несовместимости науки и религии.

Ключевые слова: А.Л. Чижевский, наука, религия, эволюция, теистический эволюционизм, теология процесса, младоземельный креационизм, староземельный креационизм, движение разумного замысла, креационизм.

Введение

Объектом данной статьи являются представления об эволюции человека, отраженные в философских трудах антропокосмиста А.Л. Чижевского, предмет ее составляют их особенности в контексте дискуссии между представителями эволюционизма и креационизма.

Цель работы – прояснение более общего вопроса о том, как в русском космизме соотносятся научная и религиозная картины мира, которое позволит определить мировоззренческие основания для плодотворного диалога между наукой и религией. Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что миф о противостоянии науки и религии воспроизводится поныне, порождая ряд негативных феноменов [3].

Эволюционная проблематика соответствует цели работы, поскольку является ключевой для русского космизма, а полемика эволюционизма и креационизма зачастую воспринимается как выражение конфликта между приверженцами научного подхода к реальности и сторонниками религиозного мировоззрения. Так, В.В. Мамонов справедливо отмечает, что в широком понимании вопрос о соотношении эволюции и творения является проблемой взаимоотношений науки и религии, если же брать еще более общую перспективу – за ним стоит известная с первых веков христианства проблема соотношения веры и разума [9, с.31].

Научную новизну статьи составляет изучение представлений А.Л. Чижевского об эволюции человека в связи теистическим эволюционизмом, теологией процесса, младоземельным и староземельным креационизмом, движением разумного замысла и альтеризмом.

Методология

При написании работы использовались следующие методы: анализ текстовых источников (в том числе рукописи фонда 1703 Архива Академии Наук Российской Федерации), сравнительный анализ, анализ, синтез, обобщение, индукция и дедукция, исторический метод.

Результаты

Различные версии взглядов А.Л. Чижевского на эволюцию человека изложены в его философских трудах «Основное начало мироздания. Система космоса. Проблемы» [11-12] и «Электронная теория и генезис форм. Проблема» [4]. Согласно данным работам, гармония, упорядоченность и целостность мира базируется на действии единого закона, всеобщего принципа кругообращения, проявляющегося в ритме и симметрии, на единый электрический субстрат. Соответствующая картина реальности определяет взгляды мыслителя на эволюцию человеческого рода.

В «Основном начале» А.Л. Чижевский склоняется к модели «спиральной» эволюции человека, позволяющей соединить принцип кругообращения и восходящее, направленное развитие, признание ритма истории и вариативность событий. Впрочем, ученый отмечает, что по причине ограниченности времени нашего существования, мы не в состоянии заметить циклическую закономерность длительных «по человеческим меркам» явлений, а потому он лишь предполагает начало «нового оборота восходящей космической спирали».

Идея активной (т.е. направляемой разумом и волей человека) эволюции не раскрыта и не исследована на страницах «Основного начала» сколь-либо полно. Однако достаточно тривиальные суждения А.Л. Чижевского о желании природы, «Великой Матери», видеть людей разумными и познающими говорят в пользу того, что мыслителю были близки соответствующие представления.

Для полноты исследования приведем цитату, иллюстрирующую эволюционные взгляды ученого. Упомянув историческую перспективу грозному морю с высокими гребнями волн и зияющими впадинами, А.Л. Чижевский пишет: «Цикл завершен. Планета истории прожила свои сутки. Наступают новые. Человечество опять совершает свой подъем, но подъем этот расположен уже в другом месте большого космического цикла. Все признаки, сопутствовавшие прежнему подъему, сохранились и при новом подъеме человечества, но изменились только в характере своих проявлений. Говорят, «человечество сделало шаг вперед», человечество эволюционирует» [12, с. 134].

«Электронная теория и генезис форм» содержит эволюционные воззрения, сочетающиеся с идеей отсутствия непреодолимых границ между царствами природы (она свойственна и «Основному началу», однако не выражена там ярко). Характерные для «Электронной теории» взгляды на эволюцию человека отличаются жестким детерминизмом, предполагающим абсолютную обусловленность развития вида *Homo sapiens* принципом всеобщего кругообращения. Отметим, что соответствующая позиция А.Л. Чижевского отлична от детерминистических представлений «Основного начала» меньшей диалектичностью и худшей сочетаемостью с идеей активной эволюции [2].

Кроме того, оценка перспектив развития человеческого рода, изложенная в «Электронной теории», достаточно пессимистична: «Основываясь на формуле Геккеля: онтогенезис повторяет филогенезис и дополнив ее другой формулой: старость и конец человека доказывает грядущую старость и вымирание человечества, мы придем к тому заключению, что и человечество, как в отдельных своих индивидах, так и в целом не составляет исключения из общего закона, которому, по-видимому, подчинены все

мировые процессы» [4, л. 166]. При этом ученый ужасается не столько неизбежной гибели людей, сколько приближению к ней, отмеченному дряхлением и вырождением.

В «Электронной теории», как и в «Основном начале», А.Л. Чижевский говорит о развитии человечества, не претендуя на достоверное знание. Его пессимизм смягчается констатацией того, что на момент написания данного труда человеческий род может быть разделен на три типа – совершенствующийся, неизменяющийся и деградирующий, причем первый составляет большинство, а последний – сравнительно малочислен (в связи с ним ученый допускает расистские суждения). Подобное положение вещей говорит о том, что человечество не достигло пика развития; кроме того, дает мыслителю основания предполагать «наследование Земли» наиболее «прогрессивными» родами, которым удастся трансформироваться.

На «наследников Земли» А.Л. Чижевский возлагаются особые надежды; им «надлежит, покидая человеческую природу, перейти на новую ступень общеземной органической эволюции и трансформироваться в подлинно-го ново или сверхчеловека, который будет настолько же удален от нас, как мы от обезьяны» [4, л. 171]. В связи с наблюдаемым прогрессом мыслитель упоминает книгу Р. М. Бёкка «Космическое сознание. Исследование эволюции человеческого разума», посвященную перспективам наступления эры нового и высшего типа сознания; по мнению канадского автора, отдельные его носители существовали к моменту ее написания.

Рассмотрим изложенные воззрения А.Л. Чижевского на эволюцию человека в связи с подходами к эволюции, подразумевающими интеграцию, конфликт и независимость науки и религии (не исключая возможность диалога между ними). Классификация подходов заимствована нами у В.В. Мамонова [9], который выделяет их на основании моделей соотношения науки и религии, описанных американским физиком и богословом И. Барбуром [13].

Интеграция

Теистический эволюционизм

Термином «теистический эволюционизм» обозначается совокупность теологических позиций, представители которых признают, что эволюция (как биологическая, так и небιологическая) является научно обоснованным фактом и одновременно инструментом воплощения Божьего замысла о творении [8]. Степень божественного вмешательства в ход эволюции различается у разных сторонников соответствующего подхода.

Легко заметить, что представления А.Л. Чижевского о развитии человечества не противоречат теистическому эволюционизму явным образом, вполне совместимы с ним. Это касается как взглядов на эволюцию человека,

изложенных в «Основном начале», так и соответствующих воззрений «Электронной теории» (первые ближе к сценарию апокатастасиса, вторые – к «разделяющей» эсхатологической перспективе христианства). При этом и в рамках теистического эволюционизма, и в свете мировоззрения А.Л. Чижевского проблематичным представляется само возникновение человека как отдельного вида, как существа, отличающегося от прочих живых организмов, и встает ряд этических вопросов.

Теистические эволюционисты, признавая восходящее развитие природы, которое так или иначе привело к возникновению Homo sapiens, чаще всего прибегают к аргументу божественного вмешательства, объясняя собственно человеческое, личностное в человеке, и вынуждены столкнуться на новом уровне с проблемой теодицеи. Принцип естественного отбора, согласно которому побеждает сильнейший, плохо согласуется с основной этической направленностью христианства, что побуждает богословов разрабатывать утонченную диалектику добра и зла, представляя второе необходимым для конечного торжества первого, признавая смерть неременным условием развития жизни.

В философских работах А.Л. Чижевского также не описан конкретный механизм, объясняющий, как в результате воздействия универсального закона на единый субстрат при отсутствии жестких границ между царствами природы возникают специфические для людей качества. Более того, будучи детерминированным объективным порядком мира, человек оказывается по сути лишенным субъектности [6], что делает невозможным предъявлять к нему нравственные требования, хотя сфера морали традиционно соотносится с человеческой сущностью. При этом А.Л. Чижевский, претендуя на рациональное объяснение различных явлений естественными причинами, не имеет возможности прибегнуть к доводам о божественном вмешательстве в мировые процессы. Поэтому можно сказать, что позиция теистического креационизма дополняет его воззрения.

Подобный результат заставляет вспомнить взгляды Фомы Аквинского, согласно которым между верой и разумом отсутствует противоречие, хотя разум и ограничен в своем познании. Неудивительно, что теистический эволюционизм весьма авторитетен среди богословов.

Интересно следующее обстоятельство. А.Л. Чижевского если не по миропониманию, то по мироощущению можно назвать пантеистом [10-11]. Восприятие космоса, природной реальности как гармонического целого, вызывающего чувство священного, особенно ярко отражает поэзия мыслителя, хотя оно ощущается и в научных трудах основоположника гелиобиологии, а «Основное начало мироздания» можно было бы назвать «Гармонией мира» с неменьшим основанием, нежели известную ра-

боту И. Кеплера. Теистический эволюционизм также зачастую тяготеет к пантеизму, за что подвергается критике со стороны ортодоксально настроенных представителей христианской мысли. Здесь отчетливо проявляется двойственная природа пантеизма, позволяющая трактовать его и как «приукрашенный атеизм» (Р. Докинз), и как тотальное утверждение вездесущности божественного.

Теология процесса

Представители теологии процесса опираются на философские воззрения А.Н. Уайтхеда и мыслят реальность как процесс, предполагающий постоянную реализацию возможностей, направляющих развитие мира, воплощающихся в событиях, каждое из которых обусловлено предшествующими [17; 18; 20]. Будущее этой бесконечной цепочки открыто, и любая пространственно-временная точка концентрирует «опыт» мироздания, причём опыт присущ и неорганическим объектам.

В силу того, что будущее не является predetermined, а опыт нельзя произвольно «отменить», по мнению сторонников теологии процесса, Бог оказывается лишённым свойств всеведения и всемогущества. Его отношения с миром подобны взаимодействию разума и тела: первый онтологически «выше» второго, но не является его творцом, здесь имеет место корреляция, взаимозависимость. Так же и дискурс теологии процесса подразумевает взаимозависимость мира и Бога.

Мировоззрение А.Л. Чижевского, в частности, его взгляды на эволюцию, согласуются с теологией процесса в том, что касается холистического, системного подхода к реальности, взаимозависимости различных феноменов. Однако, как мы помним, ученый был убежденным детерминистом; строгий детерминизм основоположника гелиобиологии плохо сочетается с неопределенностью будущего, открытостью финала эволюции.

Конфликт

Эволюционизму традиционно противопоставляется креационизм, сторонники которого отстаивают истинность более или менее буквального понимания библейской версии творения. В зависимости от степени радикальности соответствующей точки зрения выделяют младоземельный и староземельный креационизм, а также движение разумного замысла.

Младоземельный креационизм

Представители младоземельного креационизма обязаны своим названием тому, что полагают творение мира свершившимся за шесть дней от 6000 до 10000 лет назад; они признают историчность Всемирного потопа и иных событий, описанных в Библии, библейский текст рассматривается как наиболее авторитетный источник

знания [10; 19]. Данные науки младоземельные креационисты учитывают избирательно и зачастую весьма вольно интерпретируют их для укрепления собственного мировоззрения, эволюцию отрицают. Взгляды А.Л. Чижевского на развитие человечества несовместимы с младоземельным креационизмом как по причине непризнания приверженцами этого подхода эволюционизма, так и вследствие убежденности мыслителя в высшей ценности научного познания.

Староземельный креационизм (креационизм постепенного Творения)

Сторонники староземельного креационизма принимают данные науки о возрасте Вселенной и Земли, однако не считают истинным дарвинизм, полагая, что все биологические виды были созданы непосредственно Богом в течение длительного промежутка времени [14]. Близкие к идее активной эволюции представления А.Л. Чижевского о перспективах развития человеческого рода, очевидно, несовместимы со староземельным креационизмом. Аналогичное утверждение справедливо и в отношении надежд ученого на «наследующих Землю», ведь последние настолько же отличны от нас, насколько мы от обезьяны, т.е. принадлежат к пока еще не существующему виду, возникновение которого предполагает эволюционный процесс.

Движение разумного замысла

Представители движения разумного замысла в попытках доказать божественное сотворение мира опираются на логические доводы и апелляции к устройству природы. Наиболее популярны аргументы «неуменьшаемой сложности» [15-16] и «определенной сложности» [16]. Первый сводится к тому, что дарвинизм, убедительно описывая происхождение видов за счет приспособления, не может пролить свет на возникновение ряда сложных систем развитием от простого к сложному (особенно на молекулярном и клеточном уровнях); соответственно, их существование свидетельствует о разумном замысле. Аргумент «определенной сложности» заключается в следующем: некоторые события, обладающие достаточной степенью сложности, настолько маловероятны, что разумный замысел представляется самым простым их объяснением; таким феноменом является, например, жизнь.

Хотя идеи А.Л. Чижевского об эволюционном развитии Homo sapiens несовместимы с креационистской позицией движения разумного замысла, можно отметить: для ученого был характерен интерес к «сложности», системности, и подход к миру как суперсистеме, в которой все настолько взаимосвязано и целесообразно, что невольно возникают переживания, соответствующие концепции разумного замысла. Впрочем, как было отмечено выше, на наш взгляд мироощущение А.Л. Чижевского можно скорее назвать

пантеистическим, особенно учитывая формальную нерелигиозность мыслителя.

Независимость. Альтеризм

Альтеризмом (от латинского *alter* – другой (из двух)) называется позиция, согласно которой до и после грехопадения существуют два различных мира, «живущих» по разным законам [1]. Поскольку научное знание касается «этого» мира и не ставит под сомнение того («другого»), что недоступно эмпирическому исследованию, сторонники альтеризма склонны принимать данные науки, в частности, касающиеся эволюции. Представления А. Л. Чижевского об эволюции человечества совместимы с альтеризмом; в свете предположения об истинности данного подхода их соответствие реальности не становится более или менее вероятным.

Заключение

Анализ взглядов ученого на эволюцию вида *Homo sapiens* в контексте полемики эволюционизма и креационизма позволяет сделать следующие выводы:

1. наилучшим образом идеи А.Л. Чижевского о развитии человечества сочетаются с позицией теистического эволюционизма: в данном случае мы имеем не противоречие между научно-философским подходом и религиозным мировоззрением, но дополнение первого вторым;
2. подобный результат свидетельствует против культурного мифа о несовместимости науки и религии.

Мы надеемся, что это и дальнейшие исследования будут способствовать плодотворному диалогу между представителями научного и религиозного мировоззрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Еп. Василий (Родзянко). Теория распада Вселенной и вера отцов. М.: Паломник, 2003. 254 с.
2. Звонова Е.Е. Детерминистические представления о человеке в философских работах А.Л. Чижевского: научный и религиозный аспекты // Философская мысль. 2024. № 1. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.1.69505 EDN:IZCAWI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69505
3. Звонова Е.Е. Христианская и «промеевская» антропология: противоречие или сущностное тождество // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2022. № 2. С. 84-89.
4. Исследование Чижевского А.Л. «Электронная теория и генезис форм. Проблема» в 2-частях. Автограф // Архив РАН. 1703. Оп. 1. Д. 2. 224 л.
5. Карнеев, Р.Р., Мухортов, А.С. Реконцептуализация субъекта и критика Просвещения // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 1 (70). С. 128–136. DOI: https://doi.org/10.54398/1818-510X_2022_1_128.
6. Карнеев Р.Р. Проект реконцептуализации субъекта: незавершённая сборка. // Концепт: философия, религия, культура. 2022. № 6(1). С. 7-19. DOI: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-1-21-7-19>.
7. Криман А.И. Постгуманизм и современное искусство: пересборка антропоцентристского дискурса в пространстве визуального // Наука телевидения. 2023. 19 (3). С. 21-41.
8. Круглова И.Н. Теистический эволюционизм как диалог науки и богословия // Глобальные вызовы современности и духовный выбор человека: XXIII Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения. Материалы и доклады Межрегиональной научно-практической конференции, Красноярск, 16–18 января 2023 года. Красноярск: ООО «Издательский дом «Восточная Сибирь», 2023. С. 404-415. EDN VMGYOB.
9. Мамонов В.В. Эволюция как проблема современной христианской мысли // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 1. С. 30–39.
10. Хэм К., Сарфати Дж., Виланд К. Книга ответов. Расширенная и обновленная / под ред. Д. Бэттена. Симферополь: Христианский научно-апологетический центр, 2000. 288 с.
11. Чижевский А.Л. Основное начало мироздания // Духовное созерцание. 1997. №№ 1-2. С. 105-136.
12. Чижевский А.Л. Основное начало мироздания // Духовное созерцание. 1997. №№ 3-4. С. 85–113.
13. Barbour I. Religion and Science: Historical and Contemporary Issue. London: SCM Press, 1998.
14. Bernard Ramm. The Christian View of Science and Scripture. Grand Rapids, Michigan: W.B. Eerdmans Publishing Company, 1955.
15. Behe M.J. Darwin's Black Box. The biochemical challenge to evolution. New York: Free Press, 2006. 307 p.
16. Dembski W.A. The Design Inference: Eliminating Chance Through Small Probabilities. New York: Cambridge University Press, 1998. 243 p.
17. Dick, S.J. Cosmotheology and Process Theology: A Reply to Metaphysics of Exo-Life by Andrew Davis // Theology and Science. 2023. №. Pp. 22(1). 95–105. DOI: <https://doi.org/10.1080/14746700.2023.2292929>.
18. Flannery M.A. The Process Theology of John Eloff Boodin // Religions. 2023. №. 14(2). 238. DOI: <https://doi.org/10.3390/rel14020238>.
19. Marshall K.L. Revisiting the Scopes Trial: Young-Earth Creationism, Creation Science, and the Evangelical Denial of Climate Change. // Religions. 2021. №. 12(2). 133. DOI: <https://doi.org/10.3390/rel12020133>
20. Roseline Elorm Adzogble. Resurrecting Whitehead: A theodicy in the wake of global crisis. Global Solidarity Crisis Symposium September 2022, Catholic University of Widya Mandala in Surabaya, Sep 2022, Surabaya, Thailand. ffhah-04027718f.

© Звонова Екатерина Евгеньевна (nflammatu@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЧАЯНИЯ О «МЫШИНОМ РАЕ»: ПРОТИВОРЕЧИЯ ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВ УТОПИИ ТРАНСГУМАНИЗМА

Зеткин Сергей Николаевич

соискатель, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск)
serzet@mail.ru

DESIRES FOR A "MOUSE PARADISE": CONTRADICTIONS IN THE PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF THE UTOPIA OF TRANSHUMANISM

S. Zetkin

Summary: The article examines the origins of transhumanism, the connection with the ideas of Nietzsche, and analyzes the program of the "Russia 2045" movement and its idea of an ideal future, devoid of contradictions. The contradictions of this program are revealed, indicating the utopianism of the ideas of transhumanism. Examples of the implementation in practice of certain, and the most extreme, directions of transhumanist thought in our country are examined, which also confirm the utopianism of the implementation of this unscientific movement. As a result of the study, it was proven that transhumanism is a utopia. Therefore, the main goal of the entire movement of transhumanism is propaganda and persuasion of an inexperienced audience in order to recruit new adherents of its ideology.

Keywords: transhumanism, utopia, posthuman, contradiction, cryonics.

Аннотация: В статье рассматриваются истоки трансгуманизма, связь с идеями Ницше, анализируется программа движения «Россия 2045» и ее представление об идеальном будущем, лишенном противоречий. Выявляются противоречия данной программы, свидетельствующие об утопизме идей трансгуманизма. Исследуются примеры реализации на практике отдельных, причем самых экстремальных, направлений трансгуманистической мысли в нашей стране, которые также подтверждают утопизм реализации данного ненаучного течения. В результате исследования было доказано, что трансгуманизм – это утопия. Поэтому основной целью всего течения трансгуманизма является – пропаганда и убеждение неискушенной аудитории с целью набора новых адептов своей идеологии.

Ключевые слова: трансгуманизм, утопия, постчеловек, противоречие, крионика.

Введение

«Невозможно понять, что собой представляет утопия, если исходить из современного словоупотребления: слишком велика популярность этого слова и необъятность спектра придаваемых ему значений», – пишет исследователь феномена утопии Е.Л. Черткова [7. с. 192]. И в таком случае, рассмотрение явления трансгуманизма с точки зрения утопичности с одной стороны может показаться банальным, ни вызывающим удивления ни ученого, ни даже обывателя по причине, во-первых, привычной идеи постоянного поиска достижения физического бессмертия и, во-вторых, широкой трактовки термина «утопия», а с другой стороны – привести к обвинениям в зыбкости аргументации и элементарной необоснованности терминологии со стороны апологетов трансгуманистической концепции. Тем более, что среди последних совершенно неожиданно обнаруживаются исследователи из признанных научно-образовательных центров, таких, как МГТУ имени Баумана и Тюменского государственного медицинского университета, которые в целом позиционируют себя сторонниками трансгуманистической концепции, пусть и с оговорками, вводя в научный оборот понятия «радикальный» и «умеренный трансгуманизм» [6].

Однако мы все же рискуем рассматривать весь разрастающийся год от года комплекс идей, переросший в международное движение, именуемый «трансгуманизмом», как утопию, причем в ее самом ныне часто употребляемом обиходном значении: как неосуществимую фантазию (Утопия // Толковый словарь Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1072574?ysclid=ly3l1ocxjk788556098>).

Открытое и удивительное появление в научной литературе суждения о возможности реализации трансгуманистических надежд в реальную жизнь дает и нам право утверждать обратную точку зрения о ее невозможности, которая заложена уже в самых основах концепции трансгуманизма.

Традиционное понимание трансгуманизма лежит в большей степени в плоскости футурологии и этики, нежели в научно-технических дисциплинах. И пусть возникновение трансгуманистического движения принято относить к XX веку, тема преодоления старения и смерти, избавления от болезней, радикального расширения физических способностей человеческого организма за счет достижений прогресса, является сквозной для всей мировой истории. Чаше подобные концепции оставались в рамках мифологических систем разных народов,

примером этого являются многочисленные вариации истории об эликсире молодости. В какой-то степени подобные концепции, даже будучи подкрепленными современной терминологией и теоретическим содействием новейших технологий, остаются мифологичными и на сегодняшний день.

«Говоря о критике трансгуманизма, приходится констатировать сегодня ее удивительную слабость и беспомощность», – писал в 2014 году выдающийся философ В.Н. Катасонов (Катасонов В.Н. Новая эволюционная утопия: трансгуманизм // Портал Богослов.Ru. 04.11.2014. URL: <https://bogoslov.ru/article/4273940>). Осмелимся предположить, что за десятилетие ситуация значительно изменилась, и критика трансгуманизма стала более основательной. В многочисленных работах серьезных ученых неоднократно делался упор на утопизм трансгуманистической идеи [10; 11].

Нам же важно было рассмотреть базовые противоречия уже в фундаменте теоретического построения трансгуманистической концепции, которые заранее ставят ее в ситуацию изначальной обреченности.

Основные результаты

Как это часто бывает, анализ даже самого понятия дает огромную пищу для размышлений и научного поиска. К примеру, в статье «Утопия» в энциклопедии «История философии» (Утопия // История Философии: Энциклопедия. Минск: Книжный Дом. А.А. Грицанов, Т.Г. Румянцева, М.А. Можейко. 2002. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/philosophy_history/607/УТОПИЯ) ни разу не упоминаются ни само понятие «трансгуманизм», ни даже попытки совершенствования человеческого организма, радикального преодоления старения и достижения физического бессмертия. Однако, среди прочего, например, в статье упоминаются технологические мифы, как один из источников утопии; претензия на универсализм; предвосхищение некоторых тенденций, ориентированных в будущее (здесь, к слову, трансгуманистические концепции с их многообразием фантастических и подробных сценариев смогли превзойти утопичные модели, так как утопиям позволительно не вдаваться в конкретные подробности, потому что текущий уровень познания не позволяет описывать детали); усовершенствование человеческого общества сугубо посредством организационно-интеллектуальных новаций.

В определенной степени в этическом, идеологическом и пропагандистском плане современным трансгуманистам значительно содействовал еще в позапрошлом веке философ-космист Николай Федорович Федоров сборником сочинений «Философия общего дела», изданном уже после смерти мыслителя. Разбор идей Федорова, его противоречия с христианскими дог-

матами, вне которых он не мыслил своей собственной жизни, соотношения духовного и материального познания мира – дело фундаментальное, тем более что оно уже осуществлялось великими классиками – Н.О. Лосским и Н.А. Бердяевым [13]. Однако современные российские трансгуманисты обходят критику идей Федорова стороной, делая из его работ примитивную выжимку (Николай Федоров // Российское трансгуманистическое движение. URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/100/31/>).

Добрый, верующий во Христа, искренне мечтающий о всеобщем благе Федоров, который ко всему этому обладал репутацией великого мыслителя среди современников и поражает смелостью взглядов и научностью изложения потомков, является для трансгуманистов социально удобным родоначальником, которого можно «поднять на стяг». Но неудобная правда приводит их на «темную сторону» к другому мыслителю – к Ницше и его «сверхчеловеку». Соотношение трансгуманистических идей и ницшеанства, в целом, серьезно исследовано. Причем о взаимоотношении идей Ницше и трансгуманизма задумывается один из главных европейских трансгуманистов Стефан Зоргнер [8]. С точки зрения морали, этики и социальных опасностей, гипотетическая реализация концепции «сверхчеловека» совершенно недопустима. Бессмысленно отрицать, что ницшеанские идеи активно использовались немецкими нацистами, что между фашизмом и идеями Ницше слишком много общего [9], что они тесно связаны с евгеническими программами [4]. Но такая схожесть очень показательна и является сильным примером того, как близко гипотетическая и маловразумительная теоретическая концепция находится от тотального разрушения и апогея смерти на практике. В этом смысле связь трансгуманизма с ницшеанством выглядит намного честнее, чем рассуждения активистов трансгуманизма, к примеру, представляющих так называемое общественное движение «Россия 2045». Словно стараясь отмежеваться от терминов «сверхчеловек» и «постчеловек» (которые автоматически, по факту своего употребления, перечеркивают высшую ценность и центричность самого человека, то есть, той идеи, которая является фундаментальной для гуманизма, а значит критично близкой для трансгуманизма), они вводят в пропагандистский оборот термин «неочеловек» и, что немаловажно, «неочеловечество» (Ицков Д. Путь к неочеловечеству как основа идеологии партии «Эволюция 2045» // Россия 2045. 09.11.2012. URL: <http://www.2045.ru/articles/30840.html>). Впрочем, терминология трансгуманизма является потенциальной темой самостоятельного исследования. От 9 ноября 2012 года на сайте движения «Россия 2045» опубликована огромная структурированная статья «Путь к неочеловечеству как основа идеологии партии «Эволюция 2045». Первое, что поражает в этом программном тексте, это совершенно четкое определение сроков реализации каждой из поставлен-

ных движением задач. А они являются, без преувеличения, так и не сбывшимися мечтами миллионов людей по всему миру на протяжении веков. «Ликвидировать старение, болезни и смерть» – это всего лишь одна из двух десятков задач на XXI век, который в программе назван «переходным». Действительно, на дальнейшие периоды, состоящие из нескольких веков, запланированы свершения, которые могут быть непонятными даже писателями фантастами. Это, к примеру, план расширения среды обитания «до мультиреальности – способности жить одновременно и свободно перемещаться в нескольких реальностях». Но наше внимание привлекло даже не это, а ряд абсолютно идеальных до наивности планов социального характера: «воспитать человека духовного, гуманного, устремленного в будущее, творческого, верящего в свой божественный потенциал»; «сформировать самоорганизующееся гуманное общество, направленное на дальнейшее самосовершенствование по принципу цветущей сложности»; «ликвидировать преступность и любые конфликты, в том числе межнациональные и межгосударственные». Эти три пункта «запланированы» автором концепции уже на XXI век, то есть, прямо на наше время. Последующие периоды в этой программе вообще не затрагиваются какими-либо исконными для человечества социальными проблемами, бедами и катастрофами – войнами, терактами, экономическими потрясениями, и так далее. Налицо – вера в линейную эволюцию социального прогресса. Трансгуманизм – течение не научное, а футурологическое, поэтому даже удивительно, что апологеты трансгуманизма совсем игнорируют утверждения одного из известнейших в мире футурологов Станислава Лема о том, что любая концепция конечной стабильности происходит из эпохи утопического и мифологического мышления, которое всегда надеялось на некий «золотой век» или иное воплощение рая на земле [2, с. 686]. Утопизм таких суждений в программе «Россия 2045» не опровергается, не обсуждается, а сознательно выносится за скобки, словно несуществующий. Кроме того, перечисление свершений человечества на ближайшие века похоже на описание будущего в сказках Кира Булычева. Будущее в представлении трансгуманистов вообще лишено противоречий. И это совсем непонятно, потому что апологеты трансгуманизма, естественно позиционирующие себя жесткими материалистами, фактически игнорируют гегелевское «диалектическое противоречие» и диалектический материализм, находящееся в центре которых противоречие является движущим принципом всякого развития. Особенно это важно в контексте прорывных технологий и кардинальных социальных скачков вперед, без которых светлое будущее трансгуманизма явно невозможно. Противоречия «ликвидируются» в программе уже в нашем веке. Во-первых, поставленной в одном из пунктов задачей «преодолеть существующие глобальные кризисы и возможную катастрофу середины века». Во-вторых, откровенно жутким пунктом «провести культурную ре-

волюцию». Понимается ли под этим повторение большевистской попытки создания «нового человека» (Физическое совершенство // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969—1978. URL: https://bse.slovaronline.com/47146-FIZICHESKOE_SOVERSHENSTVO), обернувшееся репрессиями, беспрецедентным гонением на религию, жесткой цензурой? Имеется ли ввиду культурная революция нацистов в Германии? [3] Или здесь понимается культурная революция Мао Цзедуна, унесшая бесчисленное количество человеческих жизней? Какой бы из этих вариантов не подразумевался в качестве примера трансгуманистами, ни один из них, как показывает история, не приводит к процветанию и не увязывается с искоренением конфликтов. Вместе с еще одним планом на XXI век, который зафиксирован, как «внедрить новые организационные технологии управления обществом», этот пункт оставляет не просто недоумение, но даже серьезные опасения относительно истинных замыслов трансгуманистов. «При этом трагизм процедур осуществления Утопии нередко истолковывается как следствие того, что Утопии являют собой «выражение антиприродного, надприродного измерения, которые могут быть только силой внедрены в сознание среднего человека и без которых история была бы менее трагичной», – пишет об утопии А.А. Грицанов (Утопия // История Философии: Энциклопедия. Минск: Книжный Дом. А.А. Грицанов, Т.Г. Румянцева, М.А. Можейко. 2002. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/philosophy_history/607/УТОПИЯ), и это в полной мере соответствует планам трансгуманистов на возможную «культурную революцию».

Тему противоречий, впрочем, развивать можно до бесконечности; можно до бесконечности спорить, что является противоречиями в трансгуманистическом поступательном движении вперед, но автор программы трансгуманистов вообще игнорирует какие-либо сложности, которые могут помешать поверхностной стройности его концепции. Вместе с тем, такой программой, простота которой действительно может принести определенные пропагандистские выгоды, не учитывается элементарная неабсолютность социального прогресса, субъектно-личностные факторы, критерии, противоречия которого являются предметом серьезных научных исследований [1].

Все это не мешает, однако, автору статьи «Путь к неочеловечеству как основа идеологии партии «Эволюция 2045» завершить свое планирование будущего всего сущего в мире на XXX веке планом «реализовать управление ходом личной истории силой мысли вплоть до завершения всех исторических процессов в точке сингулярности (конец истории, свертывание времени)». Этот итог, с одной стороны, для утопии является закономерным, а с другой – обескураживает. Действительно, на протяжении существования человечества разные

концепции подразумевали избавления общества от противоречий и достижение какого-либо идеала, после которого лишённая потрясений и большой событийности вообще, история уже не сможет быть таковой в привычном понимании. Обескураживает в данном случае такая надежда трансгуманистов по нескольким причинам. Во-первых, парадоксально, но в периодизации автора статьи «Путь к неочеловечеству...» прогнозируемому «концу истории» предшествует почти тысячелетие отсутствия конфликтов, катаклизмов и потрясений. То есть, абсолютно тепличных условий, аналогом которых в мировой истории был только так называемый «мышинный рай», лабораторно созданный в ходе эксперимента «Вселенная 25» (кстати, итог этого неоднозначного в научном плане эксперимента очень показателен и может прямо соотноситься с темой нашего исследования) [12]. В случае гипотетического тысячелетия неестественно идеальных условий для человечества, которые могут нами пониматься, как отсутствие стимулов для развития, вообще нужно рассуждать о том, способно ли оно в рамках рассматриваемой концепции достичь каких-либо прорывных технологий, и не наступит ли гипотетический «конец истории» раньше достижения трансгуманистических идеалов. В этом контексте нужно упомянуть известное утверждение ученого-химика и научного публициста Дерекы Лоу о том, что на большую долю прорывных научных работ могли влиять Вторая Мировая война и Холодная война (*A Decline in Scientific Innovation?* // AAAS. 09.01.2023. URL: <https://www.science.org/content/blog-post/decline-scientific-innovation>). Во-вторых, к счастью, ни один из вариантов «конца истории» до сих пор не реализовался, в том числе, и близкая к нам по времени концепция «Конец истории и последнего человека» Фукуямы [5], которого российский социолог В.Л. Иноземцев хлестко обозначил «проштрафившейся Кассандрой» (Конец, он же начало истории // Эксперт. 05.06.2006. С. 7). Идея Фрэнсиса Фукуямы лежала не в имморталистской, а в политической плоскости, но также опиралась на отдельные частности, промежуточные вехи в истории человечества, на основе которых, при полном игнорировании противостоящих факторов, была воздвигнута глобальная теоретическая конструкция. Он считал распространение либерально-демократических режимов в мире после падения Берлинской стены концом эры идеологических противостояний, глобальных революций и войн, а также искусства и философии. Концепция Фукуямы была опровергнута самими ближайшими после ее формулировки событиями, к примеру, терактом в Нью-Йорке.

«Принцип цветущей сложности», «конец истории», «сингулярность» – даже беглый анализ «прогноза» автора статьи «Путь к неочеловечеству...» оставляет впечатление наскоро собранных научных понятий, которые все не отражают внутреннюю убежденность мыслителя, их изложивших, а имеют цель пропаганды и убеждения

неискушенных читателей с целью набора новых адептов своей идеологии. И в этом ракурсе мы не можем не согласиться с Василием Щипковым [7. с. 21].

Впрочем, об утопии идей адептов трансгуманизма говорит нам сама жизнь. Еще до публикации, являющейся по сути манифестом статьи «Путь к неочеловечеству» как основа идеологии партии «Эволюция 2045» в нашей стране начались попытки реализации на практике отдельных, причем самых экстремальных, направлений трансгуманистической мысли. Прежде всего, это крионика умерших людей. Более того, энтузиасты-футурологи, организовавшие серьезную технологическую базу в Подмоскowie, зарегистрировавшие соответствующее юридическое лицо предлагали и предлагают заморозку не целых трупов, а их голов с гипотетическим их последующим оживлением (срок, естественно, не оговаривается) (Восстановление и омоложение // Kriorus. URL: <https://kriorus.ru/content/Glava-3-Vosstanovlenie-i-omolozhenie>). Причем клиентов, захотевших заморозить свой мозг после смерти, у компании нашлось немало; в России есть замороженные останки людей, которые надеялись на их последующее оживление. Мы не будем вдаваться в описание, в технические и биологические нюансы, размышлять вообще о возможности оживления замороженной головы и восстановления ее функций. Мы вновь остановимся на состоятельности общей гипотезы. Основной упор крионисты в своих футурологических размышлениях и маркетинговых предложениях, как и все трансгуманисты, делают на достижениях научно-технического прогресса, продолжающееся развитие которого должно привести человечество к уровню, способного оживлять части замороженных трупов, и каким-то образом на их базе восстанавливать личность и сознание. Понятно, что человеческая фантазия может подсказать множество вариантов технологий для восстановления всего умершего человека в будущем на основе головного мозга. Он в фантастической теории может быть вживлен в тело, состоящее из искусственно выращенных органов; установлен на туловище киборга; либо сознание из него будет перенесено на новый носитель. Все эти сценарии трансгуманисты всерьез обсуждали и обсуждают, причем, они уже обыграны в художественных книгах и фильмах. Любому человеку понятно, что нельзя прогнозировать какие-либо сроки достижения подобных технологий и нельзя даже утверждать, что они вообще возможны даже в самом далеком будущем. Интересно, что признают это и российские крионисты: «Утверждение, что с помощью технологий будущего можно будет восстановить и омолодить нас, не может быть доказано, но, тем не менее, может быть представлено достаточно убедительно» (Восстановление и омоложение // Kriorus. URL: <https://kriorus.ru/content/Glava-3-Vosstanovlenie-i-omolozhenie>). И здесь мы сталкиваемся с парадоксом, при котором откровенно утопичный проект, с утопичностью которого его авторы косвенно соглашаются в части ориентации в

вероятное будущее, на данном уровне познания неподлежащее описанию в конкретных деталях, уже проходит стадию реализации. Впрочем, не это главное. Важно то, что авторы концепции оживления в будущем замороженных ныне людей, для иллюзии жизнеспособности своего проекта вынуждены оставлять за скобками все условия, за исключением технического прогресса. К примеру, неясна мотивация и цель людей будущего, которые стали бы «оживлять» останки из сосудов Дьюара. Опускается бесчисленное множество факторов, которые способны помешать сохранению в целостности крионизированных тел или их частей в течение десятилетий или веков хранения. Хотя для появления примеров таких факторов веков не понадобилось: к примеру, умерших «пациентов» российской криокомпании поставил под угрозу развод супругов-руководителей и хозяйственный спор. Он освещался СМИ, как совершенно гротескная ситуация (см, например: «„Мозги у нас хранились отдельно“. Как развод супругов-футурологов обернулся соперничеством за трупы в жидком азоте», RTVI, 09.09.2021). Forbes, к примеру, описывал конфликт так: «...погрузила сосуды с пациентами на фуры и попыталась вывезти их в еще недостроенное хранилище в Тверской области. Удалову, а также несколько людей, которые помогали ей осуществить задуманное, задержали сотрудники полиции на выезде из микрорайона. Сосуды с криопациентами вернули на место, однако нанесенный им и хранилищу ущерб еще предстоит оценить, говорилось в посте Квасникова. Помимо сосудов с телами, Удалова забрала мозг одного из криопациентов – она вывезла его отдельно на «Газели», которая ехала впереди грузовых машин, рас-

сказал Forbes соучредитель «Криорус» и бывший муж Удаловой Данила Медведев. «Мы сейчас пытаемся установить, чей это мозг, потому что на него при хищении не было документации», – отметил он» (Как создатели фирмы по заморозке тел «Криорус» не могут поделить бизнес и пациентов // Forbes. 21.09.2021).

Все рассмотренные примеры и умозаключения доказывают утопичность и противоречия в идеях трансгуманизма.

Заключение

Таким образом, в результате исследования было доказано, что трансгуманизм – это утопия. Трансгуманисты сознательно упрощают гипотезу предполагаемого будущего, исключая все противоречия. Теория показывает движение к вечной молодости и бессмертию, которому не мешают никакие возможные факторы. Парадоксально, что теория трансгуманистов завершается «концом истории», однако до нее спрогнозировано тысячелетие отсутствия конфликтов, катаклизмов и потрясений, которое автор трактует, как отсутствие стимулов для развития. В связи с этим возникает сомнение, способно ли человечество в рамках рассматриваемой концепции достичь каких-либо прорывных технологий, и не наступит ли гипотетический «конец истории» раньше достижения трансгуманистических идеалов. Поэтому основной целью всего течения трансгуманизма является – пропаганда и убеждение неискушенной аудитории с целью набора новых адептов своей идеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коньков В.В. Социальный прогресс: критерии, противоречия, парадигмы: дисс. ... канд. филос. н. М., 2012. 149 с.
2. Лем С., Бересь С. Так говорил ... Лем. М.: АСТ, Хранитель, 2006. 768 с. С. 686.
3. Петрова И.А., Авходеева Е.А. Культурные революции XX века: разрыв с традиционной культурой или ее продолжение? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 1 (21). С. 13-20.
4. Сафранский Р. Ницше: Биография его мысли. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 456 с.
5. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2007. 588 с.
6. Черемных Л.Г., Губанов Н.Н. Умеренный и радикальный трансгуманизм // Современные философские исследования. 2023. № 3. С. 112-121
7. Черткова Е.Л. Утопия как «философский проект» // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 190-201
8. Чижикова Л.А. Наследие Ницше в дискурсе трансгуманизма (по материалам журнала эволюции и технологии) // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 13 (304). С. 149-152.
9. Чухлеб С.Н. Ницше и XX век // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4-1 (66). С. 218-222.
10. Щипков В.А. Секулярные основания и утопические черты идеологии трансгуманизма // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2018. № 3. С. 7-24.
11. Щипков В.А., Белжеларский Е.А., Мамаев Е.Е. Философские основания и пропагандистские практики идеологии трансгуманизма. Москва, 2018. 128 с.
12. B. Calhoun. Death Squared: The Explosive Growth and Demise of a Mouse Population // Proc R Soc Med. 1973. 66. Pp. 80-88.
13. Berillo I.V. The meaning of creativity in the philosophical anthropology of Nikolai Berdyaev // International Journal of Advanced Studies in Education and Sociology. 2023. № 1. С. 3-8.

© Зеткин Сергей Николаевич (serzet@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗНАЧЕНИЕ ДЕКОНСТРУКЦИИ СВЯЩЕННОГО ТЕКСТА В ФИЛОСОФИИ МОХАММЕДА АРКУНА

Зианшина Марьям Тахировна

Аспирант, Российский университет дружбы народов,
(г. Москва)
zimaryam@yandex.ru

THE SIGNIFICANCE OF DECONSTRUCTION OF THE SACRED TEXT IN THE PHILOSOPHY OF MOHAMMED ARKUN

M. Zianshina

Summary: The article is devoted to the topic of deconstruction of the sacred text in the treatises of the philosopher Mohammed Arkoun. The French-Algerian thinker M. Arkoun, following the traditions of structuralism and deconstructivism, and introducing a distinction between oral codified Revelation, suggests the possibility of deconstructing the sacred text with further secularization of the prophetic message, believing that Islam was inspired by the concept of the inseparability of the spiritual and the secular. The biography of the figure is considered, as well as the interpretation of his works and his contribution to the development of philosophical views. It is noted that, according to the philosopher, Muslim thought was squeezed into the framework of logocentrism, falling under the influence of theologians and those in power, who monopolized religious discourse, including methods of interpreting the Koran. Arkoun offers a pluralistic approach to the Quranic text, turning to the old traditions of hermeneutics and the methods of modern social and humanitarian sciences. It is concluded that in the Western tradition Islam is often understood as a religion with the inseparability of the spiritual and the secular, which, according to Arkoun, is imposed. Steps are taken to free ourselves from such misconceptions through the secularization of the prophetic message, theology, proving that secularism is an integral part of early Islam of the Medinan period.

Keywords: deconstruction, postmodernism, secularization, logocentrism, episteme, historical discourse.

Аннотация: Статья посвящена теме деконструкции священного текста в трактатах философа Мохаммеда Аркуна. Франко-алжирский мыслитель М. Аркун, следуя за традициями структурализма и деконструктивизма, а также вводя различие между устным кодифицированным Откровением, предлагает возможность деконструкции священного текста с дальнейшей секуляризацией пророческой вести, считая, что исламу была навязана концепция неразрывности духовного и светского. Рассматривается биография деятеля, а также интерпретация его трудов и его вклад в развитие философских взглядов. Отмечается, что согласно мнению философа, мусульманская мысль была зажата в рамки логоцентризма, попав под влияние теологов и власть предержащих, монополизировавших религиозный дискурс, в том числе методы интерпретации Корана. Аркун предлагает плюралистический подход к кораническому тексту, обращаясь к старым традициям герменевтики и методам современных социальных и гуманитарных наук. Делается вывод, что часто в западной традиции ислам понимают, как религию с неразрывностью духовного и светского, что по мнению Аркуна является навязанным. Предпринимаются шаги для освобождения от подобных заблуждений через секуляризацию пророческой вести, теологии, доказывая, что секуляризм является неотъемлемой частью раннего ислама мединского периода.

Ключевые слова: деконструкция, постмодернизм, секуляризация, логоцентризм, эпистема, исторический дискурс.

Введение

Алжиро-французский философ и один из выдающихся интеллектуалов конца XX- начала XXI в. Мухаммад Аркун (1928-2010 гг.) сделал большой вклад в развитие современной исламской мысли, освобождение её от теологического диктата и предрассудков ориентализма. Многие западные исследователи причисляют его к представителям постмодернизма.

Прославленный исламовед Франции, получил образование сначала в Алжире, а затем в Университете Сорбонны, где позже возглавлял Институт исламских исследований. Его перу принадлежит множество трудов о переосмыслении исламской религии, главный проект которой, согласно автору, можно сформулировать следующим образом: ислам должен рассматриваться в

качестве исторически происходящего дискурса, а значит не должны игнорироваться такие характеристики исторического дискурса, как особенности коммуникативной ситуации, её участники, их цели, стратегии. Такое переосмысление является наиболее радикальной формой взгляда на ислам сквозь призму постмодернистской мысли. Зиждется данная конструкция на возможности деконструкции священного для мусульман текста – текста Корана.

Целью исследования является рассмотрение взглядов философа М. Аркуна на переосмысление исламской религии.

Материалы и методы

В процессе исследования были применены общена-

учные методы теоретического исследования: анализ, сравнение, систематизация, конкретизация и обобщение. Был использован исторический анализ, анализ исторических документов. Обобщение мыслей и взглядов научных теоретиков помогло выявить новизну исследования.

Результаты и обсуждения

По мнению франко-алжирского мыслителя М. Аркуна, в 10–11 веках. арабо-мусульманская мысль была зажата в рамки логоцентризма, попав под влияние теологов и власть предрешающих, монополизировавших религиозный дискурс, в том числе методы интерпретации Корана. В этой связи он делает различие между устным Кораном и Кораном в виде текста. Аркун предлагает плюралистический подход к кораническому тексту, обращаясь к старым традициям герменевтики и методам современных социальных и гуманитарных наук.

Он прибегает к историзации божественного откровения. Он настаивает на необходимости помещения Корана в исторический контекст. При помощи метода деконструкции Аркун стремится понять причины главенства ортодоксально-теологического подхода к божественному откровению, обращаясь к этическим трудам великих арабских философов, например, Ибн Мискавейха (932–1030 гг.), а также представителей мутазилизма [1,9].

Здесь речь не идет об игнорировании или полном низвержении божественного откровения, скорее он стремится проникнуть в канву религиозного мировоззрения и понять историческое происхождение, идеологические и психологические функции и показать слабые стороны установок, предлагаемых теологами. Аркун призывает к осознанию историчности пророческой вести, а значит должна с неизбежностью произойти её секуляризация, потому что она может функционировать только в рамках определенной эпистемы, где миф господствует над историей, духовность – над прагматизмом, а и представление, или воображение, – над рациональностью, предлагая выйти за навязанные логоцентрические рамки.

Следуя за создателем концепции деконструкции Жаком Дерридой, и предложенной им системой бинарных оппозиций, согласно которой значения в западной культуре определяются т.н. «насильственной иерархией», где один из двух терминов управляет другим, М. Аркун также демонстрирует эту двойственность и в арабо-мусульманской философской традиции: правоверные – неверные, сакральное – греховное, и т.д.

Тем самым, Мохаммад Аркун, опираясь на структурализм Мишеля Фуко и деконструктивизм Жака Дерриды, совершает очень важный сдвиг, он шаг за шагом встраи-

вает весь многовековой исламский дискурс и в западно-европейский. Аркун обращается к мутазилитскому подходу, который гласит, что Коран — это сотворенная книга, что позволяет сделать вывод, что раз она передана на человеческом языке, в данном случае на арабском, и что люди могут и должны истолковывать текст Корана [2-4].

Таким образом, этот священный текст становится объектом для герменевтики. Аркун подчеркивает влияние перехода от устного дискурса к кодифицированному тексту. Здесь видно влияние на философию Акуна структурализма, где выделяется важность единиц языка, знаковых систем, культуры.

Он выделяет три подхода к истолкованию Корана, которые должны вытекать один из другого:

1. историко-антропологическую интерпретацию;
2. лингво-семиотическую интерпретацию;
3. религиозно-экзегетическую интерпретацию.

Сравнивая устную и кодифицированную формы Корана, Аркун пишет, что Коран был более сакральным, когда был в обращении в виде устной формы, т.е. до его кодификации в виде письменного текста. Запись же Корана сделало его доступной чувственному опыту. Таким образом, Аркун считает, что мусхаф уже не может иметь священный статус, но, хотя мусульманские ортодоксы уподобили его речи самого Бога [8].

На первый план и выходит включенность Корана в исторический дискурс, когда язык обусловлен культурой и историей. Тогда философ прибегает к деконструкции, чтобы отделать Коран от социально-исторического и лингвистического контекста.

Аркун подчеркивает, что коранический текст, как и любой другой текст, который на писан на определенном языке включает в себя соотношение разных знаков и символов, являясь точкой пересечения двух и более лингвистических сущностей, приводящим к коммуникативным актам, включающим понимание, интерпретацию, перевод, завязанных на взаимоотношении понятий языка и мышления [7]. Это допущение, позволяет франко-алжирскому мыслителю произвести деконструкцию теологии через недогматизированную историю.

Аркун объясняет, что деисторизация Корана произошла в X веке, совпав с расцветом михны и социальной трансформацией в Аббасидском халифате, что привело к потере базы для мутазилизма и рационалистической мысли. Тогда же началась превращение религии в «иерархический» институт, где лишь уполномоченные авторитеты могли толковать от имени авторитета абсолютно, т.е. Бога [6].

Традиция, пренебрегающая историчностью, была

унаследована, согласно Аркуну, и модернистскими мусульманскими мыслителями, поэтому, полагает философ, Нахда (б) так и не состоялась окончательно по той причине, что у исламских философов 19-20 веков не было рабочей научной методологии.

Проект, который предлагает Аркун, кардинально отличается от работ других исламских ученых. Под влиянием структурализма, постструктурализма и деконструкции с их акцентом на лингвистический анализ, Аркун считает, что реконструкция дискурса должна следовать за деконструкцией после того, как этот дискурс будет освобожден от ограничений, а истинные смыслы, которые загрязнены внешними факторами из-за многочисленных теологических наслоений, будут возрождены.

Призвав критически относиться к традиционным моделям исламского мышления и открыть священные тексты ислама для исторических и современных лингвистических исследований, Аркун предложил исламским интеллектуалам деконструировать прошлое мышление, а также классические интерпретации священных текстов [8-10].

Он использовал метод деконструкции, чтобы реконструировать научные традиции классического ислама, чтобы вывести их на уровень современных западных стандартов исследований.

Чтобы применить стратегию деконструкции к религиозному тексту, Аркун предлагает: выделить монолинейную связь между текстом и смыслом (интерпретацией);

раскрыть веру в существование окончательной связи между текстом и смыслом; дать возможность широкого спектра интерпретаций текста [3].

Аркун использует инструменты и методологии истории, социологии, психологии и антропологии для критической оценки различных систем верований, традиций экзегезы, теологии и юриспруденция, чтобы освободить исламский разум от догматических построений.

Заключение

М. Аркун считает, что ислам необходимо вернуть западно-европейскую традицию мышления, возникшую более тысячи лет назад в Средиземноморье. По его мнению, ислам всегда был частью греко-римской, иудео-христианской традиции, возникшие на берегах Средиземноморья. Мусульманские ученые возродили труды греческих философов, переводя и обучая произведениям Аристотеля и Платона, и, таким образом, способствовал европейскому Возрождению.

Очень часто в западной традиции ислам понимают, как религию с неразрывностью духовного и светского, а Мухаммад Аркун последовательно пытается доказать, что как раз подобная связь была исламу навязана, и философ предпринимает шаги для освобождения от подобных заблуждений через секуляризацию пророческой вести, теологии, доказывая, что секуляризм является неотъемлемой частью раннего ислама мединского периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асанова Ш.И. Организация исламского сотрудничества: диалог цивилизаций //Редакционный совет. – 2023. – С. 256.
2. Мухетдинов Д.В. Л.Н. Толстой и ислам: к переосмыслению места мусульман в российском культурном каноне //Вопросы теологии. – 2022. – Т. 4. – №. 1. – С. 92-109.
3. Мухетдинов Д.В. Мухаммад Аркун о положении и задачах интеллектуала в исламских контекстах //Научная мысль Кавказа. – 2019. – №. 3 (99). – С. 59-67.
4. Мухетдинов Д.В. Эпистемологическая критика «исламского разума» в неомодернистском проекте Мухаммада Аркуна //Вопросы теологии. – 2020. – Т. 2. – №. 4. – С. 533-549.
5. Сейтахметова Н.Л., Турганбаева Ж.Ж. Личностные контексты современной исламской философии: м. аркун и з. сардар //Редакционная коллегия. – 2021. – С. 41.
6. Шестопалец Д.В. Современные интерпретации Корана: к постановке проблемы //Схидний свит. – 2014. – №. 3. – С. 124-132.
7. Arkoun M. Rethinking Islam Today. // The annals of the American Academy of Political and Social Science. –2003. – vol. 588, No.1. – P. 23.
8. Günther U. Mohammed Arkoun – an Intellectual in Revolt. // Middle East – Topics & Arguments. –2013. –vol. 1.– P.63-67.
9. Khalil U., Khan A. Islam and Postmodernity: M. Arkoun on Deconstruction. // Journal of Islamic Thought and Civilization. – Vol. 3, No. 1. –2013. – P. 36.
10. Richard Martin, Rethinking Islam: The Poststructural Interpretations of Mohammed Arkoun // Oxford: Oneworld. – 1997. – p. 204.

© Зианшина Марьям Тахировна (zimaryam@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА ФАКТА И ИЛЛЮЗИИ НЕЗАМЕНИМОСТИ ОБЪЕКТА ЛЮБВИ В ЛИТЕРАТУРЕ И ФИЛОСОФИИ

Иванова Ирина Сергеевна,

кандидат философских наук, доцент, Московский
гуманитарный университет
Lesnaya10@yandex.ru

THE PROBLEM OF THE FACT AND ILLUSION OF THE IRREPLACEABILITY OF THE OBJECT OF LOVE IN LITERATURE AND PHILOSOPHY

I. Ivanova

Summary: This article indicates the facts that in literature, life and philosophy there is a phenomenon of irreplaceability of the object of love. This work examines the problems: why for some individuals the phenomenon of love is irreplaceable, is it true or an illusion, how does the effect on the consciousness of the lover occur so that the feeling of irreplaceability becomes stronger, how is the feeling of love transformed, transferred from object to object, are there opposite facts of omnivorous love, all-encompassing love in our first and second reality. The author also points out that the phenomenon of love is associated with the subconscious and the idea of immortality.

Keywords: phenomenon of love, irreplaceability of the object of love, consciousness and subconsciousness, lover, transformation of feeling, idea of immortality.

Аннотация: В данной статье указываются факты того, что в литературе, жизни и философии существует феномен незаменимости объекта любви. В этой работе исследуются проблемы: почему для некоторых индивидов феномен любви не заменим, правда это или иллюзия, каким образом происходит воздействие на сознание любящего, чтобы чувство незаменимости становилось всё сильнее, как трансформируется любовное чувство, переносясь с объекта на объект, есть ли противоположные факты всеядной любви, всеобъемлющей любви в нашей первой и второй реальности. Автор также указывает, что феномен любви связан с подсознанием и идеей бессмертия.

Ключевые слова: феномен любви, незаменимость объекта любви, сознание и подсознание, любящий, трансформация чувства, идея бессмертия.

И зучая биографии людей, тексты культуры и философии, мы можем заметить, что существует факт незаменимости объектов любви для некоторых индивидов. В данной статье ставится цель — решить вопросы о том, в чём причина этого феномена, каким образом происходит воздействие на сознание любящего, чтобы чувство незаменимости становилось всё сильнее, а также проблему трансформации любовного чувства.

Феномены незаменимости объекта любви в литературе ярко представлены в произведениях: Миф об Изиде и Осирисе, Л.Н. Толстой «Лев и собачка» (рассказ), М. Замшев «Жаклин» (рассказ), И. Бунин «Грамматика любви» (рассказ), М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита» (роман). Косвенно идея незаменимости возлюбленного просматривается в произведениях «Слово о полку Игореве» (эпос), «Демон» М.Ю. Лермонтова (поэма), в лирике Ф. Петрарки, «Денисьевском цикле» Ф. Тютчева.

Как же объяснить тот факт, что для некоторых живых существ объект любви становится незаменимым?

Первую теорию незаменимости объекта любви можно назвать божественной. По воле богов в политеистической религии, или Бога в монотеистической душа и судьба индивида отдаются тому или иному объекту по неизвестным ему причинам. В мифе о Ясоне и Медее бо-

гини Гера и Афина обращаются к Эроту с просьбой пустить стрелу любви в сердце Медеи, чтобы она помогла Ясону справиться с его задачами на острове Колхида. Существование Эрота как бога, который мечет стрелы любви в сердца людей и загадочных нимф по просьбам богов и своему умыслу, объясняло древним греками причину любви и незаменимости её объекта. Он незаменим по воле Бога. В христианской религии образ любимого как божественного посланца тоже присутствует. Татьяна в письме к Онегину говорит, что сам Господь послал её возлюбленного. Божественное происхождение объекта любви объясняет тот феномен, что в глазах любящего он совсем не такой, каким видится тем, кто смотрит на данное явление равнодушным взором. «Любовь преображает видение объекта любви, ...открывает миру его божественную сущность» [5].

Вторую теорию я назвала бы сакрально-стихийной, подчёркивающей индивидуальность человека, что отражено в отрывке А.С. Пушкина «Египетские ночи»: «Зачем Арапа своего/Младая любит Дездемона, /Как месяц любит ночи мглу? /Затем, что ветру и орлу /И сердцу девы нет закона // » [9].

Но в этом свободном, кажется, выборе человека можно также усмотреть божий промысел, так как за случайным часто таится закономерное. В поэме «По мотивам

мифа об Изиде и Осирисе» И. Лесной-Ивановой сильная любовь Изиды и Осириса угодна верховному богу РА. В ней, как и в самом мифе, эта любовь совершает подвиги: Исида собирает по кускам тело убитого Сетом Осириса, при помощи волшебства рождает от него сына. Сам же миф как текст культуры отдалённо напоминает философу об идеях А. Шопенгауэра, говорившего, что любовь — эта игра природы, созданная для деторождения, различения потомства. Интересно объясняет философ нежелание женщины быть полигамной: «она же крепко привязывается к одному, — ибо природа побуждает ее инстинктивно, без размышлений, обрести кормильца и защитника будущего потомства. Вследствие того, супружеская верность для мужчины искусственна, для женщины же естественна» [17]. Но немецкий философ ничего не говорит о душе, сознании. А ведь предназначение любви, на мой взгляд, состоит в том, чтобы «вести душу в бессмертие». И.С. Иванова «Свет Вечной женственности» [4. с. 44].

Объект любви вызывает мысли о бессмертии, спасении. А Блок прямо писал Музе (тогда О.М. Соловьёвой): «В Тебе — Спасение» [1]. Герой романа Д. Лондона «Мартин Иден», увидев Руфь, испытывает целую симфонию небывалых чувств и мыслей, среди которых есть особенная:

«Ни один мужчина, ни одна женщина не внушали ему прежде мыслей о бессмертии. А она вызвала! ... в ней - он видел эту чистоту, высшую степень доброты и непорочности, в сочетании которых и есть вечная жизнь» [7, с 36]

Возможно, одна из причин долгого незаменимости объекта любви в том, что он завладевает сознанием и душой любящего, удивляя их способностью делать что-то такое, что, «...никто на свете не умел...» [8], быть таким, каким никто ещё не был. Удивление в сочетании с восхищением — очень сильные эмоции, которые создают впечатления, надолго остающиеся в памяти. В этом плане исток любовного чувства и философии похожи, ведь, по мысли Аристотеля, «философия начинается с удивления» [2].

Конечно, это удивление особого рода. Оно связано с наслаждением, удовольствием, даже если объект любви приносит страдания. Также удивительное в оценке субъекта связано с чем-то жизненно важным для жизни человека или человечества. Удивить могут воинское искусство, физическая или интеллектуальная сила, красота, так как, по верной мысли Н.Г. Чернышевского, выраженной в работе «Эстетические отношения искусства к действительности», «...прекрасное есть жизнь», «прекрасно то существо, в котором видим мы жизнь такую, какова должна быть она по нашим понятиям...» [16, с10]. В поэме Гомера «Илиада» Пенелопа долго ждала Одиссея, а когда перестала ждать, то дала женихам задание согнуть лук, который мог сгибать только Одиссей. Удивление объектом любви, его красотой, видение его прекрасным как превосходным и в своем роде (определение Г.В.Ф. Гегеля)

и превосходным над всем прекрасным ярко выражено в произведении А.И. Куприна «Гранатовый браслет» в письме влюбленного почтальона Георгия к княгине Вере: «.. я сказал себе: я ее люблю потому, что на свете нет ничего похожего на нее, нет ничего лучше, нет ни зверя, ни растения, ни звезды, ни человека прекраснее Вас и нежнее. В Вас как будто бы воплотилась вся красота земли»... Он видит исток любви в божественном промысле: «... богу было угодно послать мне, как громадное счастье, любовь к Вам» [6]. В данном случае мы видим, что сознание человека было поражено феноменом прекрасного, воплотившимся в объекте любви. Удивляя, объект любви показывает свою уникальность, сверхценность, создаёт глубокое впечатление, которое надолго остаётся в памяти. Слово «впечатление» здесь очень важно. В стихотворении «Жил на свете рыцарь бедный» А.С. Пушкин, рассказывая о незаменимом образе Богоматери в сердце бедного рыцаря, говорит об истоках этой любви: «Он имел одно виденье, / Непостижное уму, / И глубоко впечатленье / В сердце врезалось ему//» [10].

Чем сильнее впечатление, произведённое объектом любви, тем дольше сохраняется оно в памяти. Герой А.С. Пушкина видел только один раз краткое мгновение Деву Марию, но любовь к ней пронёс через всю жизнь. Возможно, этим объясняется и то, что даже после смерти возлюбленных люди поэтического склада продолжают их любить. Своей лебединой верностью Музе прославился поэт Петрарка, питавший своё творчество любовью к донне Лауре, которую первый раз увидел в церкви Санта-Кьяра 6 апреля 1327 года. Он посвящал стихотворения живой Лауре 21 год и ещё десять лет писал сонеты мёртвой Музе, представляя её живой на небесах, что видно из книги сонетов «На жизнь и смерть мадонны Лауры». Русский Ф. Петрарка поэт Ф. Тютчев посвящал стихи Е. Денисьевой ещё много лет после её смерти, мысленно разговаривал с нею, искал поддержки: «Вот тот мир, где жили мы с тобою, / Ангел мой, ты видишь ли меня?» [12].

Воздействие объекта любви на сознание, подсознание и память создают иллюзию его бытия в мире, ощущение близости, даже, если он отсутствует

Этот факт ярко выражен в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Когда Мастер оказался в лечебнице, Маргарита не могла и не хотела ни с кем знакомиться, так как во всей своей умственно-духовной субстанции ощущала присутствие Мастера, мысленно она говорила и за себя, и за него, задавала вопросы от имени Мастера и отвечала на них: «Маргарита Николаевна отвечала за него: «Ты свободна... Разве я держу тебя?» Потом возражала ему: «Нет, что это за ответ! Нет, ты уйди из моей памяти, тогда я стану свободна» [3].

Какое же воздействие оказал Мастер на Маргариту?

Явно не внешнее. О том, что это был красавец-мужчина, как Вронский у Л.Н. Толстого, М.А. Булгаков не пишет. Мастер не случайно противопоставляется мужу Маргариты. Брошенный супруг создал ей материальное благополучие, не думая, что женщина – тоже человек, которому нужна не только материальная, но и духовная пища. Мастер увлѐк её сердце и ум своим романом об Иешуа и Понтии Пилате. Он создал духовную Вселенную, особый мир, в котором начали существовать душа и ум любящей. Создание объектом любви особого мира, в который погружается любящий субъект, часто похоже на образ железной звезды, притяжение которой трудно преодолеть космическому кораблю с Земли для возвращения на свою планету.

И сам возлюбленный Маргариты, и его произведения представляли для неё особую ценность. Об этом надо сказать особенно. Как пишет С. Франк в работе «С нами Бог», «любовь есть непосредственное восприятие ценности любимого» [13, с. 56]. Он является ценностью и сам по себе, как ребёнок для матери или родитель для ребёнка, а также и воплощением, носителей каких-либо важных ценностей для любящего.

Роль подсознательного в новой любви

Кажется, что объект любви не заменим. Но случается так, что сильно любившие люди, любят вновь и происходит трансформация любовного чувства с первоисточника на другой объект. На самом деле она происходит у всех, ведь первой самой сильной любовью дети любят своих родителей, но вырастая, вступают в брак не с ними. Трансформацию чувства мы видим в преодолении людьми комплексов Эдипа и Электры. Влюбляясь первоначально в мать в детском возрасте, взрослый мужчина в современном мире не женится на матери и не создаёт от неё потомство, а взрослая девушка не выходит замуж за отца, не рождает от него детей, чтя табу на кровнородственные браки. Но часто юноша влюбляется в женщину похожую на мать, а девушка в мужчину, похожего на отца, и это чувство задевает подсознание, а потому может оказаться очень сильным и жить до тех пор, пока это ощущение сходства не исчезнет. В стихотворении И. Лесной-Ивановой «Воспоминание о комплексе Электры» лирическая героиня выбирает схожесть избанников в возможности предательства(ухода), чтобы переступить через любовь, не любить, преодолеть комплекс Электры, что ей в итоге не удаётся. «Комплекс Электры в психологии является женским вариантом Эдипова комплекса. Название этому термину впервые дал в 1913 г. К. Юнг, (...) название «комплекс Электры» З. Фрейд так и не признал. При описании подобного явления он всегда использовал термин «женский Эдипов комплекс» [15]. Я более согласна с З. Фрейдом и хочу заметить, что любовь к отцу не всегда сопровождается ненавистью к матери и отношением к ней как к сопернице.

Но это чувство очень влияет на силу внимания к мужчинам, которые чем-либо похожи на папу. Иногда происходит мнимое вытеснение комплекса, а на самом деле он остаётся. Вот как пишет об этом З. Фрейд: «Я не вижу никаких оснований для того, чтобы отказать отчуждению «Я» от Эдипова комплекса в названии «вытеснение», хотя более поздние вытеснения осуществляются при участии «сверх-Я», которое лишь теперь образуется. (...) Если «Я» на самом деле не добилося ничего, кроме вытеснения комплекса, то последний продолжает бессознательно существовать в «Оно» и впоследствии обнаружит свое патогенное влияние» [14].

Когда чувство из области ИД поднимается в сферу ЭГО, оно является очень сильным и достаточно долгим, если внешние впечатления, в данном случае сходство с первообразом, его подпитывают.

Воздействием на подсознание является и Комплекс Нарцисса, когда в другом человеке индивид видит себя любимого.

Иногда выбор объекта любви происходит под влиянием коллективного бессознательного, о котором писал К.Г. Юнг. Архетипы, живущие в нашем подсознании, связаны со спасением, жизненной силой, лучшим качеством жизни. Архетип огня часто влияет на подсознание, приковывает. А. Дункан поразила С. Есенина и тем, как выступала, и тем, что танцевала в красном одеянии. Развивая учение К.Г. Юнга об архетипах, современные исследователи, в частности М. Сытник, пишут: «...Огонь – это начало и основа духа, это то, что поможет преобразовать внутреннюю духовную природу личности. [11].

Сама же Дункан отчасти полюбила С. Есенина, так как он напоминал ей ангела и одновременно сына Патрика, погибшего в детстве.

Игра судьбы, воля случая могут создавать феномены, похожие на объект любви внешне или внутренне. И загадка реакции человека заключается в том, принимает ли он подмену, цепляется ли за внешнее сходство, внутренне сходство или нет, принимает искусную подмену, чтобы жить живой любовью, или остаётся в царстве воспоминаний. В произведениях: «Отцы и дети» И.С. Тургенева, «Лолита» В. Набокова — происходит трансформация любовного чувства с первичного объекта на вторичный: Павел Петрович Кирсанов любил княгиню Р, но впоследствии сошёлся со служанкой Фенечкой, так как она внешне чем-то напоминала бросившую его возлюбленную; Гумберт влюбляется в Лолиту, так она напоминает ему детскую влюблённость. Это глубокое впечатление первообраза не отвергается героями в образе вторичном, а вот в стихотворениях А.С. Пушкина «Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной», М.Ю. Лермонтова «Нет, не тебя так пылко я люблю» косвенно

указано, что первообраз побеждает. Ярко видна победа первой, уже мертвой в отношениях мужчины и женщины, но ещё живой в памяти и в сердце возлюбленной над живым подобием в рассказе М. Замшева «Жаклин».

Выводы:

1. В литературе и истории жизни индивидов есть множество фактов, позволяющих говорить о пожизненном или длительном незаменимости объектов любви для ряда личностей.
2. Источник любовного чувства в образе человека в религиозных системах мировидения может быть послан богами или Богом с определённой миссией.
3. Объект любви делается незаменимым, так видится любящим в особенном свете.
4. Объект любви вызывает мысли о бессмертии, спасении.
5. Источник любовного чувства сильно воздействует на сознание и подсознание любящего, задевает его ум и душу.
6. Объект любви удивляет и поражает воображение.
7. Источник любовного чувства сам по себе представляется особенно важной ценностью, которую надо беречь и сохранять. Также он может быть носителем ценностных смыслов, особенно важных для человека.
8. Феномен любовного чувства создаёт особый духовно-чувственный мир, в который погружаются

душа и ум любящего.

9. Между объектом любви и любящим складываются особые отношения, при котором источник любовного чувства служит источником энергии, творческого преобразования мира, смыслом жизни и духовной поддержкой для любящего.
10. Источник любви становится для любящего источником самой жизни.
11. На восприятие объекта любви как незаменимого влияет много факторов: глубина оставленного впечатления, уровень затронутости подсознания, внушаемости, впечатлительности, само место любви в иерархии духовных ценностей личности.
12. Ощущение незаменимости источника любовного чувства может быть длительным, но всё же проходить, если звезда любовного чувства гаснет, меняет оценку компонентов восприятия в сознании любящего.
13. Феномен незаменимости объекта любви не является единственным, характеризующим данное чувство. Наряду с ним существует и феномен переноса любви с одного объекта на другой, и феномены всеобъемлющей любви, а также влюбчивости и любвеобильности.
14. Факт незаменимости источника любовного чувства может оказаться иллюзией при неглубоком воздействии на сознание и душу любящего или появлении объекта, который воздействует на них более сильно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок, А. Ишу спасенья / А. Блок - URL: <https://rustih.ru/aleksandr-blok-ishhu-spasenya/> (дата обращения 10.03.2022). - Режим доступа: Электронно-библиотечная система Rustih.ru. - Текст: электронный.
2. Барабаш, И. Аристотель / И. Барабаш URL: https://www.manwb.ru/articles/philosophy/filosofy_perrenis/Aristotel/ Сайт Человек без границ. Конечно, это удивление особого рода. (дата обращения 10.03.2022). - Режим доступа: Электронно-библиотечная система www.manwb.ru. - Текст: электронный.
3. Булгаков, М.А. «Мастер и Маргарита» / М.А. Булгаков - URL: <https://litlife.club/books/256/sections/21?page=2> (дата обращения 10.03.2022). - Режим доступа: Электронно-библиотечная система litlife.club. - Текст: электронный.
4. Иванова, И.С. Свет Вечной женственности / И.С. Иванова — М.: Спутник+, 2009. — 134 с. — ISBN 978-5-9973-0301-3 - Текст: непосредственный.
5. Иванова, И.С. Феномен женственности и преобразование мира: гносеологические и эстетические аспекты: монография / И.С. Иванова. — М. Издательско-торговая корпорация Дашков и К, 2009. — 150 с. — ISBN 978-5-394-00690-6 - Текст : непосредственный.
6. Куприн, А.И. Гранатовый браслет / А.И. Куприн - URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=67492&page=12> (дата обращения 10.03.2022). - Режим доступа: Электронно-библиотечная система booksonline.com.ua. - Текст: электронный.
7. Лондон, Д. Мартин Иден / Д. Лондон М: Правда, 1977- Текст: непосредственный.
8. Маяковский, В. Владимир Маяковский — Сергею Есенину: Стих / В. Маяковский - URL: <https://rustih.ru/vladimir-mayakovskij-sergeyu-eseninu/> (дата обращения) (дата обращения 10.03.2022). - Режим доступа: Электронно-библиотечная система Rustih.ru. - Текст: электронный.
9. Пушкин, А.С. Египетские ночи / А.С. Пушкин - URL: <http://www.keneman.com/Pushkin.html> (дата обращения 10.03.2022). - Режим доступа: Электронно-библиотечная система www.keneman.com. - Текст: электронный.
10. Пушкин, А.С. Жил на свете рыцарь бедный / А.С. Пушкин - URL: <https://ilibrary.ru/text/677/p.1/index.html> (дата обращения 10.03.2022). - Режим доступа: Электронно-библиотечная система ilibrary.ru. - Текст: электронный.
11. Сытник, М. Концепция четырех стихий в контексте психологической алхимии / М. Сытник. Сайт Ассоциация Глубинной Психологии - URL: <https://teuring.org/stihii-v-konceptsi-junga/> (дата обращения 10.03.2022). - Режим доступа: Электронно-библиотечная система teuring.org. - Текст: электронный.
12. Тютчев, Ф. Накануне годовщины 4 августа 1864 г. / Ф. Тютчев <http://stih.su/nakanune-godovshiny-4-avgusta-1864-g/> (дата обращения 10.03.2022). - Режим доступа: Электронно-библиотечная система stih.su - Текст: электронный.
13. Франк, С.С нами Бог. / С. Франк - М.: АСТ: Хранитель, 2007. - 380 с. — ISBN 978-5-9762-3849-7 - Текст: непосредственный.

14. Фрейд З. Психоаналитические этюды. Вопросы теории и практики психоанализа. / З. Фрейд. - Одесса: Типография коллектива «Полиграф», 1926.... - URL: <https://freudproject.ru/?p=9733> © Проект «Весь Фрейд» (дата обращения 10.03.2022). - Режим доступа: Электронно-библиотечная система freudproject.ru. - Текст: электронный.
15. Фролова, Л. Комплекс Электры: причины, проявления, способы борьбы. /Л. Фролова - URL: <https://psychbook.ru/419567a-kompleks-elektryi-prichinyi-proyavleniya-sposobyi-borbyi> (дата обращения 10.03.2022). - Режим доступа: Электронно-библиотечная система psychbook.ru. - Текст: электронный.
16. Чернышевский, Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности / Н.Г. Чернышевский. // Полное собрание сочинений: В 15 т. М.: Гослитиздат, 1949. Т. 2. С. 5–92.
17. Шопенгауэр, А. Метафизика половой любви. / А. Шопенгауэр - URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5fa14a96746745308486d548/filosofy--liudi-veselye-para-citat-pro-liubov-jenskuiu-nevernost-i-mujskie-izmeny-ot-artura-shopengauera-612347d45980e060bb348c83> (дата обращения 10.03.2022) - Режим доступа: Электронно-библиотечная система zen.yandex.ru. - Текст: электронный.

© Иванова Ирина Сергеевна (Lesnaya10@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ

THE MODERN RUSSIAN WORLDVIEW: EXISTENTIAL COMPONENT

A. Lavrentieva
A. Loginova

Summary: This article examines the issue of the formation of the modern Russian worldview. The role of Orthodox culture in the formation of Russian consciousness is analyzed. As a result, it is concluded that Orthodoxy is the main contender for the role of an existential component of the modern Russian worldview. In the context of the Orthodox tradition, the spiritual occupies a dominant position in the hierarchy of personality, and must subordinate the mental and bodily spheres to itself. In addition to the above, the article also focuses on issues related to the problem of interaction between science and religion, and suggests ways to include the symbolic structure of traditional cultural and religious knowledge in the educational process.

Keywords: Worldview, Orthodoxy, culture, existence, education, value, morality.

Лаврентьева Анна Юрьевна

к.филос.н., доцент, Северный государственный
медицинский университет (г. Архангельск)
annaylavrenteva@mail.ru

Логинова Анна Кареновна

к.филос.н., старший преподаватель, Северный
государственный медицинский университет
(г. Архангельск)
adalimif@mail.ru

Аннотация: В настоящей статье рассматривается вопрос о формировании современного российского мировоззрения. Анализируется роль православной культуры в становлении русского сознания. В результате чего делается вывод о том, что православие является основным претендентом на роль экзистенциального компонента современного российского мировоззрения. В контексте православной традиции, духовное в иерархии личности занимает главенствующее положение, и должно подчинять себе душевную и телесную сферы. Помимо вышеизложенного, в статье также акцентируется внимание на вопросах, связанных с проблемой взаимодействия науки и религии, предлагаются формы включения символической структуры традиционного культурно-религиозного знания в образовательный процесс.

Ключевые слова: мировоззрение, православие, культура, экзистенция, образование, ценности, нравственность.

Стремительные изменения в мировом и российском культурно-политическом пространстве ставят перед современным российским обществом новые задачи. Сознание русского человека в очередной раз сталкивается с проблемой определения стратегии собственного развития, и так как действующая мировоззренческая установка оказывается очень хрупкой и не отвечает требованиям современной действительности, актуальность исследований в этой области сильно возрастает.

В настоящее время российское общество переживает очередной мировоззренческий и аксиологический кризис несмотря на то, что эти проблемы носят «уязвимый нематериальный характер», заново поднимаются вопросы об идентичности, ценностных ориентирах, определении пути России и т.д.¹ Актуализируются вопросы, связанные с самобытностью, традициями и экзистенциальной направленностью политики государства. Начиная с 90-х годов XX века, российское общество находилось в поиске мировоззренческих целей, и сейчас

перед ним стоит сложная задача – сформировать основу российского мировоззрения.

XX век стал для России длительным экзистенциальным сном, который начался с расстрела царской семьи и завершился духовно-нравственной инфляцией. За это время русское сознание испытало влияние различных мировоззренческих установок: от критического атеизма до толерантного мышления человека-потребителя. После падения «железного занавеса», Россия совершила импульсивный поворот на Запад, в результате которого русская культура на длительный период оказалась под игмом западноевропейских ценностей. Русский философ Н. Бердяев, описывая русский характер, подчеркивал его противоречивость: «Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей»².

Возможно, именно эта черта сыграла ключевую роль в наступившей в российском обществе чрезмерной увлеченности Западом: полная закрытость от европейских

1 Полосин А.В. Шаг вперед: проблема мировоззрения в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. - 2022. - №3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/shag-vpered-problema-mirovozzreniya-v-sovremennoy-rossii/viewer>. (Дата обращения: 23.03.2024).

2 Бердяев Н. Русская идея / Н. Бердяев. - СПб.: Азбука-классика, 2008, с.30.

стран резко сменилась такой же полной открытостью. Русская культура конца XX и начала XXI веков в буквальном смысле «потонула» в красивой и беспечной картинке голливудских фильмов, глянцевого журнала, фэнтези, бесконечных реалити-шоу и сериалах, воспевающих духовный примитивизм. Итогом этой «широты русской души», которую так гениально подметил Ф.М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы» («широк русский человек, я бы сузил»), стало обеднение культуры (русские книги, фильмы, музыка и т.д., в мощном потоке хорошо рекламируемых западных аналогов, легко терялись). Помимо этого, ориентируясь на европейские и американские ценности, отечественные образцы современной культуры во многом утратили свою самобытность и перестали быть «проводниками» в историческое прошлое.

Дефицит внешней культуры, в котором оказалась современная Россия, напрямую связан с дефицитом внутренней культуры, с духовно-нравственным состоянием русского человека.

Эпоха масс поразила и русское сознание: массовый человек, по мнению Х. Ортега-и-Гассета, утрачивает некоторую уникальность: «Меньшинство – это совокупность лиц, выделенных особыми качествами; масса – не выделенных ничем»³. Подобный тип человека находится в особенном отношении к бытию, сформулированном Э. Фроммом, как формат «иметь», а не «быть», который предполагает акцентуацию на потребление (брать, не отдавая взамен): «Суть установки, присущей потребителю, состоит в стремлении поглотить весь мир»⁴. Экзистенциальную парадигму человека-потребителя можно обозначить, как «бытие-для-себя».

Уникальностью человеческого существования является тот факт, что человеку доступно одновременное нахождение в трех темпоральных системах: прошлом, настоящем и будущем. По мнению М. Хайдеггера, человеку свойственно «забегание вперед», он является неким незавершенным проектом, обращенным в будущее: «Поэтому человек существует как бы впереди самого себя, человек – это проект, и он всегда больше, чем он есть в настоящем. Сосредоточенность человека на будущем даёт ему истинное бытие. Только так можно познать чистую экзистенцию (выдвинутость вперёд) человека. Человек выходит из себя не только в бытийном аспекте, не только из сущего в ничто, но и из настоящего в будущее. Будущее в данном случае понимается как то, чего ещё нет, т.е. как некоторый аспект не-сущего, аспект *ничто*:

прошлое уже было, настоящее есть, а будущего ещё нет»⁵.

Длительная экспансия русской культуры массовыми западноевропейскими образцами, стала одной из причин ее деградации. Идеалы и ценности, транслируемые культурой потребления, вступая во взаимодействие с русским сознанием, способствовали возникновению некоторых процессов в духовно-нравственной сфере человека и породили в сознании субъекта ряд особенностей:

1. крайний субъективизм: невозможность посмотреть на ситуацию со стороны Другого (акцентуация на «я прав»);
2. увеличение значимости «личного мнения» в ущерб «истине» (объективности);
3. отсутствие чувства ответственности за свои действия («Бога нет – все позволено», если Я – центр, то Я – законодатель/судья (эгоцентризм));
4. превалирование гедонистического принципа в оценке явления (хорошо то, что приносит удовольствие);
5. смещение ценностных ориентаций с духовных на материальные;
6. отсутствие уважительного отношения к Другому (если Я – центр, то все остальные – Периферия, «мы почитаем всех нулями, а единицами себя»).

В контексте общества потребления духовно-нравственные проблемы уходят на задний план, так как подрывают основы потребительского мировоззрения.

Духовность и нравственность – это те сущностные сферы, которые наиболее сильно пострадали в период экспансии ложных ценностей. Духовно-нравственное воспитание человека является первой ступенью к началу положительных изменений облика субъекта культуры. И первый вопрос, который возникает в контексте воспитания – это вопрос модели: что взять в качестве основы (какие ценности)?

История России, как особого культурно-исторического феномена, всегда переплеталась с идеей православия. Для русского сознания православие является своеобразным базисом, на основании которого выстраивается то, что связано с понятием самоидентификации. Другими словами православие – это сердце «русскости». Не будет преувеличением сказать, что, несмотря на индивидуальные особенности каждого человека (его взгляды, смысловые ориентации и пр.), православие является генетически встроенным в русское сознание

³ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pstgu.ru/download/1180624504.vosstanie_mass.pdf?ysclid=Issovzhepn672390762.

⁴ Фромм Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. — М. : Издательство АСТ, 2000. С.18.

⁵ Лега В.П. История западной философии. Часть 2. Новое время. Современная западная философия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/Viktor-Lega/istorija-zapadnoj-filosofii-chast-2-novoe-vremja-sovremennaja-zapadnaja-filosofija/11#:~:text=По%20Хайдеггеру%2C%20забота%20-%20это,забота%20-%20это%20«забегание%20вперёд»> (Дата обращения: 22.03.2024).

(даже сквозь русский атеизм всегда будет просвечивать православный Бог).

Австрийский психиатр, психолог и философ В. Франкл в работе «Подсознательный Бог» говорит о наличии Бога в глубинах психики любого человека. То есть каждый подсознательно религиозен, но не у каждого происходит сознательный акт встречи с Творцом. Анализируя атеистическое сознание, В. Франкл приходит к выводу: «В сущности, в глубине бессознательного каждый является верующим, пусть в самом широком смысле, даже если эта вера хорошо скрыта и вытеснена»⁶. Идеи В. Франкла во многом созвучны мыслям швейцарского философа-психоаналитика К.Г. Юнга, который неоднократно подчеркивает, что «идея Бога – совершенно необходимая психологическая функция иррациональной природы»⁷.

По мнению австрийского психолога, «религиозные праобразы... передаются нашей религиозно-культурной традицией», человек «вращается» в мир образов определенной конфессии⁸. Иными словами, религиозность находится «в самой сердцевине» человека⁹. Упадок религиозности, следуя размышлениям В. Франкла, тесно связан с проблемой смыслопорождения: смысл и вера находятся в тесных отношениях. Смысл – основа ценности, ценность – основа нравственности. «Вытесненная вера», по его словам, всегда превращается в «суеверие», то есть неумение выстраивать связь с «внутренней религиозностью» оборачивается для человека утратой самобытности (созданием ложных систем, формат «казаться»)¹⁰. Православное понимание человеческой личности основано на идее триединства духа, души и тела. Духовная составляющая (совесть, страх Божий, стремление к Богу) – это то, что в терминологии В. Франкла определяется как «подсознательный Бог» и находится «по ту сторону совести». В. Франкл указывает на то, что атеистическое сознание не идет дальше этой границы, оно не заглядывает за кулисы совести. Согласно православной традиции, духовное в иерархии личности занимает главенствующее положение, и должно подчинять себе душевную и телесную сферы.

В. Франкл предлагает особый подход к вере, как к глубинной базовой потребности человека, не реализация которой, всегда грозит утратой смысла.

В контексте проблемы духовно-нравственного по-

тенциала российского общества, в качестве базы для его формирования может быть эффективно использован богатый опыт православной культуры. Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» отмечено, что православию принадлежит особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей. Данным документом перечислены следующие традиционные ценности: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь, взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России¹¹. Следует обратить внимание, что многие ценности, являющиеся добродетелью в православной культуре, относятся к категории «духовно-нравственные».

Духовно-нравственные ценности – это основополагающие компоненты мировоззрения. С помощью социальных институтов государство может оказывать существенное влияние на формирование положительной мировоззренческой модели своих граждан, акцентируя внимание на тех моментах, которые способствуют наиболее гармоничному развитию современного русского человека. От духовного уровня развития человека зависят его возможности в отношении позитивного преобразования, как внешней действительности, так и своего внутреннего мира.

Православная Церковь остается хранительницей духовно-нравственных традиций. Православная история посредством проповеди через примеры святого благочестия в лицах святых апостолов, святителей, великомучеников, преподобных, мучеников, бессребреников и т.д. призывает заново осознать предназначение общественной жизни. Милосердие, сострадательность, бескорыстное служение, остаются по сей день смыслом духовного человека. Духовность не означает потусторонность, трансцендентность, жизнь вне мира, а преобразовательную деятельность по изменению сознания, понимания предназначения человека в этом мире. Духовность является необходимым условием для любой деятельности, направленной на достижение личного или общественного блага. В век научно-технического прогресса религия

6 Франкл В. Подсознательный Бог: Психотерапия и религия / В. Франкл.: Пер. с нем. – М.: Альпина нон-фикшн, 2022. С. 201.

7 Юнг К.Г. Аналитическая психология: [сборник] / К.Г.Юнг; [перевод А.Чечиной]. – Москва: Издательство АСТ, 2021, с 90.

8 Там же. С. 115.

9 Там же. С. 85.

10 Франкл В. Указ. Соч. С. 121.

11 Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» Информационно-правовой портал ГАРАНТ. ru. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>. (Дата обращения: 11.03.2024).

не является препятствием на пути к достижению знания, наоборот, она дает фундамент для безопасного движения на пути к постижению тайн бытия.

Наука и религия – две сферы, пересекающиеся в точке познания истины. И, если религия утверждает истину на основании веры и предлагает путь символического поиска, то научное устремление к истине зиждется на рациональном познании. Вопрос веры и знания, поднятый еще в эпоху Средних веков («верую, ибо абсурдно»), сегодня актуализируется в новом ракурсе. Прекрасным примером синтеза науки и религии является деятельность ученого, врача, архиепископа Луки (В.Ф. Войно-Ясенецкого): «Профессор В.Ф. Войно-Ясенецкий не только предтеча решения проблем анестезиологии, ортопедии, гнойной и нейрохирургии 21 века», он «явился предтечей гносеологии нового, третьего тысячелетия нашей эры»¹².

Образ жизни святителя Луки может быть гражданским и духовным ориентиром для современного человека: врач и священнослужитель, целитель тела и души. Биография святителя, его научные работы в области хирургии, знакомят с нас с традицией верности и долга, примером служения во благо общества и страны. Через знакомство с жизнью святителя, его трудами, идеями, человек становится причастным к опыту высокодуховного проживания действительности. Формируется особый вектор экзистенциального запроса: ориентир, который задается святителем Лукой, включает в себя образ героического подвига служения Отечеству, стойкость веры, мужество, трудолюбие, стремление к новым знаниям и любовь к ближнему.

Святитель Лука показал пример гармоничного сосуществования веры в Бога и научного критичного разума

в сознании человека: он твердо следовал своему предназначению, как хирурга, так и священника, воспитывал в себе чувство долга, сострадания и любовь к Отчизне.

Примером своеобразного «экзистенциального знакомства» современного поколения с прошлым знаковой личности может служить опыт творческой организации пространства образовательного учреждения. Иллюстрацией такого пространства является аудитория, посвященная святителю Луке в Северном государственном медицинском университете города Архангельска. Находясь в пространстве этой аудитории, человек автоматически становится частью другой эпохи: он включается в символическую систему прошлого опыта через образы (иконы, фотографии), тексты (цитаты из работ святителя Луки) и артефакты (предметы личного пользования). Создание подобного рода пространств (именных, тематических аудиторий, уголков, постоянных и временных выставок) облегчает процесс «включения» сознания человека в символический мир духовной культуры.

Исходя из вышеизложенного, православная культура является основным претендентом на роль базового элемента современного российского мировоззрения. Как любая традиционная религиозная культура, в условиях исторического процесса, православие на протяжении многих веков имело доминантное значение в выстраивании траектории развития России. Включение религиозного контекста в образовательную среду, через использование различных доступных форм (создание аудиторий, выставок, домовых музеев и пр.) способствует максимально гармоничному «вхождению» человека в символическую структуру традиционного культурно-религиозного архетипического знания, что значительно обогатит опыт формирующегося современного мировоззрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. Русская идея / Н. Бердяев. - СПб.: Азбука-классика, 2008.
2. Захаров А.Е. В.Ф. Войно-Ясенецкий - предтеча гносеологии нового тысячелетия. Политика. Гуманология. Философия. Дух. Душа. Тело. Истина.
3. Лега В.П. История западной философии. Часть 2. Новое время. Современная западная философия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/Viktor-Lega/istorija-zapadnoj-filosofii-chast-vtoraja-novoe-vremja-sovremennaja-zapadnaja-filosofija/11#:~:text=По%20Хайдеггеру%2C%20забота%20-%20это,забота%20-%20это%20«забегание%20вперёд»>. (Дата обращения: 22.03.2024).
4. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pstgu.ru/download/1180624504.vosstanie_mass.pdf?ysclid=lssovzhepn672390762. (Дата обращения: 28.02.2024).
5. Полосин А.В. Шаг вперед: проблема мировоззрения в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. - 2022. - №3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/shag-vpered-problema-mirovozzreniya-v-sovremennoy-rossii/viewer>. (Дата обращения: 23.03.2024).
6. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей" Информационно-правовой портал ГАРАНТ. ru. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>. (Дата обращения: 11.03.2024).

12 Захаров А.Е. В.Ф. Войно-Ясенецкий - предтеча гносеологии нового тысячелетия. Политика. Гуманология. Философия. Дух. Душа. Тело. Истина. С. 10.

7. Франкл В. Подсознательный Бог: Психотерапия и религия / В. Франкл.: Пер. с нем. – М.: Альпина нон-фикшн, 2022.
8. Фромм Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. — М.: Издательство АСТ, 2000.
9. Юнг К.Г. Аналитическая психология: [сборник] / К.Г. Юнг; [перевод А. Чечиной]. – Москва: Издательство АСТ, 2021.

© Лаврентьева Анна Юрьевна (annaylavrenteva@mail.ru), Логинова Анна Кареновна (adalimif@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ДЖАЗОВОГО САКСОФОНА В КИТАЕ

Ма Ян

Аспирант, ФГБОУ ВО «Владимирский государственный
университет имени Александра Григорьевича и
Николая Григорьевича Столетовых»
102205149@qq.com

THE EARLY PERIOD OF JAZZ SAXOPHONE DEVELOPMENT IN CHINA

MaYang

Summary: The article explores the development of jazz saxophone in China in the 1920s-1940s. The author identifies the role of foreign musicians and the first Chinese band leader Jimmy King. The reasons for the ambivalent perception of the saxophone by Chinese society, as well as the subsequent wartime restrictions, are established.

Keywords: saxophone, jazz, shidaiqiu, Shanghai, Jimmy King, Chinese music, 20th century music.

Аннотация: В статье исследуется развитие джазового саксофона в Китае в 1920-1940-е годы. Автором выявлена роль иностранных музыкантов и первого китайского бэнд-лидера Джимми Кинга. Установлены причины двойственного восприятия саксофона китайским обществом, а также последующих ограничений военного времени.

Ключевые слова: саксофон, джаз, шидайцю, Шанхай, Джимми Кинг, китайская музыка, музыка XX века.

Актуальность данного исследования определяется стремительным развитием джаза в Китае, а также возросшим интересом к джазовому саксофону. История джазового саксофона в этой стране началась с приезда в 1918 году в Шанхай бэнд-лидера Гарри Керри (Harry Kerry), банджоиста Рэймонда Брека (Raymond Breck) и саксофониста Рассела Эллиса (Russell Ellis) [6, С. 119]. Они составили костяк первого эстрадно-джазового оркестра, выступавшего в городских кафе и танцзалах. Благодаря грампластинкам популярность джаза в европейских поселениях портовых городов быстро росла, и поэтому приезд настоящих американских джазменов в Шанхай оказался коммерчески привлекательным мероприятием. Позже в Китай прибыли афроамериканцы: вокалистка и трубач Вэлайда Сноу (Valaida Snow) в сопровождении оркестра барабанщика Джека Картера (Jack Carter) – в 1926 году, а оркестр трубача Бака Клэйтона (Buck Clayton) – в 1934-м. Эти коллективы оставили наиболее заметный след на джазовой сцене Шанхая.

Соответственно росту популярности джаза росла и популярность саксофона как главного олицетворения этой музыки. В шанхайских газетах первой половины 1920-х годов всё чаще появлялись объявления о покупке-продаже саксофона и о поиске квалифицированных педагогов для частных занятий [4].

В середине 1920-х годов в Шанхае стали открываться первые джаз-клубы. Их музыкальное оформление было полиэтническим. Вслед за американскими джазменами в город приезжали филиппинские, русские, японские музыканты, из которых складывались национальные эстрадные оркестры. Появление китайских коллективов

долгое время тормозилось своеобразной сегрегацией: они могли выступать только в дневное время, оставляя лучшее вечернее время для иностранцев. В свою очередь, японские музыканты часто зарабатывали всего лишь одну тридцатую часть от того, что зарабатывали гораздо более профессионально подготовленные американские и филиппинские джазмены. Таким образом, лучше всего оплачивалась работа американцев, далее шли русские, филиппинские и японские музыканты. Работа китайских оркестров оплачивалась хуже всего [6, С. 133].

В наибольшем выигрыше от сложившейся ситуации оказались чернокожие американские джазмены. Многие из них Шанхай дал долгожданную передышку от ратовых трудностей, с которыми они сталкивались дома. Саксофонист Эрл Уэйли (Earl Whaley) собрал один из первых свинговых коллективов на западном побережье США. В 1934 году он привёз свой оркестр с претенциозным названием «Раскалённые синкописты» («The Red Hot Syncopators») в Шанхай. На решение приехать за океан повлияли азарт, стабильная зарплата (150–200 долларов в месяц), а также отношение к афроамериканским музыкантам, которые в Шанхае получали гораздо больше уважения, чем в США. Джазмены с большим успехом выступали в «St. Anna's Ballroom» и других шанхайских клубах до 1937 года.¹

Русские музыканты также внесли ощутимый вклад в развитие джаза начального периода в Харбине, а затем в Шанхае. В историю китайского джаза вошли русские оркестры Сергея Ермолаева и Олега Лундстрема. Их деятельность в Китае достаточно подробно освещена в современных исследованиях, поэтому мы ограничим-

¹ Схожее отношение встретил в Шанхае оркестр прославленного афроамериканского трубача Бака Клэйтона.

ся воспоминаниями одного из русских саксофонистов – участника других, менее известных оркестров. Саксофонист, кларнетист и виолончелист Александр Шахов в 1934 году был приглашён в оркестр харбинского отеля «Модерн», в котором он проработал до 1937 года. По воспоминаниям музыканта, в то время все саксофонисты должны были играть и на кларнете. В джазовых оркестровках того времени эти инструменты были взаимозаменяемы. Получив в 1939 году приглашение в Шанхай, А. Шахов в составе джазового оркестра «Фантазия» играл не только джаз, но и популярную классику, а также танцевальную эстрадную музыку [3]. С ноября 1940 года русский саксофонист работал в кабаре «Аркадия», а затем во французском клубе.

В Шанхае 1940-х годов был так называемый «Советский Спортивный Клуб», где собирались все музыканты Шанхая. Кстати, именно там Александр Шахов неоднократно встречался с братьями Олегом и Игорем Лундстремами. После войны, в 1946 году по инициативе группы музыкантов был организован духовой оркестр во главе с В. Добровольским, который выступал на праздниках «Советского Спортивного Клуба», а также с самостоятельными концертами. Этот коллектив снискал заслуженную репутацию в самых широких музыкальных кругах Шанхая. А. Шахов работал в этом оркестре до июня 1947 года. Вскоре в Китае начались политические перемены, и в середине 1947 года русский саксофонист навсегда переехал в Советский Союз [3].

Значительный вклад в начальный период китайского джаза также внесли филиппинские оркестры, в составе которых были саксофонисты. Численно филиппинцы заметно преобладали над музыкантами других национальностей. В 1940-е годы, особенно сразу после победы над Японией, филиппинских эстрадных музыкантов в Шанхае стало ещё больше, что отмечали даже газеты того времени. Филиппинские музыканты выделялись не только своей численностью, но и высоким качеством игры. Их отличали природная музыкальность, прекрасное чувство ритма и хорошая обучаемость. Важно и то, что Филиппины с 1898 года находились под протекторатом США. Местные музыканты имели возможность подробно изучить молодое джазовое искусство на всех его стадиях. Они не только слушали грампластинки, как это происходило в Шанхае, но и общались с музыкантами американских джазовых коллективов, учились у них. Неудивительно, что шанхайские газеты не скупались на лестные отзывы. Таким образом, в сознании шанхайской публики словосочетания «филиппинские музыканты» и «высококласные джазмены» стали синонимами.

Саксофоны в филиппинских джазовых оркестрах занимали видное место. Так, из 15 участников «Контраст-бэнда» шестеро играли на саксофонах, а из 12 участников оркестра Луо Пина – четверо, включая самого бэнд-лидера. Луо Пин заслуживает упоминания ещё и как руководитель самого коммерчески успешного ор-

кестра конца 1930-х – первой половины 1940-х годов. В 1945 году музыкант с семьёй переехал в Гонконг, где и продолжил занятия джазом. Легендарный шанхайский саксофонист и бэнд-лидер умер в 2009 году в возрасте 95 лет.

На начальном периоде развития китайского джаза китайские эстрадные оркестры зачастую исполняли не джаз, а кантонскую городскую музыку – осовремененную версию южного фольклора. Для этого саксофон не требовался. Кроме того, действовала уже упомянутая негласная сегрегация, соответственно которой китайские коллективы могли выступать только днём. Дневные выступления вообще ставили под сомнение необходимость джаза в репертуаре китайских оркестров, ведь джаз прочно ассоциировался с ночной жизнью Шанхая.

Первый джазовый китайский оркестр был создан студентом Шанхайского университета Цзинь Хуайцзу (金怀祖) только в 1946 году, когда история раннего шанхайского джаза уже приближалась к завершению. Подчёркивая джазовую идею своего коллектива, Цзинь Хуайцзу взял псевдоним Джимми Кинг (Jimmy King). Его оркестр Джимми Кинга подобно американским джаз-бэндам того времени включал секции медных и язычковых духовых, а также ритм-секцию – фортепиано, бас и барабаны. Джимми Кинг учился в оркестрах на Филиппинах и понимал важность нотного текста для оркестрового джаза. Поэтому он не пожалел денег, чтобы заказать из США новейшие партитуры для игры в танцзалах. Всего в его оркестре играли 16 человек.

История первого китайского джазового оркестра оказалась недолгой: он распался менее чем через пять лет из-за закрытия шанхайских клубов. К сожалению, оригинальные аудиозаписи коллектива не сохранились, однако в 1990 году участники оркестра Джимми Кинга записали 34 танцевальные композиции из своего шанхайского репертуара. Судя по ним, в оркестре использована полная группа саксофонов. Музыканты играют строго по классическим джазовым партитурам, исполняя, в том числе, выписанные нотами сольные эпизоды. Сам Джимми Кинг умер в 1991 году.

В рассматриваемый ранний период джазовый саксофон также можно услышать в записях *шидайцю* – эстрадных песен, соединявших китайскую мелодику с западной аранжировкой. Например, в композиции «Морозящий дождь» (1932) основным инструментом аранжировки выступает группа саксофонов. Во вступлении её мягкие фразы эхом перекликаются с бодрым зачином всего оркестра. На протяжении всей песни саксофоны с кларнетами дублируют вокальную мелодию, а также проводят тему в интерлюдии.

Подобным образом, в виде перекличек с другими группами оркестра организована игра группы саксофонов в «Ночной Шанхай» (1946). Синкопированные пар-

тии, так называемые «пачки» исполняются характерным составом из двух альтов и трёх теноров. Ещё более выразительно саксофоны представлены в песне «Экспресс» (1936). В ней группа саксофонов во вступлении и коде имитирует паровозный гудок.

При рассмотрении пёстрой музыкальной звуковой картины Шанхая 1920-1940-х годов складывается впечатление яркого, но ограниченного использования саксофона в данный период. Но каким было отношение к заморскому инструменту самих местных жителей, как они восприняли его?

Сохранились интересные свидетельства, показывающих неоднозначное отношение жителей Шанхая к саксофону. С одной стороны, уже в середине 1920-х годов, когда начали появляться первые джаз-клубы, саксофонисты считались уважаемыми членами общества. Респектабельная газета «Вестник Северного Китая» 21 марта 1925 года с сожалением сообщала о «смерти миссис Ллойд Фрост Хармон, жены популярного саксофониста кафе «Карлтон» [2]. Важно и то, что европеизированная часть китайского общества приняла тембр саксофона.

Однако значительная часть китайского общества воспринимала саксофон как чрезвычайно шумный и неприятный по звучанию инструмент. По-видимому, саксофон как объект критики был выбран не случайно. В отличие от других джазовых инструментов, он не имел столь долгой истории, и казался самым ярким воплощением джаза и западной развлекательной музыки. В Китае саксофон оказался на острие противостояния современной западной культуры с традиционным консерватизмом и конфуцианским благочестием китайского общества. Поэтому, когда в конце 1940-х годов влияние западной культуры в стране снизилось до минимума, прервалась и история китайского джазового саксофона.

Во время японской оккупации развитие джаза (и саксофона в том числе) на оккупированных территориях сокращалось постепенно. Вначале, после захвата Манчжурии в феврале 1932 года музыкальная жизнь в крупных городах продолжалась без изменений. Более того, казалось, для джазовых саксофонистов открываются новые возможности. В 1934 году группа русских студентов Харбинского технологического института создала первый в городе джаз-бэнд. Этот коллектив, руководимый Олегом Лундстремом, выступал в танцевальных залах, крупных ресторанах и даже записывался на Харбинском радио. Однако в 1936 году, с приближением полномасштабной войны с Японией, русские джазмены перебрались в Шанхай, где вскоре были признаны одним из лучших оркестров [5, С. 175]. Выбор пал на Шанхай не только ввиду творческих перспектив, но и из соображений безопасности: все иностранные поселения в городе, а соответственно, и джаз-клубы оставались неприкосновенными для японских оккупантов. Такое положение объяснялось

статусом Японии, не находившейся в состоянии войны с европейскими странами и США.

Ситуация резко изменилась 7 декабря 1941 года, когда японский флот атаковал Пёрл-Харбор, а США в ответ объявили Японии войну. Уже через несколько часов после нападения на Пёрл-Харбор все международные поселения в городах Китая, прежде всего, в Шанхае, были захвачены японскими войсками. Вскоре оставшиеся в городе танцзалы были закрыты, а джаз попал под запрет. Немногие виды развлекательной музыки были описаны в анонимном полицейском отчете, представленном шанхайскими оккупационными властями в Токио. В числе прочего, в отчёте фигурировало ограничение количества саксофонов [1, С. 361-362]. С апреля 1944 года под полный запрет попала музыка, исполняемая на банджо и гавайской гитаре, а использование саксофона строго регламентировалось.

В течение года после оккупации 1941 года иностранцы из «вражеских стран» были согнаны в лагеря для интернированных лиц, разбросанные по всему Китаю. Среди интернированных оказался саксофонист Эрл Уэйли, до войны бывший одним из самых известных афроамериканских джазменов Шанхая. Когда в 1937 году началось японское вторжение, большинство американцев вернулось в США, однако Уэйли с несколькими музыкантами предпочёл остаться. В последующие годы он продолжал гастролировать по зарубежным анклавам северного Китая, особенно по Тяньцзиню. Когда в декабре 1941 Япония объявила войну США, Уэйли и его оркестр были отправлены в пределы иностранного поселения в Тяньцзине. В 1943 году его перевели в лагерь для интернированных Вэйсянь (潍县集中营), а по окончании войны в 1945 году, вместе с другими интернированными, отправили в США на борту американского военного корабля.

В течение войны большинство иностранных джазовых саксофонистов, наряду с музыкантами других специальностей, покинуло Китай. Как ни странно, эта ситуация открыла некоторые возможности перед местными музыкантами. Расовые различия, которые совсем недавно не позволяли китайским джазменам выступать наравне с иностранцами, исчезли. В книге «Ночные пейзажи Шанхая» китайский саксофонист Бао Чжэнчжэнь рассказывал, что китайские музыканты смогли занять ниши, освободившиеся после отъезда их иностранных коллег [6, С. 133]. Другой саксофонист Фан Шэнци смог в 1945 году в Харбине по случаю буквально за гроши купить у уезжавших японцев купить саксофон высокого качества. Этот инструмент позже позволил ему выступать в Художественной труппе Китайской железной дороги в 1951 году. С ним музыкант также стал одним из немногих саксофонистов, которым разрешили выступать во время Культурной революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аткинс Э.Т. Война с джазом, или джаз идёт на войну: на пути к новому культурному порядку в Японии военного времени // Критика культур Восточной Азии, 1998, т.6, №2. С. 345-392. (Atkins E.T. The War on Jazz, or Jazz Goes to War: Toward a New Cultural Order in Wartime Japan // East Asia Cultures Critique. 1998, vol. 6, no. 2. P. 345-392)
2. Вестник Северного Китая (периодическое издание), 21.03.1925 ("North China Herald", March 21, 1925)
3. Джаз в Китае 1930–1947 года. Из истории русской эмиграции. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://harbinjazz.ucoz.ru/HarbinJazz.html> (дата обращения – 28.05.2024)
4. Ежедневные новости Северного Китая (периодическое издание): 02.10.24; 22.10.24; 17.12.24; 02.04.25. ("North China Daily News": October 2, 1924; October 22, 1924; December 17, 1924; April 2, 1925)
5. Лю Синьсинь. История западной музыки в Харбине. Пекин: Народная музыка, 2002. – 403 с. (刘欣欣. 哈尔滨西洋音乐史. 北京: 人民音乐出版社, 2002年版. 403页.)
6. Фаррер Дж., Филд А. Ночные пейзажи Шанхая: ночная биография глобального города. Чикаго: Изд-во Чикагского университета, 2015. – 280 с. (Farrer J., Field A. Shanghai Nightscapes: A Nocturnal Biography of a Global City. Chicago: University of Chicago Press, 2015. – 280 p.).

© Ма Ян (102205149@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЧЕЛОВЕК В ДУАЛЬНОМ МИРЕ ЭПОХИ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ: КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

MAN IN THE DUAL WORLD OF THE RUSSIAN ENLIGHTENMENT: A CULTURAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

V. Skopa
S. An

Summary: The article examines the variants of human duality, presents an analysis of the unity of opposing natural and social characteristics in the essence of the human individual in the philosophical texts of Russian enlighteners of the 18th century. The essence of man is not something abstract, it is concrete and historical. Man in different historical eras combines specific and typical features of each era. The era of Russian Enlightenment is characterized, first of all, by the general process of secularization of Russian culture, one of the most important signs of which was the formation of ethical and philosophical consciousness, the definition of the subject of ethics as a philosophical science, the conceptual structuring of moral consciousness.

Keywords: man, spirituality, Russian philosophy, duality, Russian Enlightenment.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Ан Светлана Андреевна

доктор философских наук, профессор, профессор, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

Аннотация: В статье рассматриваются варианты дуальности человека; представлен анализ единства противоположных природных и социальных характеристик, в сущности, человеческого индивида в философских текстах русских просветителей XVIII века. Сущность человека не является чем-то абстрактным, она конкретно-исторична. Человек в различные исторические эпохи соединяет в себе специфические и типичные черты каждой эпохи. Для эпохи русского Просвещения характерен, прежде всего, общий процесс секуляризации русской культуры, одним из важнейших признаков которого стало становление этико-философского сознания, определение предмета этики как философской науки, понятийное структурирование морального сознания.

Ключевые слова: человек, духовность, русская философия, дуальность, русское Просвещение.

Начало нового тысячелетия, по мнению многих исследователей, характеризуется кризисом человека и общества, что обуславливает необходимость исследования человека не только как социально-природного, но и духовного существа, выявления его сути, места и значения, в том числе и в историческом измерении. Еще Бердяев Н.А. в своей работе «О человеке, его свободе и духовности» делал заключение о том, что «переживая агонию, человек хочет знать, кто он, откуда он пришел, куда идет и к чему предназначен» [2]. Сложность, динамичность сущности человека говорит о важности ее воссоздания в целостности и полноте проявлений в каждую историческую и культурную эпоху.

Сущность человека не является чем-то абстрактным, она конкретно-исторична, то есть содержание ее изменяется в зависимости от особенностей той или иной эпохи. С течением истории происходит трансформация сущности человека, соответственно, и понять ее вне исторического процесса невозможно. Вместе с тем нельзя сводить ее только к меняющемуся историческому процессу. Существуют некие постоянные, «вечные» моменты, определенный комплекс неизменных качеств, которые характерны для человека во все времена, сюда можно отнести пол, возраст, смертность и иные характеристики. Таким образом, человек в различные историче-

ские эпохи соединяет в себе специфические и типичные черты каждой из эпох.

Современная социокультурная ситуация в России складывается в условиях модернизации и обновления основных сфер жизни общества, обуславливающих, помимо остального, и необходимость поиска тех оснований в культуре, на которых возможно возрождение истинных ценностей исторического наследия поколений, а также укрепление духовных идеалов и национально-культурного самосознания.

В связи с этим необходимо самое пристальное внимание к историческому прошлому России, исследование наиболее значимых, переломных периодов в её эволюционном развитии. Без изучения этого прошлого невозможно понять настоящее со всеми его противоречиями и коллизиями, ответить на вопросы о смысле и способах человеческого бытия, о новых культурных тенденциях в развитии современного общества. Поэтому актуальность заявленной проблемы обусловлена, прежде всего, особой важностью результатов осмысления культур-философских и социокультурных коллизий рассматриваемого периода в истории России, оказавшего огромное влияние на всё дальнейшее понимание человека и его сущности.

Прежде всего, необходимо отметить, что в XVII веке в России происходили процессы, которые, по словам русского богослова Георгия Васильевича Флоровского, порождали «известные настроения», «шатание умов», «вольнодумство», протекали «в крайнем напряжении и в беспокойстве, в разногласии, в пререканиях и спорах» [13]. Этому способствовали как внешние, так и внутренние причины. К основным внутренним причинам относится, прежде всего, неспособность власти предотвратить процесс социальной деструкции, что неизбежно привело к стрельцким мятежам, городским восстаниям, казачьим выступлениям.

Итак, XVIII век – период активной секуляризации сознания, стремление понять глубину природной сущности человека и его бытие.

Может ли Господь Бог создать такой камень, который сам не сможет поднять? Вопрос старый. Это французы XVIII века резвились. Им, новоявленным атеистам, казалось, что таким простым вопросом они «сразили идею Высшей силы на корню» [1, 8]. Потому что Д'Аламбер, Д. Дидро и М.В. Ломоносов представляли Вселенную как самодвижущуюся материю (вещество) в никем не сотворённом пространстве и времени. И присутствие Бога в этом бескрайнем мире весьма сомнительно.

Дискуссиям философов эпохи русского Просвещения по секуляризации сознания, противопоставлению светского религиозному предшествовали дискуссии иосифлян и нестяжателей. Иосифляны обосновывали самоценность и «божественный характер» единоличной власти монарха. Оно требовало признания абсолютной ценности централизованной государственной власти, ради которой можно жертвовать другими ценностями: нравственными, культурными, а также жизнями отдельных людей. Для их идеологии отдельный человек – нечто второстепенное по сравнению с державным величием, легко заменимый винтик в государственной машине. Да и сам человек в эпоху активного развития механики сравнивался с машиной. Кроме того, иосифлянская доктрина, рассматривая вопрос об отношении между государством и церковью признавала неоспоримое верховенство светской самодержавной власти над церковью. Церковь же должна была взять на себя идеологические функции по пропаганде и охране существующей власти, а взамен потребовать материальных льгот и помощь от государства в борьбе с инакомыслящими. «В своём классическом виде в России иосифляны всегда выступают как защитники монастырской и церковной собственности, а также пышного культа, богатых одежд для духовенства» [7, с. 401].

Федотов Г.П. сделал едкое замечание: «Трижды отрекалась Русь от своего древнего идеала святости, каждый раз обедняя и уродуя свою христианскую личность. Пер-

вое отступничество – с поклонением Фелофея, второе – с Петром, третье – с Лениным [15, с. 48-49].

С другой стороны, противоборством и спасением от морального и физического унижения монахов явились идеи нестяжателей. Однако, к XVIII веку о Ниле Сорском не помнили, а Максим Грек почитался лишь в пределах Троице-Сергиевой Лавры. При этом, молебны Иосифу Волоцкому, как канонизированному русскому святому, возносились по всей просветительской Руси. Раскол русского национального сознания внутри православных в связи с никонианской религиозной реформой привёл к гонению на старообрядцев в конце XVII – первой половине XVIII века. Заметим, духовные гонения только усиливали дух гонимых и разлагали души гонителей. Такая борьба противоположных сил показала, что среди умных церковных служителей зрела мысль о том, что преследуются честные русские люди, молящиеся по обряду, по которому изначально молились Сергей Радонежский и другие православные святые.

Тем не менее, единство противоположных сторон – светской и религиозной, обозначилось в том, что в эпоху русского Просвещения был укреплен, начатый создаваться Петром I прочный фундамент материально-технологического бытия. Любой образованный человек уже мог осознать, что через мирную колонизацию и войны Россия расширилась до естественных границ России – Евразии. Она, политически и технологически являясь Западу и Востоку, утвердилась в качестве мировой державы, определяющей судьбы истории. Именно в это время формировалась структура централизованного государственного управления с профессиональным бюрократическим аппаратом и соответствующей законодательной основой.

При этом, жёсткая верховная власть породила жёсткую сопротивленческую анархию – по-разински казацкую, по-пугачевски крестьянскую и другие, помельче. Человек, униженный и лишенный возможности формироваться как личность, либо бунтует, либо психологически ломается. Поэтому в екатерининскую эпоху в просвещённых кругах формируется социально-философский категориальный аппарат: «общее благо», «свобода народа», «русский патриотизм».

Как видим, противопоставление светского религиозному, анализ их в едином материально-духовном, с социальной подоплёкой мире, представляет, по сути, отправную точку его дуальности. В дуальном мире всё делится на противоположности, а каждая из противоположностей содержит в себе зерно противоположного начала: в добре содержится зло, а в зле – добро. В историко-философском аспекте «Дуализм – учение, в котором материальная и духовная субстанции считаются равномерными [6, с. 444]. Добавим: «Дуализм культуры –

рассмотрение материальной и духовной культуры как двух противоположных, но тесно связанных основных элементов культуры [16, с. 140].

Дуалистический характер просвещенческого мышления выразился в вопросе о соотношении веры и разума (науки, прежде всего). Он конкретизируется в воззрении основоположника отечественной науки и естествознания М.В. Ломоносова, который выразительно написал о «двух книгах»: «Человек постигает истину только в изучении «Книги природы»; за Священным Писанием сохраняется функция нравственно-религиозного наставления... Создатель дал роду человеческому две книги. В одной он показал своё величество, а в другой свою волю. Первая – видимый мир, им созданный, чтобы человек, смотря на огромность, красоту и стройность его зданий, признал божественное всемогущество... Вторая книга – Священное Писание [10, с. 357-358].

Подобная двойственность обнаруживается также при анализе человека в трактате А.Н. Радищева «О человеке, его смертности и бессмертии». Это основной философский труд мыслителя, в котором пересекаются идеи двух философских противоположных систем; материалистической, выраженной в научном творчестве английских (Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Д. Локк) и французских материалистов XVIII в., с идеями немецких идеалистов (И. Г. Гердер, Г. В. Лейбниц).

Нам представляется, что дуальное видение человека, зародившееся в западном Просвещении, не могло не сказаться на русском философствовании. Но в русском Просвещении оно обустроилось, связалось с глубинной ментальностью и осозналось не только в философских, исторических и культурфилософских произведениях.

Например, у Н.М. Кармазина в «Письмах русского путешественника» отмечены в человеческой природе две уживающиеся «противные» склонности: одна из них влечёт к новизне, другая – к традиции. Первая связана с любовью к новостям, другая – с привычками. Карамзин справедливо замечает, что человек считает себя счастливым, когда «сии две склонности равновесны», а мы и сегодня можем утверждать то же самое. Поэтому нас так волнуют мысли русских просвещенцев. Они через дуальность в мировоззрении открывали дуальность во внутреннем мире человека. Мы же, современные исследователи, живущие в XXI веке, уловив этот вектор, уже уверенно утверждаем: институт познания – базовый культурный архетип. Мы, изучая человека, познаём его естественные творческие склонности, то есть способности человека создавать второй мир, имеющий или не имеющий аналога в действительности.

Стоит отметить, что русские просветители второй половины XVIII века проблему человека рассматривают как

«комплексную, т.е., связанную с социальной сущностью» его интересов [4, с. 26-27]. Емельянов Б.В. ссылаясь на Я.П. Козельского, подчеркивает: только находясь в обществе, человек может достигнуть «божественности» и «достойности» на земле. Нельзя не согласиться с тем, что утверждение «величия» человека было идеологически направлено против масонства. Можно предположить, что просветительская идеология в XVIII веке была чуть ли не единственной силой, способной противостоять религиозно-мистическим взглядам масонов на человека.

Подкупают воззрения русских просветителей на роль труда в естественной (физическая сила) и социальной жизни человека (соотношение личного и социального). В этом, опять же, прослеживается его дуальность. И в этом единстве противоположностей уже просматривается вопрос, которым задалась просветительская философия. Он состоял в том, как разрешить противоречие между естественными свойствами человека и неестественностью общественных отношений, искажающих сущность человека?

С XVIII века активизируется журнальная деятельность. Мыслители эпохи Просвещения по-разному отвечали на этот вопрос. Так, дискуссия о приоритетах природного или социального в человеке развернулась на страницах журнала «Живописец», где А.Н. Радищев и Н.И. Новиков отстаивали идею примата естественного в человеке, другие (Я.П. Козельский) отстаивали верховенство социального, которое касается и отдельного индивида, и общества, в котором он живёт. Русский просветитель Я.П. Козельский, не соглашаясь с антиисторизмом, пишет: «Господин Руссо думает, что полезнее было бы для человеческого рода, чтобы не знать ему наук и жить бы натурально, с которым мнением и я согласен в рассуждении того, что по истории видно, что до коих пор народы простее. то до тех пор были они добродетельнее и потому благополучнее, и думаю, что неблагополучие человеческого рода произошло от вскушения запрещённого плода, то есть от явственного познания, что есть добро и что худо; но следовать сему мнению тогда было хорошо, когда еще весь род человеческий был в натуральной простоте, а в нынешнем состоянии учёного света, ежели б какой народ вздумал не учиться, то другие неучёные народы в краткое время и с великим аппетитом его скушают...» [9, с. 414].

Но у Козельского ещё нет радикального решения данного философского вопроса. Его предложил Радищев. Теории естественного права и общественного договора дали ему возможность рассмотреть возможные взаимосвязи человека и среды, человека и общества. В знаменитом «Путешествии из Петербурга в Москву» он пишет: «Человек рождается в мир равен во всём другому... Но он кладёт оным преграду... – становится гражданином» [14, с. 51-52]. Философ полагает, что принятие гражданства не даёт оснований одному человеку вла-

ствовать над другими. Очевидно, что исходные посылки в решении дуальности человека у Радищева те же, что у большинства русских просветителей второй половины XVIII века – он отвергает масонское представление о «злой» сущности человека и его исправлении через самопознание и самовоспитание. Радищев же, анализируя способы освобождения человека, утверждает право угнетённого народа на борьбу против насилия революционным путём.

Интерес к антропологической проблематике – это не только характерная черта второй половины XVIII столетия. Антропологическая тематика всегда – начиная с Киевской Руси – была ведущей проблемой философских исканий русских интеллектуалов. Действительно, «... общепризнано, что «загадка о человеке» была важнейшей проблемой русской мысли, делая ее антропологически ориентированной. Она неизменно оставалась в центре философских размышлений русских мыслителей, была открыта для всех влияний, жадно искала, находила и перерабатывала, а иногда и с порога отрицала, любые новации западной и восточной мысли, будь то писания отцов церкви, масонство, вольтеррианство, фейербахианство или же ницшеанство» [5, с. 78]. Человек, его место в мире, судьба – это темы, без которых представить себе русское Просвещение невозможно.

Для эпохи русского Просвещения характерен, прежде всего, общий процесс секуляризации русской культуры, одним из важнейших признаков которого стало становление этико-философского сознания, определение предмета этики как философской науки, понятийное структурирование морального сознания [11]. Русское Просветительство, как и всякое другое национальное, не было и не могло быть простым подражанием, воссозданием идеологии французского Просвещения. Поскольку русское Просвещение являлось разновидностью международного феномена, то в нем нашли отражение основные черты, характерные для Просвещения вообще, моделью которого является классическое французское Просвещение [12].

Помимо того, у русской просветительской мысли в отличие от западноевропейского Просвещения менее заметен антиклерикализм, тем более атеизм. Российским просветителям не нужно было доказывать необходимость ограничить могущество церкви, поскольку монархи (Петр I и Екатерина II) значительно подорвали

суверенитет духовенства. Религиозное мировоззрение не отвергли, а лишь пересмотрели, при этом оставаясь глубоко верующими людьми. Сохранение религии обусловлено тем, что русские просветители не были готовы к полному отказу от прошлого. Многие из них отстаивали идею исторической преемственности культуры человечества, обладающую ценностями, приобретениями в течение тысячелетий.

Кроме того, религия и церковь, которые подвергались критике мыслителями петровской эпохи, в следующие десятилетия были снова и определенной степени восстановлены в качестве одного из основных устоев общественной жизни. Секуляризованная, переставшая базироваться целиком на религиозном мировоззрении, культура высших слоев общества XVIII века все же сохранила большое место для религии православной церкви. Это было и неизбежно политически в условиях абсолютистского полуфеодального государства, и в то же время соответствовало подлинному строю мировоззрения даже самых передовых людей того времени. Идеалы совершенства общественных отношений просветители XVIII века связывали с гармонией духовной и светской власти.

Таким образом, если рассматривать сущность человека эпохи Просвещения в целом, не останавливаясь на особенностях национальных проявлений, то можно говорить о том, что в данную эпоху произошло постепенное становление нового мировоззрения, по которому мир представлялся как целостная система человек-природа. Если в средние века человек, прежде всего, оставался божьим творением, призванным исполнять высшую волю, то в новую эпоху ощущение собственного незаурядного «Я» становится критерием ценности жизни. В этот период продолжается начатое в эпоху Возрождения личностное развитие, и философия начинает размышлять о духе как начале, объединяющем индивида с миром и обществом. По словам И.Ф. Волкова: «На этой общественно-исторической основе... сложился особый, романтический тип духовного и духовно-практического освоения жизни, основную особенность которого составляет расчет на отдельную человеческую личность как на самоценную силу...» [3]. И даже музыка, переживавшая в эпоху Просвещения небывалый взлет, отражала идеалы просветителей: в опере Моцарта «Волшебная флейта» отчетливо выражается представление о человеке как о венце Природы, звучит культ света и разума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бепольская И.А. Французское Просвещение: особенности развития, мотивы, образы. Воронеж, 2001.
2. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности. М., 1999.
3. Волков И.Ф. Творческие методы и художественные системы. М., 1978.
4. Емельянов Б.В. Русская философия как человековедение. Екатеринбург, 2014.

5. Емельянов Б. В. Русская философия как человековедение: избранное. Екатеринбург: УрГУ, 2014.
6. Ермаков В.С. Справочник по истории философии: хронологический, персонифицированный. Санкт-Петербург: Союз, 2003.
7. Иванов А.В. Скрижали метаистории. Творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. Барнаул: АлтГТУ им. И.И. Ползунова, Фонд «Алтай-21 век», 2006.
8. Капура А.В. Парадоксальность человека // Вестник Российского философского общества. 2013. № 3. – С. 94-100.
9. Козельский Я.П. Философические предложения // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. В 2 томах. М., 1952. Том. 1.
10. Ломоносов М.В. Избранные философские произведения. М., 1950.
11. Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980.
12. Мольш С. Современная французская философия: исторический очерк: от 1789 года до наших дней. М., 1964.
13. Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. М., 1993.
14. Радищев А.Н. Избранные философские произведения. М., 1952.
15. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. М., 2005.
16. Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь. Ростов-на-Дону, 1997.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru), Ан Светлана Андреевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСМЫСЛЕНИЕ СУЩНОСТИ КАК МАНИФЕСТАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ БЫТИЯ

UNDERSTANDING THE ESSENCE AS A MANIFESTATION OF THE HUMAN DIMENSION OF BEING

*T. Torubarova
V. Osipova*

Summary: The article analyzes the problem of essence in the context of understanding the human dimension of being. It is proved that it is the essence that is the evidence of the being principle in man. The process of transformation of the essence of man in the modern world is explicated. The conclusion is made that the question of essence is a question of identity, self-existence of a person. In terms of clarifying the specifics of the essential certainty of a person (in the disposition of the general and the individual), the process of human individuation in a social context is considered. It is noted that modern reality is based on an anthropocentric paradigm. In this regard, the authors appeal to the origins of its formation in the Western European thought tradition, which opens the way to understanding the specifics of the essential nature of man, awareness of key trends that largely determine the modern world order. It is argued that the understanding of human existence in the context of its leading determinants determines the vector of semantic interpretation of the essence, reveals the process of its transformation.

Keywords: essence, existence, man, being, world, substantial subject, identity, identity, society, individuation, anthropocentric paradigm, power, technology, history.

Торубарова Татьяна Викторовна

*доктор философских наук, профессор, Курский
государственный университет
ttorubarova@rambler.ru*

Осипова Варвара Александровна

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
varvara_osipova02@mail.ru*

Аннотация: В статье анализируется проблема сущности в контексте осмысления человеческого измерения бытия. Обосновывается, что именно сущность есть свидетельство бытийного начала в человеке. Эксплицируется процесс трансформации сущности человека в современном мире. Делается вывод, что вопрос о сущности есть вопрос об идентичности, самобытности человека. В плане прояснения специфики сущностной определенности человека (в диспозиции общего и индивидуального) рассматривается процесс индивидуации человека в социальном контексте. Отмечается, что современная реальность в ее основе возвращена антропоцентрической парадигмой. В этой связи, авторами, осуществляется апелляция к истокам её формирования в западноевропейском мыслительной традиции, открывающей путь к пониманию специфики эссенциальной природы человека, осознанию ключевых тенденций, во многом определяющих современный мировой порядок. Утверждается, что осмысление человеческого существования в контексте его ведущих детерминант, определяет вектор смыслового истолкования сущности, выявляет процесс ее трансформации.

Ключевые слова: сущность, существование, человек, бытие, мир, субстанциональный субъект, самобытность, идентичность, общество, индивидуация, антропоцентрическая парадигма, власть, техника, история.

Современная научно-техническая цивилизация, ознаменовавшаяся утверждением нового цифрового порядка, кардинально меняет наши представления о человеке. На смену человеку как биопсихосоциодуховному существу приходит, так называемый, постчеловек, мыслимый субъектом новой реальности, адаптивной формой которой становится квазиреальность, виртуальный мир. Границы человеческого, вмняемой ответственной личности, размываются до гибридного Я с набором операциональных способностей и чутьем, выполняющего функцию замещения и приспособления к миру. Такой конструкт рациональных схематизаций превращает человека в киборга, элиминируя фундаментальные основы человеческого бытия, его так называемые жизне-устои. Жизнь порождается усилием человека быть таковым [5, с. 15], усилием его сущностного воспроизведения. Ибо человек в своей сущности есть существо метафизическое. Жизнь в современном мире уже не является живой жизнью [2, с. 6]. Пропитанная цифровым контролем и управляемая симуляцион-

ными моделями она элиминирует человеческую самобытность. Самобытность человека заключается прежде всего в его отношении к бытию. Понимание своей укорененности в бытии является источником развертывания мышления как блага и дара человека. Лишившись своего собственного элемента, мышление приобретает технический характер. Язык становится средством хранения и передачи информации, погружаясь в публичную сферу, где господствует субъективность. Субъективность реализуется в конституировании человеком собственного миро-порядка на правах распорядителя и конкистадора всего сущего. Такого рода субъективность является объектной, но отнюдь не онтологической. Опустошение языка подрывает нравственную ответственность, что угрожает самому бытию человека. Язык выпадает из собственного элемента (элемент как начало природных вещей в античной философии). Язык, утративший онтологическое измерение, превращается в средство господства и подчинения мира всего сущего. И это тенденция лежала в основе рационализма Нового времени,

да и по сей день не утратила свою актуальность.

Человек должен иметь онтологическое измерение, так называемую отмеченность Бытием. Только тогда может идти речь о реализации человеческой сущности, то есть гуманизме в собственном смысле этого слова. Гуманизм апеллирует к сущности человеческого бытия. Об этом забывается ныне, когда размывается грань между человеческим и нечеловеческим. Нечеловеческое как раз и означает лишенность человеком его собственной сущности. Вспомним К. Маркса, который усматривал истину сущности человека в социальности, только в обществе гарантируется осуществление человеческой сущности. В христианстве homo humanitas противопоставляется Deitas, в Ренессансе humanitas противопоставляется варварство средневекового человека, готической схоластики – ренессансная ученость. Именно в открытости человека, согласно гуманизму, осуществляется сущность человека. На первый план выходят вопросы о свободе и природе человека. В эпоху Возрождения появляются различные проекты освобождения природы человека, реализуемые в утопиях. В работе Н. Макиавелли «Государь» определена последующая структура мышления Нового времени, где политико-экономическая реальность получает своё метафизическое обоснование. Человечность определяется при условии понимания истории, природы, концепции мира и основания мира, то есть сущего в его тотальности. Однако в определении того, что называется «человечностью», не ставится вопрос о бытии всего сущего. Гуманизм первоначально определяли через римское понимание гуманизма (римская virtus и т.д., противопоставлялась средневековому варварству). Человек есть animale rationale. В философии Аристотеля человек определяется как «зоон политикон». У Платона - человек есть сущее, обладающее словом, речью. Определение сущности человека через «Философию жизни» выражается в задаче лучшей организации человеческой жизни, его анимальности. А коль скоро метафизическое определение человека заключается в анимальности, тогда жизнь человека превращается в поиск средств установления счастливого образа жизни человека. Однако, еще И. Кант подчеркивал, что стремление к счастью, характеризует человека как природного существа. В «Критике практического разума» он пишет: «Быть счастливым — это необходимое желание каждого разумного, но конечного существа и, следовательно, неизбежное определяющее основание его способности и желания» [4, с. 401]. Сама история становится реализацией человеческой сущности, свидетельством осуществления его бытия в мире. «Мы изначально принадлежим истории, пребываем и действуем в ней, она захватывает нас, одновременно существую также и внутри нас самих. Как замечал Хайдеггер, «мы сами, исторически существуя, тоже оказываемся ею самой» [6, с. 30].

Когда человек становится самодостаточным в своем

существовании, то есть субъектом всего сущего, тогда определение объективности того или иного сущего зависит от наших собственных замыслов, идей и целей. Мир как наш собственный мир должен изменяться в «нашу пользу». Поскольку человек оказывается вне наличных пространственно-временных границ, постольку он всюду встречает только самого себя в многообразии социальных ролей и масок, и, как следствие, мир превращается в его мир. Сущность самого человека утверждается как субстанциальный субъект всего сущего. В проекции такого рода перспективы все сущее рассматривается как лишенное внутренней природы и собственного значения. Бытие всего сущего понимается у Гегеля как «ничто», у Р. Декарта как «пространственно-временное протяжение». Не является ли такое положение проявлением сущности человека? Какова эта сущность? История развития философской мысли по сути дела и является своего рода манифестацией человеческой сущности, делающей зримым многообразие ее проявлений.

В ренессансной идее humanitas утверждается стремление человека реализовать самого себя, свою сущность. В современном мире стремление человека преобразовать мир, (ни созерцать, ни осмысливать), соответствует экзистенциальной сущности человека, что в средневековой теологии определялось термином «трансценденция». Эти термины вошли в западноевропейскую метафизику из средневековой философии, где они получали совершенно иное звучание (в философии жизни, в экзистенциализме - эстазис - экзистенциальная сущность человека у Ф. Ницше). В Ренессансной идее «гуманитас» происходит секуляризация в понимании категорий «сущности» и «существования». Если в Средние века существование в абсолютном смысле относилось только к сфере божественного (Бог: сущность = существование; Бог есть свое собственное существование), то в Ренессансе такое понимание относится к человеку (человек есть свое собственное существование). Осуществляется секуляризация теологического понимания бытия. Само по себе существование не предполагает, что сущность существования реализована (Гегель: бытие - ничто; опр. бытие - количество - качество - мера - явление - действительность и т.д. вплоть до Абсолютной Идеи). В западноевропейской метафизике, например, в философии Ж.-П. Сартра, сущность не совпадает с существованием; существование предшествует сущности. У Шеллинга сущность - «высокий гербарий существования».

Противоположение сущности и существования в понимании бытия впервые выступает в философии Платона. Идеи как идеальные образы вещей предшествуют их чувственно-воспринимаемому существованию и вещи существуют лишь в той мере, в какой они причастны идеальному плану бытия. Но важно не обратное противоположение этих терминов, а выяснение их смысла. Важно выяснить: как бытие самого человека оказывается сущ-

ностно востребованным? Говоря о сущности и существовании в контексте традиционной метафизики, человек выступает как субстанциальный субъект по отношению к остальным вещам. А если сущность человека определяется в его статусе субстанциального субъекта, то тогда от человека зависит востребованность им существования чего-либо в своих собственных мыслях, действиях, отношении к себе, и другим. Определение человека как субстанциального субъекта в традиционной метафизике означает, что властно - распределительное отношение к миру является решающим, что характеризует и современную форму знания - науку; это отношение определяет все формы сознания, то есть человек оказывается носителем и распределением бытия всего сущего. Если человек понимается как субстанциальный субъект, то есть утверждается властно-господствующее отношение к миру (Гегель «Феноменология духа»: Раб и Господин), то тем самым объективное понимается с точки зрения субъекта, то есть субъективно. В перспективе такого рода отношения человек лишается всякой сущности, оказывается вне своего места, вне Неба и Земли, где существует лишь вселенский вакуум, происходят рождения Галактик, звезд и т.д. Уже нет целостного понимания космоса, которое было у греков и в средние века. Человек оказывается во вселенском вакууме. Он над всем стоит, занимает место Бога. Секуляризация теологических построений в Ренессансе означала обожествление мира и обожествление человека. Онтология современной науки - астрономии, астрофизики и т.д. все более удаляет человека от Земли, от родного места бытия. Истоки всех миров отыскиваются в телескопических данных или субатомных частицах. То, что для верующего сознания было священным, теряет свой ранг, так как священным является то, что позволяет облачать политически человеческое тело (М. Фуко). Сама сущность человека раскрывается в социально-политической анатомии. Политическое облачение человеческого тела означает то, что он получает какие-нибудь регалии, то есть тело имеет смысл через награды, премии и т.д. Тело получает, таким образом, социально-значимый статус. Если сущность социальных отношений определяется только политически, то только в рамках политической анатомии человек обретает свою сущность. Если К. Маркс говорит о экономической анатомии, то с XX в. ключевые позиции перепоручаются уже политической анатомии. Рассмотрение культуры как системы духовных и материальных ценностей выдвигает на первый план оценочное мышление.

Искусство, этика оказываются зависимыми от оценок субъективности. Поскольку человек в своей экзистенциальной сути оказывается постоянно вне наличия пространственного окружения, постольку всюду сталкивается по сути дела с самим собой, со своими собственными изделиями. Даже свою телесность он идентифицирует с различными аппаратами, механизмами и т.д. В этом смысле речь идет о техноморфном хапосе, который характерен

для жизни многих современных людей «...для которых техническая среда обитания более «естественна», чем природная, которые о животных и даже растениях первоначально узнают по картинкам и телевизору» [7, с. 390].

Таким образом, осуществляется процесс трансформации сущности человека в реалиях современного техномира. «Ученые производят власть, над которой они сами не властны; «нашим жизням сегодня угрожает не только то, что их губит, но то, что призвано их охранять: наука и медицина». На путях естественного разрастания и самоупрочения обезличивающая технизация ведёт к «новому варварству»» [1, с. 181]. Техника уже не может быть нейтральным инструментом преобразования мира, ибо артефакты, как результат человеческого труда, являются выражением сущностных сил человека, с одной стороны, а с другой, они кардинально изменяют саму человеческую сущность, вплоть до ее замены более совершенными механизмами. Вот почему ныне, как никогда остро, актуализируется проблема идентичности человека. Человек оказывается отчужденным от своей собственной сущности, бездомным существом, блуждающим в поисках бытия, а, значит, своего дома, собственно человеческого существа и существования. Ибо тайна его существования, придающая смысл поступкам, да и всей жизни современного человека, кроется вовсе не в результатах научно-технического прогресса и не в достижениях, связанных с реализацией той или иной познавательной парадигмы, но создается его обращением к бытию. Обращение затрагивает основы жизни человека, свидетельствует о его сущностной укорененности, способной преобразить человека, преодолеть бессмысленность его существования, наконец, обрести самобытность. Отмеченность бытием делает живым человеческое существование, исполненным смыслом и высшим предназначением; а значит бытийственным и сущностно реализованным. «Быть самим собой – значит быть настроенным на бытие» [3, с. 149]. Как бы метафорично это ни звучало в нашем прагматичном мире, если мы хотим воспринимать напряжение, интенсивность подлинной жизни, а не оттенки симулятивной реальности, ставившей человека на грань выживания, то важно восстановить зачастую стертые в языке и почти утраченные понятия, отражающие бытие. Сущность и является такого рода понятием, позволяющим понять человеку смысл и тайну своего существа, распознать и увидеть самого себя. Распыляющееся человеческое Я в многообразии социальных ролей и идентификаций техноморфного хапоса задает весьма трагичный сюжет развитию мира как антропоцентрического порядка.

Вопрос о сущности в контексте заявленного осмысления, является по сути дела вопросом о идентичности человека, о родовой принадлежности его собственно человеческой природе. Ключевые тенденции реалий современного мира ведут к изменению сущ-

ности человека, так называемому расчеловечиванию. Это перерождение свидетельствует о том, что, как пишет М. Хайдеггер: «...на самом деле с самим собой, т. е. со своим существом, человек сегодня как раз нигде уже не встречается» [12, с. 233]. В своей современной сущности человек весь мир рассматривает как свою собственность, которой он может распоряжаться, как угодно, тем самым лишаясь своего собственного мира. Человек оказывается в состоянии «тревоги» [13, с. 252], что заставляет его задуматься о своей собственной сущности. Речь идет о положении человека в бытии, которое оказывается сущностно уязвимым, тревожным в своей бездомности. Тревога кроется в основании собственного бытия, сущностного присутствия человека. Он лишается единства с бытием природно-сущего, тем самым, в качестве субстанциального субъекта, все окружающее, включая социальный контекст, он полагает внутренне лишенным своего значения. Разрушение общности природного существования вещей, общности социального существования вещей означает, что имеется только два атрибута бытия: 1) бытие собственной сущности человека, а сущность человека состоит в том, чтобы наделять значением все сущее, 2) природно-телесное бытие как протяженность (Декарт: субстанция - атрибуты: разум и протяженность - разум, «раскручивая» протяженность, наделяет ее своими собственными смыслами, значениями, то есть человек - существо осмысливающее, а все остальное лишено всякого, даже особенного, смысла). Гегель в «Науке логики» следует следующей логике: бытие - ничто - определенное бытие - количество - качество, то есть «из ничего» творятся все основные характеристики бытия, то есть имеет место быть только божественное бытие, разумное бытие, к которому причастен человек, а все сущее лишено смысла и значения и логически выводимо. Логика Гегеля оказывается онто-теологией: подобно средневековой теологии субстанциальный субъект, причастный божественному плану бытия, (творение мира Богом из ничего) строит онто-теологию.

Если это является проявлением человеческой сущности, то какова сама сущность человека? Несмотря на различные смысловые акценты в употреблении данного понятия, ключевым вектором в понимании его сути является способ человеческого бытия, то есть существования человека в качестве такового. Вот почему проблема идентичности как персональной, так и социальной, самоопределение человека в его собственной индивидуальности выступают в качестве основополагающих. Современная реальность возвращена антропоцентрической парадигмой в самой ее основе, сколь бы вариаций она не претерпевала ныне в лице телоцентризма, техноморфного хапоса, информационной цивилизации и т. д. Вот почему обращение к истокам ее формирования и фундаментальным аспектам открывает нам путь к самим себе, к понимаю собственной сущности.

Отметим в этой связи следующее. После эпохи Возрождения Западноевропейская культура стала культурой рациональной формы полезности, расчета, господства и подчинения, исполненной «бунта и послушания», обладания «социальной магии» (когда какой-нибудь проект предполагает разрешение всей проблемы). Социальная магия характерна для господствующе-властного отношения к миру, которое становится ключевым и определяющим в условиях современных реалий.

Каким образом осуществляется процесс индивидуации человека в существующем социальном контексте? Процесс индивидуации остается основной тайной формы социального существования. В ренессансной идее «гуманитас» человек утверждает себя в качестве политического, морального, гносеологического субъекта и т.д. Именно в эпоху Возрождения, в рамках формирования политико-экономической реальности, «клиническое» представление о мире, «медицинское» отношение к вещам не только к природным, но и социальным, становится определяющим. «Ренессанс называют истоком современной научно-технической цивилизации. С его наследием связывают и формирование философского, а также научно-технического рационализма XII в...» [8, с. 3]. Классический рационализм получает распространение в контексте формального правового сознания. Как отмечает Э.Ю. Соловьёв: «...в политической философии Локка само новоевропейское правосознание...предстало в качестве феномена, то бишь в качестве «явления, которое само себя раскрывает, толкует и эксплицирует рационально понятным способом» [9, с. 149]. Современные формы знания неотделимы от властного отношения к миру. Когда происходило формирование абсолютных монархий в Европе XVI - XVII вв., то поражал политический произвол монархической власти, поэтому революции в Англии, Франции сопровождались лозунгами ограничить произвол этих монархий. Юридическое правовое сознание апеллирует к идеальной норме, но оно реализует себя в конкретной системе социального наказания и принуждения. Как показывает М. Фуко в своем труде «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы», функционирующий порядок юстиции объявляется планом подчинения, прежде всего, человеческого тела и представляет собой властное отношение к миру. «Исторический момент дисциплин - момент, когда рождается искусство владения человеческим телом, направленное не только на увеличение его ловкости и сноровки, не только на усиление его подчинения, но и на формирование отношения, которое в самом механизме делает тело тем более послушным, чем более полезным оно становится, и наоборот. Тогда формируется политика принуждений... Человеческое тело вступает в механизмы власти, которые тщательно обрабатывают его, разрушают его порядок и собирают заново. Рождается «политическая анатомия», являющаяся одновременно «механикой власти» [11, с. 201]. Существующая техника наказания зависит не от характера преступления, а

от потребности утверждать и сохранять определенный режим властных отношений, режим подчиняемости. Характер власти и подчинения скрывает в себе глубинные структуры политически облачаемого тела человека и индивидуума. Власть организует необходимое для себя тело, которое будет контролироваться, подчиняться и социализироваться. Власть стремится не столько познавать, сколько выслеживать скрытые глубины социального тела каждого индивидуума, чтобы эффективно воздействовать на это социальное тело. В принципе индивидуации скрыта вся структура социальности, то есть каким образом человек осуществляет себя в обществе, таким образом объясняется и структура социальности. Соотношение общего и индивидного определяет взаимодействие двух основных форм фиксации и выражения сущности еще у Аристотеля. Причем в трактовке «чтоности» и «этости» приоритет он отдает индивидуально сущему. Проблема сущности связана с проблемой идентификации, которая предполагает полноту, то есть общей и индивидной сущности вещи, без взаимодействия и взаимодополнения которых как воссоздающих определенную систему отношений, невозможно было бы существования общества.

«Идентификация – задача социума, в силу необходимости не просто различения членов общества, но и выделения, спецификации и фиксации личности как вменяемого субъекта» [10, с. 622]. В свою очередь, личность как вменяемый субъект является по сути дела олицетворением человеческого измерения бытия в его, собственно, эссенциальной природе.

Таким образом, сущность человека и есть собственно определенность человека в качестве такового в его возможности человеческого существования. Осмысление существования человека в контексте ключевых детерминант, определяющих этот процесс, открывает путь к постижению того, в чем же заключается его сущность. Понимание специфики конституирования человеческой сущности в современном мире оказывается весьма затруднительным вне осознания противоречивой и кризисной ситуации, в которой находится человек в современном обществе. Вот почему каждая попытка в этом направлении является несомненно продуктивной практикой ведения диалога в постановке и осмыслении этой проблемы в тех или иных ее аспектах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бибихин В.В. Новый Ренессанс. - М.: МАИК «Наука», «Прогресс Традиция», 1998. - 496 с.
2. Губин В.Д. Жизнь как метафора бытия / В.Д. Губин; [Рос. гос. гуманитар. ун-т]. - М.: Изд. центр РГГУ, 2003. - 2008 с.
3. Губин В.Д., Некрасова Е.Н. Человек в трех измерениях. Изд. 2, испр. и доп. - 2018. - 336 с.
4. Кант И. Критика практического разума // Сочинения. В 8-ми т. Т. 4. - М.: ЧОРО, 1994. - С. 373–566.
5. Мамардашвили М.К. Возможный человек. - М.: РИПОЛ Классик: Панглосс, 2019. - 495 с.
6. Перов Ю.В. Историчность и историческая реальность. Серия «Мыслители», Выпуск 2. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2000. - 144 с.
7. Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков / Под ред. Г.Л. Тульчинского, М.С. Уварова. - СПб.: Алетейя, 2001. - 415 с.
8. Сергеев К.А. Ренессансные основания антропоцентризма / К.А. Сергеев; Санкт-Петербург. гос. ун-т. Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1993. - 258 с.
9. Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). - М.: Политиздат, 1991. - 432 с.
10. Тульчинский Г.Л. Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе / Г.Л. Тульчинский. - СПб.: Алетейя, 2022. - 826 с.
11. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. - М.: Ad Marginem, 1999. - 480 с.
12. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер; сост., пер., вступ. ст., коммент, и указ. В. В. Бибихина. - М.: Респу-блика, 1993. - С. 221–238.
13. Heidegger M. Sein und Zeit. Gesamtausgabe. Bd. 2: Frankfurt am Main, 1977. - 583 p.

© Торубарова Татьяна Викторовна (ttorubarova@rambler.ru), Осипова Варвара Александровна (varvara_osipova02@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Abelbeisov V. – Candidate of Sociological Sciences, Russian State University of Justice. North Caucasus Branch

Amosov A. – senior lecturer, Russian State Pedagogical University. Dostoevsky, Clinical Psychologist at the Leningrad Regional of Mental Health Center, St. Petersburg, Russia

An S. – Doctor of Philosophy, Professor, Professor, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Doroshenko V. – clinical psychologist, "Best Doctor", Moscow

Feschenko E. – PhD in Psychology, Associate Professor, Institute of Nuclear Power Engineering (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University" in Sosnovy Bor

Gafarova O. – Psychologist-psychotherapist; General Director, LLC "Resource Center "Integration", Tambov

Glotova Zh. – PhD, associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal university Kaliningrad, Russia

Ivanova I. – candidate of philosophical sciences, associate professor, Moscow University for the Humanities

Kalyagin V. – Doctor of Medical Sciences, Professor, Professor, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

Kovalchuk O. – applicant, Krasnodar State Institute of Culture

Labznaya L. – PhD in Psychology, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Lugansk State Pedagogical University"

Lavrentieva A. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Northern State Medical University (Arkhangelsk)

Litvinenko I. – Researcher at the Center for the Study of Civil Initiatives, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Simferopol

Loginova A. – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, Northern State Medical University (Arkhangelsk)

Martianova L. – Polygraph examiner, Center for Psychophysiological Research International Academy of Researching Lie

MaYang – Aspirant, FGBOU VO "Vladimirskiy gosudarstvennyy universitet imeni Aleksandra Grigor'yevicha i Nikolaya Grigor'yevicha Stoletovykh"

Our authors

Molchanov A. – Director, Center for Psychophysiological Research International Academy of Researching Lie

Molchanova E. – Polygraph examiner, Center for Psychophysiological Research International Academy of Researching Lie

Mondraeva E. – PhD, associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal university, Kaliningrad, Russia

Nechaeva E. – PhD student, Moscow Institute of Psychoanalysis

Osipova V. – Lomonosov Moscow State University

Ovchinnikova T. – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Pushkin State University

Petrukhina A. – Chairman of the Union of Industrialists and Entrepreneurs "IVOLGA"

Sadovskaya T. – PhD, associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal university, Kaliningrad, Russia

Shangua I. – Brand Director of TRADING HOUSE CULTURE OF THE HOUSE LLC

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Slavutskaya A. – postgraduate student, Herzen State Pedagogical University (Saint-Petersburg)

Song Chunzhu – Postdoctor, Peking University

Suvorova O. – Neuropsychologist, head of the center for neurocorrection of children with disabilities

Torubarova T. – Doctor of Philosophy, Professor, Kursk State University

Yagudin D. – Doctor of Psychological Sciences, clinical psychologist, Chairman of the Board of the NGO "Unity"

Zemtseva N. – Applicant, Institute of Correctional Pedagogy, State Budgetary Institution "Center of Speech Pathology and Neurorehabilitation" DZM

Zetkin S. – applicant, Ogarev Mordovia State University (Saransk)

Zhao Yunheng – Lecturer, Shanxi Institute of Applied Science and Technology

Zianshina M. – graduate student, Peoples' Friendship University of Russia Moscow

Zinnatullina G. – Postgraduate, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

Zvonova E. – PhD in Philosophy Associate professor, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenovskiy University), Russia; Senior Researcher, Cosmism Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES)

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).